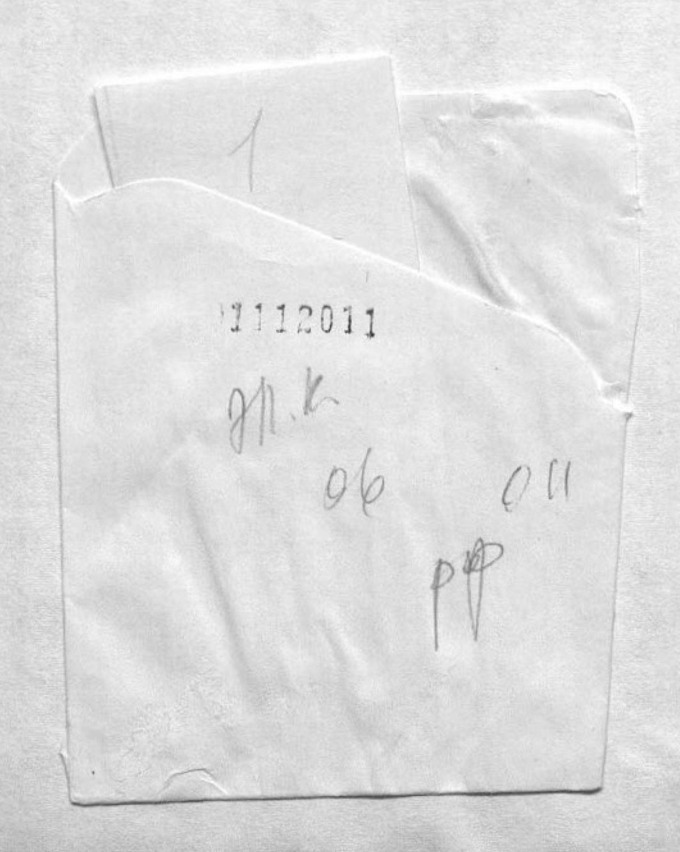

1
1112011
Jn.k
06 011
pp

Р. Зонненбургъ.

Изъ Якутско-Охотскаго края.

Путевыя впечатлѣнія съ постройки Охотскаго телеграфа.

Доходъ съ настоящаго изданія поступаетъ въ пользу проектированнаго Общества помощи для воспитанія дѣтей чиновъ Иркутскаго почтово-телеграфнаго округа.

Г. ИРКУТСКЪ.
Электро-типографія С. А. Серебреникова.
1910.

Печатать цензурою дозволено. Томскъ, 1910 г.

Записывая впечатлѣнія и свѣдѣнія, собранныя мною во время своего пребыванія въ Якутско-Охотскомъ краѣ, я имѣлъ въ виду внести и свою лепту въ отечествовѣдѣніе и подѣлиться своими впечатлѣніями со всѣми, кто этимъ краемъ интересуется. Записки относятся къ 1909 году, но печатаніе ихъ задержалось до 1910 года.

Считаю своимъ долгомъ выразить здѣсь свою благодарность горному инженеру К. Ф. Егорову за любезное опредѣленіе предъявленныхъ ему различныхъ породъ, взятыхъ отъ скалъ и глыбъ, встрѣчающихся въ данной мѣстности.

Авторъ.

Иркутскъ, 30 января 1910 года.

Порученная мнѣ въ текущемъ году постройка телеграфной линіи отъ Якутска до Охотска требовала моего личнаго присутствія въ этомъ далекомъ, малоизвѣстномъ краю въ теченіе продолжительнаго времени. Путь, по которому проложена телеграфная линія, мнѣ пришлось посѣтить и зимою и лѣтомъ, при различныхъ условіяхъ жизни и передвиженія въ дикой Сѣверной тайгѣ.

Зимняя моя поѣздка въ Охотскъ вызывалась нѣсколькими причинами: нужно было лично ознакомиться, насколько удачно намѣчено направленіе новой телеграфной линіи; требовалось избрать мѣста для постройки зданій подъ открываемыя по тракту почтово-телеграфныя и контрольныя телеграфныя отдѣленія съ квартирами для служащихъ; нужно было выяснить состояніе зимняго тракта и степень необходимости въ немъ: нельзя ли производить зимняго движенія по лѣтнему тракту, и если это возможно, то гдѣ потребуется открыть новыя почтовыя станціи; нужно было проложить дорогу на лѣтнемъ трактѣ, т. к. иначе тунгусы не соглашались на доставку въ складочные по тракту пункты провіанта для артелей рабочихъ, выступавшихъ туда на рубку просѣки.

Попутчиками въ Охотскъ мнѣ были механикъ телеграфа Димитревичъ и якутъ Иванъ Гавриловичъ Сивцевъ.

Димитревичу я имѣлъ въ виду поручить тщательное изученіе мѣстности по Кухтую, Охотѣ и къ Ураку для опредѣленія наиболѣе выгоднаго направленія телеграфной линіи отъ Урака къ Охотску; ему же я поручилъ руководство рубкою просѣки отъ Охотска къ Юдомѣ и постройку, затѣмъ, участка телеграфной линіи отъ Охотска.

Сивцевъ—постоянный охотскій житель, содержатель лѣтней почтовой станціи въ Охотскѣ, постоянный подрядчикъ по разнаго рода перевозкамъ и рыболовъ. Онъ же принялъ на себя трудъ по организаціи перевозки провіанта и рабочихъ въ безлюдной тайгѣ и тѣмъ оказалъ большое вліяніе на инородцевъ при рѣшеніи ихъ принять на себя рубку просѣки и заготовку телеграфныхъ столбовъ въ мѣстности, которая ихъ пугала своей полной неизвѣстностью.

Кромѣ этихъ двухъ лицъ, со мною слѣдовалъ казакъ Степанъ Иннокентьевичъ Расторгуевъ, человѣкъ бывалый, участвовавшій съ 1886 года въ десяти научныхъ экспедиціяхъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ Сибири, начиная съ Таймыра до мыса Дежнева и отъ Камчатки до Аяна. Черскій, Герцъ, баронъ Толль, Сикорскій, Бутурлинъ, Воллосовичъ и др. пользовались въ пути его услугами. Участвуя въ этихъ экспедиціяхъ, Расторгуевъ пріобрѣлъ нѣкоторый навыкъ въ техникѣ собранія минераловъ и ботанизированія. Человѣкъ онъ безукоризненной честности, вполнѣ трезвый, заботливый и находчивый. Для новичка въ путешествіяхъ по сѣвернымъ дебрямъ и тундрамъ такой спутникъ просто кладъ.

Для путешествія въ Охотскъ я пріобрѣлъ двѣ нарты: одну для вещей, а другую, типа „повозки", для себя. По ширинѣ своей это были такъ называемыя „колымскія" нарты и меня увѣряли, что онѣ по Охотскому тракту не пройдутъ но, довѣряясь Расторгуеву, я остановился на нихъ и не имѣлъ повода раскаяваться въ этомъ. Значительно устойчивѣе охотскихъ нартъ, мои ни разу не опрокинулись, тогда какъ моимъ спутникамъ не разъ пришлось побывать въ снѣгу, когда одно изъ полозьевъ наскакивало на камень, на пень или на кочку, что, къ слову сказать, случалось впослѣдствіи довольно часто.

У Сивцева была своя повозка, у Расторгуева также собственная открытая нарта. Димитревичъ изъ экономіи рѣшилъ ѣхать на перекладныхъ.

„Повозка"—это нарта, на которую поставленъ кузовъ въ родѣ тарантаснаго, съ подъемнымъ верхомъ и туго настегиваемымъ заметомъ. При непогодѣ или на ночь заметъ застегивается, и тогда воздухъ въ повозкѣ быстро согрѣвается. Въ нѣкоторыхъ повозкахъ верхъ снабженъ окошкомъ, и тогда возможно коротать время пути чтеніемъ.

Инородцы сѣвера выработали типъ мѣховой одежды, чрезвычайно теплой и вмѣстѣ съ тѣмъ не лишающей человѣка подвижности. На ноги надѣваются чулки изъ заячьяго мѣха, поверхъ нихъ—мягкіе сапоги изъ оленьяго мѣха съ подошвами изъ такъ называемой щетинки (короткошерстная шкура съ оленьихъ ногъ): подошвы извнутри застилаютъ сѣномъ. Мѣховыя брюки

и кухлянка дополняютъ костюмъ. Кухлянка—это мѣховая блуза съ капюшономъ и съ большимъ лацканомъ, закрывающимъ воротъ и разрѣзъ кухлянки. Всѣ нужные предметы—ножъ, огниво и т. под.—подвѣшиваются къ поясу.

Путешественники поверхъ такой одежды надѣваютъ еще непрактичную, тяжелую доху или пользуются большимъ мѣховымъ одѣяломъ, складывая его мѣшкомъ.

Въ большей или меньшей мѣрѣ, мы, по возможности, запаслись мѣстными мѣховыми издѣліями и на опытѣ оцѣнили ихъ практичность.

Немаловажнымъ былъ также вопросъ о питаніи. Я освѣдомился заранѣе, что по дорогѣ, кромѣ молока, ничего изъ провизіи не достанешь, а такъ какъ грязная обстановка и посуда станціонныхъ жителей не располагаетъ къ пользованію отъ нихъ чѣмъ бы то ни было съѣдобнымъ, то всѣми необходимыми запасами мы обзавелись въ Якутскѣ.

Приготовленія къ путешествію заняли немного времени. 7 марта въ 12,30 дня мы тронулись въ путь при ясномъ небѣ и 12° R мороза. Переѣздъ черезъ р. Лену и по островамъ длился болѣе часу. Острова покрыты глубокимъ снѣгомъ; густо растущій на этихъ островахъ тальникъ достигаетъ болѣе четырехъ саженъ въ вышину.

Заиндевѣлыя отъ ночного тумана деревья сверкали на солнцѣ миріадами мелкихъ алмазовъ.

Было около 2 ч. дня, когда мы добрались до подъема изъ долины р. Лены въ гору, на Охотскій трактъ.

Отсюда еще виденъ далекій уже Якутскъ. На горѣ, у спуска, деревья разукрашены навѣшанными на нихъ разноцвѣтными лентами, пестрыми тряпками, пучками конскаго волоса и др. предметами; къ стволамъ деревьевъ прислонены палки, кнутовища и т. под. Все это—безкровныя жертвы богамъ со стороны дальнихъ путешественниковъ; обычай тотъ же, что у Забайкальскихъ бурятъ по Кырѣ, Онону и Селенгѣ. Такіе же дары я впослѣдствіи встрѣчалъ еще на многихъ перевалахъ и возвышенностяхъ, черезъ которые пролегалъ путь. Я замѣтилъ, что обычай навѣшивать на деревья дары нерѣдко исполняется и мѣстнымъ русскимъ населеніемъ, на половину объякутившимися казачествомъ этого края.

Поднявшись на гору, мы дали короткій отдыхъ лошадямъ. Къ этому времени потеплѣло: термометръ показывалъ всего—7,5°R. Отсюда путь идетъ лѣсомъ,—дорога ровная, хорошая. Лѣсъ преимущественно лиственичный, мѣстами сосновый; встрѣчаются часто ель и береза, мѣстами кедровникъ, а въ долинахъ рѣчекъ и озеръ—серебристый тополь. Почва въ обнаженныхъ мѣстахъ на всемъ пути песчаная. На 15 верстѣ пересѣкли рѣку Солу, впадающую въ Лену нѣсколько ниже Якутска, у Усть-Сольской церкви. Далѣе—цѣлый рядъ небольшихъ озеръ.

Лошадки у насъ оказались заморенныя, слабосильныя. Несмотря на хорошую дорогу, мы на первую станцію, Тылбыяхтахъ, прибыли только къ 5 часамъ вечера, т. е. были въ пути $4^1/_2$ часа, при 35 верстномъ перегонѣ.

Тылбыяхтахская станція, какъ большинство станцій отъ Якутска до Алдана, сотоитъ изъ небольшой гряз-

ной юрты, служащей помѣщеніемъ людямъ и скоту. Хотя юрта и раздѣлена соотвѣтственно перегородкою на двѣ половины, но въ этой перегородкѣ имѣется не только плохо закрытая дверь, но и многочисленныя щели, черезъ которыя міазмы хлѣва свободно проникаютъ въ жилую часть юрты. Несмотря на то, что въ юртѣ почти безпрерывно теплится камелекъ (родъ камина), воздухъ въ юртѣ до такой степени насыщенъ зловонными испареніями, что ими пропитаны всѣ предметы въ юртѣ и въ особенности одежда ея обитателей. Стоитъ якуту побывать у Васъ въ комнатѣ двѣ минуты, и воздухъ у Васъ отравленъ, Вамъ дурно, дышать нечѣмъ; Вы спѣшите провѣтрить комнату.

Камелекъ якутской юрты устроенъ весьма просто. На деревянномъ основаніи (въ видѣ ящика) построенъ изъ досокъ, а подчасъ изъ тонкихъ лѣсинъ, наклонно поставленный каминъ, сходящійся повыше въ трубу. Все это въ изобиліи обмазано глиною. Устанавливается камелекъ въ одномъ изъ угловъ юрты, но на такомъ разстояніи отъ стѣнокъ ея, что кругомъ камелька можно свободно ходить. Дровъ пожираетъ камелекъ неимовѣрно большое количество; зато онъ даетъ возможность въ холодъ быстро обогрѣться—качество особенно цѣнное для якутовъ, которые, въ сущности, большіе мерзляки и очень любятъ тепло. На камелькѣ якуты варятъ себѣ пищу, пекутъ лепешки (прѣсный хлѣбъ) и проч. Вокругъ камелька собираются всѣ обитатели юрты. Тутъ производятся ихъ несложныя домашія работы, ведутся бесѣды и мурлычатся ихъ монотонныя пѣсни. Юрта освѣщается обыкновенно только пламенемъ камелька: свѣчи и керосинъ дороги и встрѣчаются толь-

ко у болѣе состоятельныхъ якутовъ. Глаза обитателей юрты перебѣгаютъ часто съ яркаго пламени камелька на темные углы юрты, а отсюда, и отчасти благодаря сильному отблеску отъ снѣга косыхъ лучей зимняго и весенняго солнца,—огромное развитіе у якутовъ глазныхъ болѣзней.

Для лицъ, незнакомыхъ съ якутскую юртою, опишу ее вкратцѣ:

На четырехъ угловыхъ столбахъ покоится рама изъ бревенъ; на эти бревна уложены параллельно три бруска: одинъ, потолще,—по серединѣ, а два, потоньше—въ равныхъ разстояніяхъ отъ перваго. Перпендикулярно къ этимъ двумъ брускамъ уложены кругляши, 2—3 вершковъ толщины, плотно прижатые другъ къ другу. Все это покрыто глиною, смѣшанною съ коровьимъ помѣтомъ, а поверхъ этого, иногда, еще дерномъ. Это—крыша юрты или, если хотите, потолокъ ея. Стѣны юрты образованы такъ же, какъ потолокъ: наклонно къ верхней рамѣ установлены тѣснымъ рядомъ очищенные отъ коры кругляши основаніями своими въ вырытой неглубоко канавѣ и затѣмъ оброшены коровякомъ съ глиною, а то и безъ нея. Такія стѣны устроены съ трехъ наружныхъ сторонъ, съ четвертой же пристроенъ хлѣвъ для скота,—хотонъ. Въ стѣнахъ устроена одна дверь и нѣсколько небольшихъ окошекъ. Рѣдко въ окошки вставлено цѣлое стекло: большей частью мелкіе куски стекла вшиты въ бересту. Зимнихъ рамъ не существуетъ: ихъ замѣняютъ льдинами по величинѣ окошекъ, плотно примороженными.

Полъ въ юртѣ земляной, всасывающій всѣ нечистоты и отбросы, которые на него попадаютъ. Пространство между столбами юрты и наклонными стѣнками ея занято сплошь нарами, на которыхъ обычно спятъ и сидятъ обитатели юрты и гости, если они не грѣются у камелька.

Въ юртѣ тепло, пока топится каминъ.

Днемъ огонь поддерживается безпрерывно, ночью же часто гаснетъ. Проснувшійся членъ семьи или гость его разводитъ вновь, и такимъ образомъ въ юртѣ поддерживается все время сносная температура.

Что же касается хотона (хлѣва для скота), то это— грязное, сырое, холодное помѣщеніе съ поломъ, сбитымъ изъ кругляшей; подъ полъ этотъ стекаютъ жидкія нечистоты, гніютъ тамъ и заражаютъ воздухъ зловоніемъ и амміачными газами. Часто полъ отсутствуетъ вовсе, тогда еще хуже: хотонъ превращается въ навозную яму. Скотъ истощенный, голодный выпускаютъ для кормежки во дворъ и поятъ одинъ разъ въ сутки изъ проруби. Пойла ему не даютъ.

Большей частью по недостатку сѣна скотъ кормится впроголодь, получая немного болѣе половины того количества сѣна, какое необходимо для поддержанія жизни, роста и удоя скотины. Якуты заявляютъ, что голодный рогатый скотъ нерѣдко отъѣдаетъ гриву и хвостъ у случайно поставленныхъ въ хотонъ лошадей, а обезсиленіе скота отъ недоѣданія доходитъ до того, что весною иногда приходится его въ буквальномъ смыслѣ поднимать и ставить на ноги, чтобы, онъ могъ выйти на подножный кормъ.

Нечего говорить, что на послѣднемъ скотъ оставляется до наступленія зимы, т. е. до послѣдней возможности.

Якуты преимущественно скотоводы, тѣмъ болѣе приходится сожалѣть о столь печальномъ положеніи ихъ главнаго промысла. Не сѣя никакихъ кормовыхъ травъ и не умѣя сберечь сколько-нибудь изъ зимнихъ снѣговъ или весеннихъ водъ для увлажненія своихъ полей и луговъ въ сухое знойное лѣто, якутъ часто влачитъ почти такое же печальное существованіе, какъ и скотъ его.

Якуты—народъ глубоко грязный и невѣжественный; если смертность между дѣтьми у нихъ такъ велика, что изъ 12—15 дѣтей еле выживаетъ двое, то это благодаря тому, что понятіе о чистотѣ имъ чуждо. Якутъ умывается весьма рѣдко и то ограничиваясь нѣсколькими глотками воды, которые онъ выплевываетъ на руки; полотенцемъ же ему служитъ рукавъ или подолъ рубахи. За все время моего пребыванія въ области, я не видѣлъ ни одного купающагося якута, даже въ самые жаркіе лѣтніе дни. Бѣлья своего якуты не стираютъ и не мѣняютъ, пока оно не разлѣзетъ совершенно. Спятъ они голые, чтобы сберечь бѣлье подольше; иногда даже вывѣшиваютъ его на морозъ, вѣроятно для того, чтобы убить паразитовъ. Мыла якуты не употребляютъ. Накожныя болѣзни и глазныя у нихъ чрезвычайно распространены

Женщины—еще грязнѣе мужчинъ Немытыя, нечесанныя, одѣтыя въ длинную рубаху неопредѣленнаго цвѣта, неимовѣрно грязную, съ короткой трубкой во рту, поминутно сплевывая насосанный изъ трубки никотинъ, якутки шатаются неуклюже по юртѣ и по хотону. Не-

мытыми руками якутка, убиравшая хотонъ, берется за приготовленіе пищи или за доеніе коровъ, немытыми руками она ласкаетъ своего, покрытаго струпьями ребенка и суетъ ему свою грязную грудь. Ни одного ребенка у якутовъ я не видѣлъ безъ струпьевъ, и якуты этотъ плодъ нечистоты даже не считаютъ за болѣзнь; это, дескать, кровь у ребенка очищается, дурная кровь выходитъ.

Якуты не живутъ селеніями, а хуторнымъ хозяйствомъ, весьма разбросанно другъ отъ друга. Они народъ веселый, добродушный, покладистый; очень цѣнятъ ласковое обращеніе. Большей частью смышленные, не безъ фантазіи; они быстро создаютъ пѣсни на событія дня, но мурлычатъ ихъ монотонно. Якуты склонны къ торгашеству, при сдѣлкахъ запрашиваютъ много; лица, довольно хорошо знакомыя съ русскимъ языкомъ, часто прикидываются незнающими его.

Якуты легко предаются пьянству и азарту. Въ виду трудности доставки спирта изъ Якутска, распространеніе его не такъ велико; къ тому же въ тайгѣ бутылка спирта котируется около десяти рублей. Зато карты распространены повсюду, и неоднократно мнѣ случалось наталкиваться на группы картежниковъ, предававшіяся азарту на лонѣ природы, при чемъ зеленымъ полемъ имъ служила оленья шкура.

Якуты по языку и нравамъ —нѣчто среднее между киргизами и бурятами. Нѣкоторые ученые склонны видѣть въ нихъ выселившихся на сѣверъ киргизовъ. До сихъ поръ у якутовъ въ особенномъ почетѣ юго-западный уголъ юрты: его отводятъ подъ икону, тамъ же мѣсто почетному гостю, туда же направляются жертвы

духу юрты (якутскому домовому). Не связано ли это съ направленіемъ къ первоначальной родинѣ этого народа, откуда онъ впервые вышелъ? Якуты—племя стойкое, не вымирающее, несмотря на крайнѣ неприглядныя условія его существованія. Не только осѣдлые тунгусы (по Аллаху и по Маѣ), но даже часть русскихъ поселенцевъ (по Ленѣ) объякутились до такой степени, что совершенно забыли свой родной языкъ, сохранивъ только свой физическій типъ и нѣкоторые обычаи.

Якуты всѣ православные, посѣщаютъ церковь, исполняютъ обряды, имѣютъ въ юртахъ своихъ иконы, зажигаютъ въ праздникъ передъ ними свѣчи, но, въ сущности, очень мало проникнуты религіею и все еще не разстались окончательно съ шаманствомъ и всякаго рода заклинаніями и суевѣріями. Сообразно тому складывается и семейная и домашняя жизнь якутовъ.

За невѣсту якутъ выплачиваетъ калымъ. Жена у якута въ полной зависимости, но въ отношеніи супружеской невѣрности, по общимъ отзывамъ, нетолько жена, но и мужъ неособенно требовательны. Якутъ свою супругу никогда не называетъ женою, а „хозяйкой". Хозяйка считается хранительницею очага. Очагъ, очевидно символъ огня, у якутовъ почитается священнымъ. Кромѣ хозяйки, ни одна женщина не смѣетъ проходить мимо камелька съ передней стороны—всѣ обходятъ его сзади. Такъ же обходитъ хозяйка и мужское населеніе юрты, хозяина, когда онъ сидитъ или стоитъ передъ камелькомъ. Домашнія работы—уходъ за скотомъ, уборка хотона, обмазка юрты коровьимъ пометомъ, доставка воды въ юрту, плетеніе сѣтей, силокъ, неводовъ; сученье нитокъ

изъ жилъ, плетенье волосяныхъ ремней, канатовъ и ковровъ, обработка кожъ, выдѣлка обуви, и мѣховой простой одежды, расшивка и украшеніе обуви, сѣделъ и сбруи; размолъ зерна въ муку на примитивныхъ домашнихъ мельницахъ—все это лежитъ на обязанности женщинъ. Мужчины ѣздятъ за дровами, за сѣномъ, идутъ на охоту, на рыбную ловлю, или проводятъ свое время въ „капсѣ", т. е. разговорахъ. Встрѣчаясь въ тайгѣ даже два совершенно незнакомыхъ якута обращаются другъ къ другу прежде всего со словомъ: капсе =говори, разсказывай. Обычай, перенятый многими изъ мѣстныхъ русскихъ, встрѣчающихъ васъ у себя со словомъ: «сказывайте!», на что учтивый гость обязанъ отвѣтить: «спрашивайте!».

Посудою якуты не богаты Круглая посуда у нихъ преимущественно рѣзная деревянная, рѣже глиняная; чайники, котлы, горшки часто эмалированные, желѣзные; чашки и стаканы въ небольшомъ количествѣ, у болѣе зажиточныхъ можно встрѣтить и самоваръ.

Пища якутовъ довольно однообразна. Мясо они употребляютъ очень рѣдко—оно не по карману. Ѣдятъ не только говядину, но и конину; часто не гнушаются и павшимъ животнымъ. Очень любятъ жирную пищу, въ особенности коровье масло, которое даже къ чаю ѣдятъ ложками, если ихъ достатокъ такую роскошь разрѣшаетъ. Какъ мѣстную деликатесъ, мнѣ предложили въ одной юртѣ коровье масло, завернутое въ сливочныя пѣнки. Овощей у якутовъ нѣтъ, соли расходуютъ мало. Квашеннаго хлѣба у нихъ также нѣтъ; взамѣнъ его они разводятъ прѣсное тѣсто, которое затѣмъ пекутъ или въ

видѣ лепешекъ, поставленныхъ у костра надѣтыми на палочки, или же въ видѣ оладій на сковородѣ въ кипящемъ коровьемъ маслѣ. Чай употребляютъ кирпичный; сахаръ для нихъ предметъслишкомъ цѣнный, и вы найдете его у рѣдкаго якута.

Въ большомъ употребленіи у якутовъ молоко, изъ котораго они, между прочимъ, приготовляютъ спиртный напитокъ. Послѣ перегонки спирта остается отъ перебродившаго молока кашица, таръ, которая также идетъ въ пищу. Въ голодное время, а такое наступаетъ для большинства якутовъ къ концу зимы, вмѣстѣ съ молокомъ или таромъ идетъ въ пищу толченая лиственичная, а гдѣ встрѣчается сосна—и сосновая заболонь. Впрочемъ, заболонь варятъ часто не только съ молокомъ или таромъ, но даже и съ водою, такъ какъ въ первыхъ двухъ тоже нерѣдко испытывается недостатокъ.

Набросивъ вкратцѣ характеристику якутовъ и обрисовавъ сжато ихъ домашній бытъ, возвращаюсь къ описанію той мѣстности, по которой пролегалъ путь мой.

Освѣдомленные о моемъ проѣздѣ заранѣе, почтосодержатели въ Тылбыяхтахѣ держали лошадей наготовѣ. Минутъ чрезъ двадцать мы тронулись уже въ дальнѣйшій путь. Дорога снова пролегаетъ то по лѣсу, то по озерамъ. Все время насъ окружаетъ чудный лиственичный лѣсъ, изрѣдка встрѣчается группами береза, мѣстами ерникъ. Почва на всемъ протяженіи песчанно-глинистая или суглинокъ.

Разстояніе въ 15 верстъ до ст. Тунгулинской мы промчали быстро: въ 6,30 вечера мы подъѣхали къ зданію Мегинской инородной управы, близъ огромнаго Тюп-

гулинскаго озера. Зданіе управы довольно обширное и сравнительно чистое. Мы здѣсь застали сходъ инородцевъ, собранныхъ для рубки просѣки на ближайшихъ участкахъ тракта. Сходъ, повидимому, закончился ко времени нашего прибытія или тотчасъ послѣ него, т. к., за исключеніемъ небольшого числа, всѣ инородцы вскорѣ скрылись.

Мы поспѣшили согрѣться, напиться чаю и поужинать, при чемъ якуты, какъ дикари, или какъ дѣти, все глядѣли на насъ во время ѣды, сопровождая глазами каждый кусокъ, который мы клали въ ротъ. Это повторялось и въ другихъ мѣстахъ.

Разсчитывая отдохнуть въ пути, мы не остались ночевать въ Тюнгуляхъ, а рѣшили ѣхать дальше. Дорога тянулась то лѣсомъ, исключительно лиственичнымъ, то по ровной мѣстности, занятой полями, или лугами, то по болотамъ или долинамъ рѣчекъ. Почва все та же,—глина съ пескомъ. Мѣстность по лѣвую сторону отъ дороги довольно густо населенная: видно много якутскихъ юртъ; не доѣзжая 4 верстъ до ст. Чачукійской, у самой дороги, на небольшомъ холмѣ стоитъ церковь, а около нея три избы, въ которыхъ живутъ священникъ, псаломщикъ и трапезникъ. Причтъ занимается также хлѣбопашествомъ и рыбной ловлей.

Отъ Чачукійской до Протовской станціи характеръ мѣстности такой же, какъ на предыдущемъ перегонѣ, только преобладаютъ луга. Юртъ по обѣ стороны дороги, въ полуверстѣ отъ нея, довольно много, у самой же дороги только двѣ юрты на всемъ перегонѣ. Озеръ мало, и они очень незначительны.

Обѣ послѣднія станціи мы проѣхали за ночь. Спали, конечно, плохо, зато насъ освѣжилъ морозъ, значительно окрѣпшій. Къ 7 ч. утра температура упала до 29° R. Хотя морозъ былъ сухой и безвѣтріе полное, онъ все же, при быстромъ движеніи нарты давалъ себя чувствовать, и мы почаще стали справляться у ямщиковъ, сколько верстъ осталось до ближайшей станціи, до Чурапчи, гдѣ рѣшили обогрѣться и напиться чаю.

Отъ Поротовской до Чурапчи путь идетъ наполовину лѣсомъ, наполовину лугомъ и вдоль пахотныхъ полей. Кромѣ лиственицы, здѣсь встрѣчаются, осина, береза, мелкая сосна, мелкіе тополя, тальникъ; изъ кустарниковъ ерникъ, жимолость, шиповникъ, смородина. Мѣстность, сравнительно съ предыдущими перегонами, менѣе населенная.

Въ Чурапчу мы пріѣхали въ 7, 30 утра и остановились въ зданіи Батурусской инородной управы. На плоскогоріи между Леной и Амгой мѣстное населеніе распредѣлено въ 6 административныхъ единицахъ, называемыхъ улусами и управляемыхъ Инородными Управами; это по Охотскому тракту улусы Мегинскій (управа на ст. Тюнгулинской) и Батурусскій (управа на ст. Чурапча); къ сѣверу отъ нихъ улусы Дюпсинскій, Борогонскій, а къ югу Восточно-Кангаласскій. Улусы примѣрно соотвѣтствуютъ нашимъ волостямъ. Такъ какъ поселковъ у якутовъ нѣтъ, то слѣдующая административная единица, наслегъ, приноровлена къ семейной группировкѣ якутовъ въ „роды“. Во главѣ наслега стоитъ выборный родовой староста, а во главѣ Инородной Управы такой же улусный голова или „князь“.

Многія преступленія у якутовъ изъяты изъ общей юрисдикціи и вѣдаются наслежной властью; такъ напримѣръ, дѣла по убійству въ дракѣ разрѣшаются родовымъ старостою и кончаются, самое большое, недѣльнымъ арестомъ.

Самый значительный изъ перечисленныхъ улусовъ, — это Батурусскій. Простираясь отъ Чурапчи недалеко на сѣверъ и на западъ, онъ зато уходитъ далеко на югъ и захватываетъ все пространство на востокъ до границы Приморской области. Населеніе въ немъ сосредоточено, главнымъ образомъ, къ западу отъ р. Амги; между Амгой и Алданомъ населеніе очень рѣдкое и занимается почти исключительно скотоводствомъ, а къ востоку отъ Алдана встрѣчаются лишь рѣдкіе оазисы въ нѣсколько юртъ, какъ напр.—Чернолѣсская (по якутски: Улунахъ), Аллахъюнская и Анча.

Поселокъ (оффиціально—урочище) Чурапча расположился полукругомъ около озера того же названія и дѣлится пополамъ рѣчкою Кохрой (притокомъ Татты), прорѣзывающей какъ это озеро, такъ и цѣлый рядъ другихъ, менѣе значительныхъ. Въ поселкѣ—двѣ церкви —старая и новая—расположенныя на возвышенномъ островкѣ; при церквахъ два священника, діаконъ и псаломщикъ; школа, пріемный покой и при немъ аптека, врачъ, два фельдшера, акушерка, земскій засѣдатель; имѣются двѣ мелочныя лавки. Мѣсто для постройки зданія подъ почтово-телеграфное отдѣленіе избрано довольно удачно.

Жители поселка занимаются скотоводствомъ и хлѣбопашествомъ, съ успѣхомъ сѣютъ рожь и пшеницу,

но, главнымъ образомъ, ячмень. Церковный причтъ и мѣстный учитель занимаются также огородничествомъ, исключительно для собственныхъ потребностей, при чемъ разсаду разводятъ въ парникахъ.

Изъ дичи здѣсь встрѣчается много утокъ, куликовъ, тетеревей; изрѣдка попадаются рябчики и глухари. Изъ звѣрей водятся одни лишь зайцы; за медвѣдями и за лосемъ (его здѣсь зовутъ «сохатымъ») приходится итти верстъ 60—70, не менѣе. Чурапчинское озеро богато карасями и мелкой рыбой, въ родѣ широтовъ; русскіе называютъ ее гольянъ или гилька, а Якуты—мундушка. Рыбка эта идетъ жадно на удочку на червяка, и впослѣдствіи удавалось въ одномъ озерѣ на ст. Алданской вытаскивать на одну удочку до 40 гольяновъ въ часъ. Въ ухѣ эта рыба даетъ хорошій наваръ.

Изъ Чурапчи мы выѣхали въ 9,20 утра; проѣхавъ версты три, я замѣтилъ недалеко отъ дороги нѣсколько заброшенныхъ, повидимому, пустыхъ юртъ съ загородками для скота, двора, огорода и т. п.; по разспросамъ оказалось, что юрты эти брошены выселившимися отсюда на родину скопцами. Охотниковъ продолжать ихъ хозяйство, очевидно, не нашлось.

На пути къ Арылахской станціи расположенъ цѣлый рядъ озеръ: Борджа, Ойбонъ, Харчасъ, Харбала, всѣ по рѣчкѣ Кохрѣ и чрезъ нее имѣютъ связь другъ съ другомъ. Рыба въ нихъ та же, что и въ Чурапчинскомъ озерѣ.—Въ зимнее время ловля рыбы производится, повидимому, исключительно, такъ называемыми, фитилями (по якутски куюръ), а въ лѣтнее время мордами и неводами.

Дорога довольно ровная, съ подъемами на 3-й и 10-й верстахъ и небольшимъ спускомъ на 20-й верстѣ, идетъ частью лѣсомъ, частью лугами. Лѣсъ преимущественно лиственичный, изрѣдка березовой. Почва почти на всемъ пути глинистая.

Въ 12,20 дня мы пріѣхали на ст. Арылахскую, проѣхавъ 32 верстное разстояніе, сравнительно, довольно быстро.

Юрта Арылахской станціи довольно чистая; жилая часть ея площадью, примѣрно, въ 9 кв. саж. Въ этой юртѣ живетъ двѣ семьи, всего 10 душъ. Близь станціи большое озеро Арылахъ и рѣка Татта. По отзывамъ станціонныхъ жителей, рѣка промерзаетъ зимою на $1\frac{1}{2}$ аршина; почва оттаиваетъ здѣсь въ затѣненныхъ мѣстахъ на $\frac{1}{2}$ аршина, а въ обнаженныхъ на 2 арш. и болѣе. Это относится, конечно, ко второй половинѣ или къ концу лѣта; въ іюнѣ же мѣсяцѣ мерзлота встрѣчается несравненно ближе къ поверхности, какъ я о томъ скажу ниже.

Пока я дѣлалъ свои замѣтки, успѣли перемѣнить лошадей, и мы въ 12,40 дня уже тронулись въ дальнѣйшій путь. Лѣсъ сталъ встрѣчаться рѣже, зато ровный, крупный, довольно густой; та же лиственница, но чаще попадается и береза Озеръ здѣсь меньше и количествомъ и размѣромъ, но зато встрѣчается много болотъ; нѣкоторыя весьма обширны, тянутся на версты три и, болѣе. По пути пересѣкаемъ рѣчку Такуръ, притокъ рѣки Таты. Ближе къ ст. Лебягинской—цѣлый рядъ озерковъ-болотъ, переходящихъ у этой станціи въ большое, красивое озеро «Зоя».

Всѣ эти озера—рыбныя, но рыба та же, что и въ Чурапчинскомъ озерѣ: караси да гальянъ, другихъ породъ нѣтъ.

Въ Лебягинской мы пообѣдали, расположившись для этого въ сравнительно чистой станціонной юртѣ. Пока подкрѣплялись да обсушивали шарфы и согрѣвали рукавицы, ямщики пригнали и перепрягли лошадей. Черезъ часъ мы тронулись въ дальнѣйшій путь. Лѣсомъ здѣсь дорога узенькая; зимою нарта проходитъ, но лѣтомъ передвиженіе исключительно верхомъ, а перевозка грузовъ вьюкомъ.

До сихъ поръ преобладающей породой деревьевъ была лиственница; остальныя породы встрѣчались единично или небольшими группами. Здѣсь же на протяженіи около 13 верстъ преобладаетъ не лиственица, а береза. Лѣсъ мелкій, но густой. Далѣе береза убываетъ и снова уступаетъ первенство лиственицѣ. Почва частью глинистая, частью болотистая, мѣстами тундра. Луга занимаютъ, примѣрно, одну треть перегона; остальное пространство занято лѣсомъ и болотами. На протяженіи 23 верстъ отъ ст. Лебягинской нѣтъ ни рѣчекъ, ни озеръ.

За день потеплѣло, и даже въ 7 ч. вечера термометръ показывалъ всего —14°R.

Въ 7 ч. 40 вечера мы прибыли на ст. Мельжегейскую въ грязную станціонную юрту. Поневолѣ пришлось здѣсь расположиться чаепитіемъ и ужиномъ: до слѣдующей станціи, Амгинской, оставалось 27 верстъ. Старались, конечно, провести въ юртѣ возможно меньше времени, освѣжаясь почаще на свѣжемъ воздухѣ.

Путь въ Амгу тянулся долго; мы прибыли туда только къ 12 ч. ночи. Дорога такая же, какъ и на предыдущемъ перегонѣ. Добрый строевой лѣсъ, лиственица

съ березникомъ, чередуется здѣсь съ кочками и лугами. Довольно значительныя пространства лѣсу совершенно выжжены палами, которые частью пускаются якутами нарочно, для расчистки мѣстности, частью происходятъ по небрежности проѣзжающихъ и ямщиковъ, никогда не гасящихъ, не разметающихъ разложенныхъ ими костровъ; иногда лѣсные пожары происходятъ отъ довольно частыхъ и сильныхъ грозъ. Прекращеніемъ лѣсныхъ пожаровъ здѣсь никто не занимается и не интересуется; пожаръ прекращается или перепадающими дождями или за истощеніемъ своей пищи. По характеру растительности здѣсь всѣ лѣсные пожары низовые, а не верховые, какъ въ лѣсахъ еловыхъ, кедровыхъ, сосновыхъ. Низовой пожаръ прекращается дойдя до ручейка, до болотца, до дороги и даже до хорошо протоптанной тропы. Онъ идетъ по высохшей травѣ, по осыпавшимся игламъ хвойныхъ деревьевъ, по можжевельнику, ернику и другимъ кустамъ, попутно обжигая стволы деревьевъ, а иногда и вѣтви на большую или меньшую вышину и повреждая ихъ корни, которые здѣсь, благодаря близости вѣчной мерзлоты, расположены почти на поверхности.—Большая часть обгорѣвшихъ деревьевъ, конечно, погибаетъ, высыхая на корню или валясь отъ перваго сильнаго вѣтра.—

На этомъ участкѣ—множество мелкихъ озеръ; путь зимою сносный, лѣтомъ же въ болотистыхъ мѣстахъ проѣздъ затруднительный.

Станція Амга (Нижнеамгинское) расположилась на крутомъ, каменистомъ берегу рѣки того же названія. Состоитъ она всего изъ двухъ юртъ. По близости отъ нихъ теперь построено и почтово-телеграфное отдѣленіе.

Недалеко отъ станціи—перевозъ чрезъ рѣку; въ трехъ верстахъ отсюда—церковь и около нея—нѣсколько юртъ.

Амга рѣка рыбная, довольно многоводная, здѣсь шириною около 300 саженъ и въ нижнемъ своемъ теченіи, несомнѣнно, судоходна. Говорятъ, что попытки доставить приамгинскимъ якутамъ товары воднымъ путемъ были, но мѣстные кулаки встрѣтили эти попытки настолько недружелюбно, что онѣ скоро прекратились.

Изъ рыбъ, водящихся въ Амгѣ, мнѣ назвали сигъ, таймень, ленокъ, харіусъ, елецъ.

Пока перегоны небольшіе, мы рѣшили для ночлега не останавливаться. Поѣхали далѣе, дремля въ пути, и переутомленія не чувствовали. Проходныя нарты давали возможность устраиваться поудобнѣе, и гдѣ насъ не слишкомъ трясло, тамъ мы спокойно засыпали, ловя моменты, когда отдыхъ былъ возможенъ.

Отъ Амгинской до Нохинской станціи дорога идетъ часто по кочковатымъ и по глинисто-болотистымъ мѣстамъ. Здѣсь юртъ около пути уже не видать. Снова встрѣчаются крупныя озера—Доодойбутъ, Оюнъ, Хомустахъ, Чермязканъ, Кутулайе; послѣднее близъ станціи Нохинской. Самое большое изъ нихъ богатое карасями озеро Хомустахъ (Камышевое), около 400 саж. длины и 100 саж. ширины; затѣмъ слѣдуетъ Чермязканъ, около 50 саж. въ діаметрѣ; остальныя озера еще меньше.

Во всѣхъ этихъ озерахъ водится изъ рыбъ одна лишь мундушка; такъ, по крайней мѣрѣ, заявляютъ жители станціи Нохинской.

Мѣстами замѣтенъ тонкій слой чернозема—тамъ больше березы; напр. около ст. Амгинской и въ 3 верстахъ отъ Нохинской.

Утренникъ и сегодня даетъ себя чувствовать: въ 5 ч. утра—25°R. Температуру я записалъ въ Нохинской, куда мы прибыли къ этому времени. Мы здѣсь задержались недолго, подкрѣпились чайкомъ и тронулись въ путь къ Алдану.

Дорога идетъ отсюда все время лѣсомъ, частью рѣдкимъ, лиственичнымъ, частью густымъ тальникомъ, частью по горѣлому лѣсу; въ 9—10 верстахъ отъ Нохинской-переправа черезъ р. Ноху, а затѣмъ 4—5 верстъ пологаго подъема на возвышенность, отдѣляющую долину Нохи отъ долины Алдана. На широкой площадкѣ на вершинѣ этой возвышенности мы дали отдыхъ лошадямъ.

Съ этого мѣста открывается красивый видъ на заалданскіе хребты. Острые контуры многочисленныхъ гольцовъ, покрытыхъ сверкающимъ на утреннемъ солнцѣ снѣгомъ, уходятъ въ даль, исчезая на горизонтѣ. Воображеніе рисуетъ ихъ альпійскими громадами, чрезъ дикія ущелья и суровые хребты которыхъ намъ нужно пробраться далеко на востокъ къ берегамъ Охотскаго моря.

Самая площадка, откуда этотъ видъ открывается и все пространство далѣе къ Алдану на значительномъ протяженіи обнажено лѣсными пожарами. Торчатъ лишь одинокія обгорѣвшія лиственицы и березки съ засохшими уже верхушками. Гдѣ лѣсъ уцѣлѣлъ, тамъ онъ густой, но мелкій. Только ближе къ Алдану лѣсъ рѣже и крупнѣе; даже березы встрѣчаются толщиною 5—6 вершковъ въ діаметрѣ.

По пути очень много мелкихъ болотъ и кочекъ. Частью кочки обуглены и выглядываютъ изъ-подъ бѣлоснѣжнаго покрова своими головками, точно огромное поле, усѣянное кочнями черной капусты. Видъ такихъ болотъ особенно унылый. На нихъ исчезла даже кустовая береза (ерникъ), неизмѣнный спутникъ болотъ въ этой части Сибири.

Станція Алданская расположена въ полуверстѣ отъ лѣваго берега Алдана. По близости въ различныхъ разстояніяхъ еще 5—6 юртъ и 2 юрты на правомъ берегу. Въ высокую воду эти юрты оказываются на небольшихъ островахъ; на правомъ берегу отрѣзываетъ юрты лишъ небольшой протокъ; лѣвый же, болѣе низменный берегъ, затапливаетъ на огромномъ пространствѣ.

Жители Алданскаго наслега хлѣбопашествомъ почти совершенно не занимаются; кромѣ скотоводства, они промышляютъ рыбой, звѣремъ и извозомъ. Станція помѣщается въ небольшой юртѣ.—Здѣсь пришлось остановиться на обѣдъ, а потомъ съѣздить для осмотра мѣстъ, избранныхъ для постройки дома подъ почтово-телеграфное отдѣленіе и для воздушнаго перехода телеграфа черезъ Алданъ и для провѣрки насколько можетъ быть пригоденъ для нуждъ предположеннаго учрежденія домъ, начатый постройкою но недостроенный однимъ административно-ссыльнымъ, верстахъ въ 7 ниже перевоза и станціи Алданской. Домъ оказался непригоднымъ въ нынѣшнемъ видѣ, но лѣсъ постройки сухой, здоровый, почему я рекомендовалъ подрядчику пріобрѣсти его и употребить въ дѣло.

По близости отъ этого дома ютится въ 2 юртахъ человѣкъ пять политическихъ ссыльныхъ. При моемъ

проѣздѣ они были заняты просѣиваніемъ зерна на льду. Около юртъ—высокій шестъ съ развѣвающимся на немъ небольшимъ, сильно потрепаннымъ краснымъ флагомъ.

Алданъ, у перевоза чрезъ него—шириною отъ 400 до 500 саженъ; въ одной верстѣ выше правый берегъ рѣки подымается круто вверхъ, образуя плоскогоріе вышиною въ 50 сажен. надъ рѣкою. Здѣсь рѣка сужена до 300 сажен.; тутъ намѣченъ и въ настоящее время построенъ воздушный переходъ телеграфа чрезъ Алданъ, при чемъ на лѣвомъ берегу установлена 15-саженная мачта. Домъ для почтово-телеграфнаго отдѣленія построенъ здѣсь же, около мачты, т. к. мѣсто это сравнительно высокое и удобно расположено въ хозяйственномъ отношеніи. Здѣсь и лѣсъ, и луга, и мѣсто подъ огородъ; при небольшомъ трудѣ можетъ быть очищено также мѣсто подъ пашню. Близость рѣки и богатство ея рыбою не менѣе важныя статьи. Рыба хорошо ловится въ Алданѣ въ малую воду; когда же вода на прибыли, рыба уходитъ въ глубь и плохо ловится. Вода въ Алданѣ прибываетъ быстро, т. к. рѣка питается огромнымъ количествомъ горныхъ ручейковъ и рѣкъ; такъ же быстро вода и убываетъ; послѣ предшествовавшей усиленной прибыли убыль достигаетъ около аршина въ сутки.

Изъ рыбъ въ Алданѣ водятся стерлядь, осетръ, омуль, окунь, щука, муксунъ, тугунокъ, красноглазка.— Харіусъ и налимъ водятся въ горныхъ притокахъ Алдана. На Алданѣ много лѣсистыхъ островов. Дикіе гуси и утки часто посѣщаютъ озера, расположенныя на этихъ островахъ. Близъ станціи Алданской два такихъ острова—одинъ выше, другой ниже станціи. Острова

эти богаты растительностью и, между прочимъ, виноградомъ сѣвера—ягодою «охта», вкусной, сочной, крупной ягоды изъ породъ смородиновыхъ. Любители везутъ эту ягоду въ Якутскъ, выжимаютъ изъ нея сокъ и путемъ броженія получаютъ изъ него довольно вкусный напитокъ.—

По отзывамъ мѣстныхъ жителей, Алданъ промерзаетъ даже въ самые сильные морозы всего на аршинъ съ четвертью; объясняется это быстрымъ теченіемъ и многоводностью рѣки. Вскрытіе Алдана происходитъ, въ среднемъ, около 5 мая.—

Правый берегъ и русло Алдана усѣяны камнями различныхъ породъ; здѣсь и граниты различныхъ цвѣтовъ—сѣрый, зеленоватый, розовый, красный, и различные известняки, мраморы, діориты, порфиры, гнейсы, кварцъ, яшмы бурые, красные, черные, зеленые, много колчедановъ.

Лѣтній перевозъ чрезъ Алданъ оказался весьма мало обезпеченнымъ, имѣлась лишь одна старая изрядно прогнившая, притомъ частная лодка для переправы людей, а лошадей переправляютъ вплавь даже въ весеннюю, холодную какъ ледъ, воду. Зимняя переправа по льду, конечно, никакихъ затрудненій не представляетъ, пока нѣтъ ни наледи, ни полыньи. Торосъ на Алданѣ я засталъ, сравнительно съ Леною, мелкій. Жители увѣряютъ, что это случайность, объясняющаяся рѣкоставомъ при мелководіи отъ сухого лѣта минувшаго года; обычно же торосъ здѣсь огромный, въ особенности ниже по теченію, около Верхоянскаго тракта, гдѣ онъ, будто бы, мало уступаетъ полярному.

Пароходство по Алдану развито отъ устья его только верстъ на 700 вверхъ до селенія Устьмайскаго; далѣе

пароходы направляются по притоку Алдана, рѣкѣ Маѣ. до урочища Нельканъ, откуда всего 200 верстъ сухопутнаго передвиженія до порта Аянъ. Пароходы забираютъ въ Нельканѣ чай, доставленный туда изъ Аяна и по дорогѣ закупаютъ огромное количество лосиныхъ и другихъ шкуръ. Въ мелководіе пароходы останавливаются верстахъ въ 50 отъ Нелькана, сообщаясь съ послѣднимъ лодками.

Пароходство поддерживается товариществомъ Глотовыхъ и торговыми домами А. И. Громовой и Коковинъ и Басовъ. Часть чаевъ принимается пароходами на свои баржи въ Нельканѣ, частью же чаи сплавляются внизъ по Маѣ и Алдану въ паузкахъ или кулигахъ до низовьевъ Алдана, откуда чаи доставляются пароходами въ Якутскъ. Опорожненные паузки или продаются прибрежнымъ жителямъ за безцѣнокъ или даже пускаются внизъ по волѣ волнъ и затѣмъ перехватываются кѣмъ-либо безплатно.

Считаю нужнымъ здѣсь сгруппировать нѣкоторыя свѣдѣнія о пройденномъ пути отъ Якутска до Алдана какъ по личному наблюденію, такъ и по свѣдѣніямъ собраннымъ въ лѣтнее время.

Часть пути прилегающая къ долинѣ р. Лены имѣетъ почву песчаную; здѣсь встрѣчаются въ большомъ количествѣ сосна и въ меньшемъ ель, изрѣдка и кедръ. Далѣе почва переходитъ въ суглинокъ и затѣмъ въ глину, и лишь въ долинѣ Алдана снова встрѣчаются мѣста песчаныя и черноземъ. Сообразно этому измѣняется и растительность. По мѣрѣ удаленія отъ долинъ Лены и Алдана ель исчезаетъ совсѣмъ, сосна встрѣчается рѣдко, береза попадается на всемъ пути и мѣстами даже преобладаетъ надъ лиственицей. Повсюду встрѣчаются

талина разныхъ видовъ, иногда серебристый тополь (въ долинахъ рѣкъ); надъ всѣми другими породами царствуетъ, конечно, лиственица. Изъ кустовыхъ встрѣчаются въ большомъ количествѣ ерникъ, боярышникъ, жимолость, шиповникъ, смородина; въ долинѣ Алдана еще бѣлая ольха, рябина и мѣстами черемуха, всѣ въ видѣ кустовъ или небольшихъ деревьевъ.

Изъ ягодъ, кромѣ смородины, повсемѣстно встрѣчаются въ большомъ количествѣ брусника и толокнянка; часто попадаются голубица, княженика, морошка, иногда черника, а въ долинѣ Алдана и земляника, дозрѣвающая здѣсь лишь къ концу іюля мѣсяца.

Цвѣтами край этотъ весьма богатъ. Ирисъ, желтыя лиліи, водяныя лиліи, кувшинки, кукушкины сапожки, одуванчики, ромашка, полевая резеда, черноголовникъ, калужница, разные лютиковые; въ долинѣ Алдана горошекъ (вика), фіалка, незабудки и много другихъ. Изъ травъ преобладаютъ въ низменныхъ мѣстахъ и на кочкахъ осока; въ высокихъ, сухихъ мѣстностяхъ и на пескахъ—листовникъ, на косогорахъ—щетка; по берегамъ рѣчекъ и озеръ часто встрѣчается хвощь. Весьма распространенъ подорожникъ. Мѣстами много папоротниковъ; часто встрѣчается звѣробой (каменный), а въ долинѣ Алдана дикій лукъ, щавель, ложечникъ, эфедра и др.

Изъ звѣрей встрѣчаются медвѣдь, лисица, рысь, но только въ восточной части края (на востокъ отъ Арылаха); сюда же заходятъ табунами лось и олень; изъ грызуновъ на всемъ пространствѣ встрѣчаются бѣл-

ка, горностай, бурундукъ и въ огромномъ количествѣ заяцъ-бѣлякъ.

Озера въ лѣтнее время изобилуютъ утками и гусями, а надъ ними часто вьются чайки; на болотахъ разгуливаютъ журавли, носятся кулики и бекасы; по лѣсамъ глухари, тетерева, куропатки, рябчики; изъ пѣвчихъ—дроздъ и клестъ; изъ хищныхъ—орелъ, коршунъ, ястребъ, соколъ, воронъ, ворона, филинъ, сова. Изъ пресмыкающихся встрѣчаются лягушки и ящерицы.

Нѣсколько словъ о земледѣліи въ краѣ.

Какъ вообще по Ленѣ, такъ и на Ленско-Алданскомъ плоскогоріи, земля, занятая подъ хлѣбопашество, отвоевана человѣкомъ у лѣса «расчистками». Площадь занятыхъ подъ хлѣбопашество земель то увеличивается, то уменьшается. Уменьшеніе происходитъ обыкновенно послѣ одного, двухъ неурожаевъ, лишающихъ якута возможности заготовить зерна на посѣвъ.

Якуты сѣютъ главнымъ образомъ ячмень, затѣмъ слѣдуетъ ярица и наконецъ пшеница. Отношеніе засѣянныхъ этими злаками площадей примѣрно 15:3:1.

По общему отзыву посѣвъ ячменя надежнѣе другихъ хлѣбовъ. Ячмень не требователенъ относительно почвы, менѣе боится морозу, раньше поспѣваетъ и въ общемъ даетъ хорошій урожай. Хорошимъ урожаемъ считается самъ-десять, среднимъ—самъ-семь; это для ячменя, ярицы и пшеницы. Для овса самъ-пять считается уже хорошимъ урожаемъ. Ячмень даетъ мѣстами урожай самъ-тридцать.

Начинают якуты хлѣбопашество обыкновенно съ своего усадебнаго мѣста, годами сильно унавоженнаго свалкою туда навоза изъ хотона; это мѣсто засѣвается ими изъ года въ годъ до полнаго истощенія. Въ виду недостаточности посѣвной площади приступаютъ къ расчисткѣ, т. е. къ освобожденію извѣстной площади отъ лѣсу, пней и корневищъ. Въ Мегинскомъ и Батурусскомъ улусахъ расчистка одной десятины земли стоитъ отъ 35 до 50 рублей.

На свѣже расчищенную землю, пропаханную или перекопанную, не сѣютъ ранѣе второго года. Потомъ часто сѣютъ до полнаго истощенія земли и только послѣ этого даютъ ей 2—3 года отдыху.

Собранный хлѣбъ складываютъ въ скирды или на особый настилъ, помѣщенный на саженной высотѣ на столбахъ, при чемъ столбы сверху обвязываются пучками можжевельника, ели, кедра или шиповника, верхушками внизъ, чтобы въ хлѣбъ не могли забраться мыши или суслики.

Молотьба и очистка зерна производятся на льду.

Якуты добываемый хлѣбъ обыкновенно съѣдаютъ безъ остатка. Для посѣва приходится зерно покупать или занимать на весьма невыгодныхъ условіяхъ. Кулачество у якутовъ такъ развито, что всякій заемъ разорителенъ. Заемъ заключается обыкновенно на отдачу натурою при чемъ ростъ колеблется отъ 30 до 50% и болѣе; если должникъ почему либо не былъ въ состояніи отдать долгъ въ срокъ, то заключается новое условіе, при которомъ первоначальный долгъ уже удваивается, а въ нѣсколько

лѣтъ выростаетъ въ 10 разъ и болѣе. Нерѣдко именно такіе долги, за невозможностью выплатить ихъ въ разъ, переходятъ отъ отца къ сыну и ежегодныя довольно крупныя отплаты не могутъ погасить роста на первоначальный незначительный долгъ.

Я еще ни слова не сказалъ о якутскихъ лошадяхъ. Это весьма выносливыя животныя, привычныя ко всѣмъ невзгодамъ, ко всѣмъ трудностямъ передвиженія въ этомъ дикомъ, неустроенномъ, холодномъ краѣ.

Якуты употребляютъ своихъ лошадей въ дѣло съ 3—4 лѣтняго возраста, рѣдко позже. Жеребятъ держатъ зимою въ хотонахъ, остальныя лошади или пасутся на снѣгу, доставая копытами засохшую траву да питаясь побѣгами тальника и кустовой березы, или же его подкармливаютъ въ открытой загороди соломою или сѣномъ. Овса они, конечно, не получаютъ вовсе (развѣ около Якутска). Предложенный хлѣбъ притрактовыя лошади обнюхивали, но не брали, тогда какъ городскія лошади, изъ Якутска, брали его жадно и подходили ко мнѣ прося еще хлѣба.

Лошади всю зиму на морозѣ; для защиты отъ послѣднихъ они обростаютъ густой довольно длинной шерстью, преимущественно бѣлаго цвѣта. При неудовлетворительномъ кормѣ и отсутствіи всякаго ухода, лошади все же еще въ состояніи дѣлать изрядные перегоны, напр. Алданъ-Чернолѣсское, около 75 верстъ, съ небольшой передышкою на полпути.

Тяжелыя работы якуты больше дѣлаютъ на быкахъ, на которыхъ они также ѣздятъ верхомъ. Не разъ намъ

приходилось встрѣтить такую сцену: везетъ якутъ на быкѣ возъ дровъ или сѣна, а самъ сидитъ верхомъ на быкѣ.

Якуты, конечно, отличные наѣздники. Нагрузивъ лошадь, подчасъ огромнымъ вьюкомъ, якутъ забирается наверхъ и отлично балансируетъ тамъ несмотря на всѣ неровности пути. Якутъ очень рѣдко спѣшитъ, а потому относится весьма снисходительно къ дурной привычкѣ своихъ лошадей фуражировать въ пути. Все время она старается на ходу схватывать то пучекъ травы, то вѣтку тальника, а при встрѣчѣ съ возомъ сѣна она непремѣнно вытащитъ цѣлый клокъ, если разстояніе тому не помѣшаетъ.

Сѣдла якутовъ большей частью отдѣланы мѣдными и серебрянными украшеніями; спереди у сѣдла металлическая дужка, на которую якутъ обыкновенно бросаетъ вожжи, пользуясь ими только въ случаѣ надобности, когда лошадь не знаетъ пути. Женщины—якутки ѣздятъ верхомъ по-мужски на тѣхъ-же сѣдлахъ.

Садиться на якутскую лошадь и слѣзать съ нея нужно быстро, т. к. она иначе начинаетъ метаться, боясь потерять равновѣсіе пока Вы на нее подымаетесь или слѣзаете.

Якуты своихъ лошадей не подковываютъ и мастеровъ умѣющихъ подковывать мнѣ не встрѣчалось. Обыкновенно ограничиваются удаленіемъ неровностей копыта и прочисткою раковинъ.

За недостаткомъ сѣна заалданскіе якуты (изъ Черно-

лѣсской, Аллаха, Анчи) обыкновенно отправляютъ лошадей на зиму въ Алданское, гдѣ сѣнокосовъ достаточно.

Алданскіе жители занимаются между прочимъ также изготовленіемъ лыжъ, большей частью изъ еловаго дерева, какъ легкаго и достаточно гибкаго. Пара лыжъ на мѣстѣ стоитъ 2—3 рубля

Возвращаюсь къ своему путешествію. Пока я съ Сивцевымъ съѣздилъ на осмотръ дома и собиралъ различныя свѣдѣнія, механикъ Димитревичъ успѣлъ осмотрѣть и измѣрить мѣсто воздушнаго телеграфнаго перехода, и мы возвратились къ станціонной юртѣ почти въ одно и тоже время. Здѣсь мы застали возвращавшагося изъ Охотска въ Якутскъ купца Киренскаго пугавшаго насъ неимовѣрными трудностями въ пути и плохой дорогой.

Наскучивъ перемѣною нарты на каждой станціи механикъ Димитревичъ въ Алданской пріобрѣлъ собственную за три рубля. Согрѣвшись послѣ своихъ поѣздокъ, мы пустились въ дальнѣйшій путь, стремясь добраться до вечера еще до ближайшей попутной юрты у переправы чрезъ р. Бѣлую, до Атырджака.

Широкая долина Алдана, перерѣзанная небольшими холмами соединяется съ менѣе широкою, но повидимому также довольно плодородной долиной р. Бѣлой въ нижнемъ теченіи послѣдней. Часто встрѣчаются березы, сосны, ели, кустовая ольха и много тальнику. Казалось бы, что эта долина и склонъ холмовъ въ значительной части могутъ быть использованы подъ земледѣліе и скотоводство.

Дорога часто идетъ по косогорамъ и густымъ зарослямъ; ямщики почти все время бѣгутъ рядомъ съ нашими нартами, погоняя лошадей бичемъ и окрикомъ и направляя искусными, сильными руками нарту оберегають насъ отъ раскатовъ и отъ толчковъ объ пни, корневища, камни и т. п. Неутомимость этихъ молодцовъ просто изумительна: мы любуемся и восхищаемся ими, и я очень сожалѣю, что не могу объясниться съ ними непосредственно за незнаніемъ языка. Заученныя стереотипныя фразы быстро исчерпаны.

Выѣхавъ изъ Алданской въ 5 ч. дня, мы пріѣхали въ Атырджакъ въ 9 ч. вечера. Пройденное разстояніе считается за 40 верстъ, но версты эти оказались весьма проблематичными. Дѣло въ томъ, что до проведенія телеграфа здѣсь этихъ верстъ, повидимому, никто не мѣрялъ; якуты исчисляютъ разстояніе на «кёсь», часъ пути. Кёсь бываетъ различный для верховой ѣзды, для зимней въ нартахъ, на лошадяхъ, на оленяхъ и, кромѣ того, въ зависимости отъ почвы—камень, глина, болото; отъ подъемовъ или уклоновъ пути; наконецъ отъ степени изнуренности животныхъ. Количество кёсь обыкновенно умножаютъ на десять и заявляютъ разстояніе столько-то верстъ. Счетъ, конечно, весьма приблизительный.

Послѣ сравнительно теплаго дня (въ 4 ч. дня на Алданѣ было всего -7^{0}R) температура къ ночи значительно понизилась и въ 9 ч. вечера термометръ показывалъ уже—22^{0}R. Мы были рады, что добрались скоро до Атырджака; здѣсь расположились чай пить и ночевать. И сами то мы порядкомъ устали, проведя двѣ ночи въ ѣздѣ и надо же было дать отдыхъ лошадямъ и ямщикамъ.

По разстояніямъ въ Атырджакѣ должна бы существовать почтовая станція, но, къ сожалѣнію, станціи здѣсь нѣтъ; содержится лишь лѣтній перевозъ чрезъ р. Бѣлую, а такъ какъ до Чернолѣсской остается еще верстъ 50 (по мѣстному счету), то въ Атырджакѣ и путешественники и почта обыкновенно дѣлаютъ болѣе или менѣе продолжительный привалъ у юрты перевозчика. Юрта, конечно, не блещетъ чистотою, но достаточно обширна.

Мы устроились хорошо, отлично отдохнули; встали въ 3 ч. 30 м. утра, а въ 4, 30 м. пустились въ дальнѣйшій путь.

Около Атырджака водится много бурыхъ медвѣдей. Близъ юрты, по какому то суевѣрію, на столбикахъ укрѣплены штукъ пять медвѣжьихъ череповъ, уже изрядно выцвѣтшихъ и разрушающихся отъ солнца и отъ непогоды.

При выѣздѣ нашемъ изъ Атырджака термометръ показывалъ всего 20 гр. морозу. Мы сначала ѣхали лѣсомъ, затѣмъ выѣхали на р. Бѣлую, здѣсь живописно извивающуюся между скалами, изъ которыхъ то по высотѣ, то по характеру своему нѣкоторыя напоминаютъ живописные берега Байкала. Съ рѣки красивый видъ на ближайшіе отроги Алданскаго хребта.

Медленно подымалось зимнее солнышко и играло лучами своими на бѣлоснѣжныхъ вершинахъ горъ, на склонахъ ихъ; холодный воздухъ становился прозрачнѣе, но, сильною струею несясь намъ на встрѣчу, онъ заставлялъ насъ сильнѣе кутаться и подставлять ему то одну, то другую половину лица. Въ одномъ мѣстѣ мнѣ правый

берегъ рѣки показался настолько живописнымъ, что я рѣшилъ запечатлѣть его снимкомъ, для чего хотѣлъ воспользоваться штативнымъ аппаратомъ; попытка эта успѣхомъ не увѣнчалась: ни руки ни затворъ не дѣйствовали исправно; въ результатѣ я испортилъ нѣсколько пленокъ да потерялъ полчаса времени. При взглядѣ на термометръ оказалось, что морозъ достигъ 27° по Реомюру. Впослѣдствіи я уже не пытался при такой температурѣ возиться съ штативнымъ аппаратомъ; на это не хватало гражданскаго мужества.

Мы все время держимъ путь по льду рѣки. Красивыя цѣпи горъ сопровождаютъ ее на всемъ протяженіи. Солнце поднялось выше и яркій свѣтъ его, отраженный шелковистой поверхностью снѣга, ослѣпительно жгетъ глаза. Невольно щуришься, а затѣмъ надѣваешь темныя очки. Даже многіе ямщики имѣютъ такія темныя очки-консервы, безъ которыхъ глазамъ здѣсь плохо приходится. Нѣкоторые якуты носятъ самодѣльныя, сплетеныя изъ конскаго волоса очки-сѣтки.

Наши плохо одѣтые ямщики скачутъ рядомъ съ нами по вчерашнему, но ѣдемъ мы сегодня тише. Въ Чернолѣсскую пріѣхали въ 10,30 утра. Чернолѣсская (Улунахъ--тоже) состоитъ изъ 6—7 юртъ, расположенныхъ по обѣ стороны р. Бѣлой. Развито скотоводство. По близости хорошія пастбища; покосовъ мало. Чернолѣсская смѣнный пунктъ по перевозкѣ товаровъ изъ Охотска въ Якутскъ и обратно. Здѣсь заканчивается конный путь и на востокъ, до ст. Мѣтинской, придется ѣхать на оленяхъ.

Съ нашихъ нартъ снимаютъ оглобли, чтобы сохранить ихъ до обратнаго возвращенія. Направленіе нарты

зависитъ теперь всецѣло отъ силы, ловкости и вниманія ямщика или каюра, какъ ихъ здѣсь называютъ. Оленей впрягаютъ въ нарту слѣдующимъ образомъ: на каждаго оленя надѣваютъ на шею, пропуская чрезъ одну переднюю ногу, шлею или просто ременное крѣпко сшитое кольцо; къ этимъ двумъ шлеямъ или кольцамъ привязываютъ ремень свободно пропущенный чрезъ дугу впереди нарты. Олень рвущійся впередъ оттягивается назадъ своимъ товарищемъ, а отстающаго бьетъ нарта по заднимъ копытамъ, подгоняя его этимъ впередъ. Ремень же всегда находится въ натянутомъ состояніи. На спускахъ олени раздаются одинъ направо, другой налѣво, и нарта спускается между ними, тормазимая, конечно, и каюромъ.

Олени были отпущены въ лѣсъ на подножный кормъ подъ присмотромъ пастуха, чтобы не дать имъ уйти слишкомъ далеко. Пока пошли «имать оленей» мы зашли въ юрту погрѣться и покушать.

Юрта грязная. Обитателей много; они не менѣе грязны, въ особенности женщины. Кое гдѣ на полу замѣтны слѣды дѣтской неопрятности. Продолжительное пребываніе въ юртѣ доставляетъ мало удовольствія. Навѣдываемся почаще привели ли оленей; нѣтъ, ихъ все еще ловятъ. Такъ мы прождали три часа. Наконецъ явились ямщики съ оленями. Милыя, кроткія животныя, ростомъ неболѣе годовалаго теленка. Уходу за ними— никакого. Человѣкъ не даетъ имъ ничего: ни пищи, ни тепла, ни крова, ни безопасности отъ звѣря, ни даже такого лакомства, какъ соль. Даже вкусъ соли имъ неизвѣстенъ; изъ 10—12 наличныхъ оленей только одинъ взялъ у меня соль и долго, жадно лизалъ руку, на которой оставались слѣды соли.

Эксплоатація же оленей со стороны человѣка здѣсь идетъ самая безсердечная. Ихъ заставляютъ везти непосильныя клади, даютъ имъ мало времени для отдыха, въ пути ихъ погоняютъ все время тяжелыми ударами палокъ. На остановкахъ усталымъ животнымъ приходится копытами разгребать глубокій снѣгъ, чтобы добывать изъ-подъ него свой единственный кормъ, оленій мохъ. И при этомъ оленямъ привязываютъ къ рогамъ или на шею длинный поводъ или навѣшиваютъ тяжелую палку, которая затрудняетъ имъ движеніе по лѣсу, иначе они, конечно, ушли бы подальше отъ своихъ хозяевъ и, по возможности, навсегда.

Говорятъ, что на сѣверѣ это часто бываетъ: пройдетъ табунъ дикихъ оленей и заманитъ съ собою въ тайгу домашнихъ, прирученныхъ, познавшихъ всю тяжесть неволи у царя природы.

Дичаетъ домашній олень быстро; дикій же приручается вполнѣ только въ третьемъ поколѣніи.

По Охотскому тракту не стѣсняются употреблять въ тягу даже беременныхъ матокъ оленей; бываютъ случаи, когда роды происходятъ въ пути. Понятно, что такое истязаніе оленей не можетъ послужить въ пользу ни маткѣ, ни приплоду. Не это ли причиною тому, что большинство станціонныхъ оленей мелкорослы и слабосильны или, б. м., это происходитъ отъ слишкомъ ранняго употребленія молодыхъ оленей въ тягу, но фактъ тотъ, что мѣстные олени значительно мельче и слабѣе оленей лопарей и самоѣдовъ. Что это не объясняется мѣстною породою видно изъ того, что между оленями шедшими намъ навстрѣчу, съ грузами чая изъ Охотска,

встрѣчалось немало крупныхъ экземпляровъ ростомъ съ киргизскаго коня и болѣе.

Въ бѣгѣ олени оказались довольно хороши; сбивались они лишь на голомъ льду, скользя и падая если каюры ихъ не поддерживали. Замѣчательно жалокъ и безпомощенъ олень на скользкомъ льду; несмотря на весьма развитыя копыта съ широкими пальцами олень лишь съ великимъ трудомъ здѣсь удерживаетъ равновѣсіе; красивые глаза его отъ страха точно вылѣзаютъ изъ орбитъ и наливаются кровью. Зато стоитъ оленямъ вступить на снѣгъ и моментально къ нимъ возвращается природная грація и ловкость ихъ бѣга.

Наледи, къ сожалѣнію, встрѣчаются все обширнѣе и чаще, а вмѣстѣ съ тѣмъ и больше затрудненій для быстраго движенія впередъ. Верстахъ въ 20 выше Чернолѣсской мы проѣзжаемъ мимо устья рѣки Чагдалы (Сосновой). По этой рѣчкѣ сворачиваетъ направо, въ горы, лѣтній трактъ, мы же пока слѣдуемъ далѣе по р. Бѣлой. Долина рѣки продолжаетъ быть живописной; бѣлоснѣжные хребты окружаютъ насъ со всѣхъ сторонъ. Кое гдѣ скалы обнажены и камни пестрѣютъ разноцвѣтными лишаями—кроваво-красными, темнобурыми, ярко-желтыми или зелеными.

Днемъ было тепло; въ 2 ч. дня, при выѣздѣ изъ Чернолѣсской, было всего −6°R; съ наступленіемъ сумерекъ морозъ усиливался, и мы были рады добраться до упраздняемой въ настоящее время зимней станціи Кырныхстахской (Горностайской),— одинокой юрты, расположенной въ живописной, но дикой долинѣ. Дорога насъ утомила. Стояли темныя ночи и хотя, благодаря снѣгу,

и звѣзднаго свѣта бывало достаточно, чтобы освѣщать намъ путь, мы все же опасались наледей. Рѣшили въ Кырныхстахѣ заночевать и выѣхать на слѣдующее утро, на разсвѣтѣ.

Таково было наше предположеніе. На дѣлѣ же оказалось, что мы уснули такъ крѣпко и спали такъ сладко, что поднялись лишь около пяти, а тронулись въ путь около 6 ч. утра.

Холодно; при—26°R; жестокій вѣтеръ дуетъ намъ навстрѣчу; трудно дышать, а лицо этотъ вѣтеръ просто рѣжетъ. Ближніе хребты изобилуютъ обнаженными, отвѣсными скалами изъ сланцевъ и песчаниковъ, проросшихъ кварцемъ. Породы часто мѣняются: то свѣтлые песчаники, то желтоватые сланцы, то темнобурые, то зеленоватые. Минувъ эти скалы, мы подымаемся по льду р. Бѣлой довольно круто; здѣсь, очевидно, большое паденіе воды и можно себѣ представить какъ она бушуетъ и реветъ во время таянія снѣговъ или послѣ хорошаго ливня.

Подвигаемся ближе къ хребтамъ, сплошными цѣпями тянувщимися по горизонту. Вся природа закована въ ледъ и снѣгъ. Общій холодъ въ воздухѣ и въ пейзажѣ сковываетъ душу.

Вотъ хребетъ «Сильема». Здѣсь еще мѣстами встрѣчаются ели; сосенъ не видать, начиная съ устья Чагдалы. Все время слѣдуемъ по руслу Бѣлой. Долина ея сузилась чрезвычайно. Минуемъ скалу «Одинокую», такъ названную потому, что она стоитъ отдѣльно отъ общаго хребта. За нею мы разстаемся съ р. Бѣлой и поворачи-

ваемъ въ притокъ ея, р. Почтовую или Кюнкюй, по картамъ—Конкюй. Мнѣ назвали эту рѣчку Безымянной, а т. к. мы встрѣтили на ней шедшую изъ Камчатки почту, то я назвалъ эту рѣчку Почтовой;—названіе это за нею легко упрочилось.

Р. Бѣлая отъ устья Почтовой повернула на сѣверовостокъ; истоки ея берутъ начало въ 150 верстахъ отсюда. Въ 20 верстахъ выше устья Почтовой въ Бѣлую впадаетъ р. Бургала (Тополевая), длиною около 100 верстъ. Бургала беретъ начало изъ озера Хомокъ-кюль подходя этимъ близко къ истокамъ р. Тыры (притоку Алдана). Перевалъ изъ долины Бургалы въ долину Тыры удобенъ какъ зимою, такъ и лѣтомъ, но только отъ вершины Бургалы, т. е. отъ озера Хомокъ-кюль.

Въ двухъ верстахъ выше впаденія Почтовой въ Бѣлую, шагахъ въ 700 отъ праваго берега, у подножія небольшого холма, существуетъ источникъ который, по словамъ инородцевъ, весною бьетъ пѣною, а зимою образовываетъ накипь льда. Олени и лошади жадно пьютъ воду этого источника и пожираютъ ледъ и снѣгъ пропитанный ею. По моей просьбѣ ледъ отъ этого источника былъ доставленъ моимъ спутникомъ И. Г. Сивцевымъ въ Якутскъ; по дорогѣ часть льда растаяла, такъ что Якутска достигло лишь небольшое количество жидкости, собранное отъ таянія этаго льда, и нѣсколько глины пропитанной жидкостью изъ того же источника. По произведенному въ Якутскѣ анализу, въ этой жидкости опредѣлено большое содержаніе глауберовой соли, присутствіе желѣза и слѣдовъ поваренной соли. Анализъ былъ произведенъ въ лабораторіи Якутскаго Областнаго Ветеринарнаго Инспектора.

Въ лѣтнее время этотъ источникъ совершенно высыхаетъ, что указываетъ на близкое къ поверхности земли расположеніе тѣхъ солей, которыми вода источника насыщается. Глубокихъ ключей здѣсь вообще встрѣчаться не должно; этому препятствуетъ повсемѣстная вѣчная мерзлота. Горячихъ же ключей, которые могли бы пробить этотъ слой мерзлоты, ни якутамъ, ни тунгусамъ, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать, въ раіонѣ всего тракта нигдѣ не попадалось. Точно также ни горькихъ, ни соленыхъ, ни минеральныхъ источниковъ осѣдлому и бродячему населенію этого раіона не извѣстно, кромѣ одного вышеописаннаго.

Мѣстность по Бѣлой къ устью р. Почтовой чрезвычайно живописна. Такъ и манитъ побывать здѣсь лѣтомъ. Любитель природы найдетъ здѣсь очень много интереснаго. Правда—движеніе возможно только верхомъ, съ частыми бродами, какъ поперекъ такъ и вдоль рѣки, а въ случаѣ внезапной прибыли воды возможны значительныя задержки въ движеніи, такъ какъ бурный потокъ никакого брода не допускаетъ.

Путь по р. Почтовой точно такой же, какъ по Бѣлой; тотъ же характеръ ущелій и горъ, та же растительность. Впрочемъ, ели вскорѣ исчезаютъ; вѣчно зеленая хвоя видна только на ползучемъ кедрѣ (кедръ-сланецъ=Pinus pumilla Pall.), встрѣчающемся сначала спорадически, а затѣмъ въ большомъ количествѣ. Уклоны горныхъ цѣпей подчасъ покрыты только этимъ неприхотливымъ растеніемъ. Придавленное снѣгомъ, оно имѣетъ непривлекательный видъ; нижними своими вѣтвями оно, точно на огромныхъ щупальцахъ, какъ будто пол-

зетъ по горѣ. Въ полумракѣ такъ и кажется, что исполинскія, черныя насѣкомыя надвигаются на спутника, выползая-изъ подъ густого бѣлоснѣжнаго покрова.

Какъ я сказалъ уже выше, мы здѣсь встрѣтили камчатскую почту; шла она съ пушниною, на шести нартахъ. Чтобы не задерживать почты въ Кырныхстахѣ (гдѣ и олени и ямщики были заняты нами) и самимъ не остаться безъ оленей и ямщиковъ въ Аллахъюнѣ, мы обмѣнялись здѣсь съ почтою, какъ ямщиками такъ и оленями.

Перегонъ Кырныхстахъ—Аллахъюнъ очень великъ и для отдыха путешественниковъ на полпути этого перегона устроена поварня Ниманская. Къ полудню мы сюда добрались. Поварня эта жалкая хатка-срубъ, съ плоской крышей, вся задымлена; отверстія для окошекъ заставлены кусками льду нисколько не пригнанными къ заполненію ими оконнаго отверстія; понятно, что чрезъ всѣ эти окна свободно продуваетъ вѣтеръ. Устроенный въ поварнѣ камелекъ полуразрушенъ; исправленіе его никого не озабочиваетъ. Труба и камелекъ первоначально были сложены изъ плитняка, промазаннаго глиною; глина вся высыпала, а замѣнить ее нечѣмъ. Лѣтомъ путь идетъ южнѣе, чрезъ Чагдалинскій и Нюникансkій хребты, а здѣсь никого не бываетъ и глины заготовить некому. Приходитъ зима, возобновляется путь на Ниману, но уже поздно доставать глину; все сковало морозомъ и покрыло снѣгомъ и льдомъ. Единственный обитатель Ниманской поварни былъ сторожъ, посаженный туда, очевидно, только въ ожиданіи моего проѣзда. Думаю такъ потому, что онъ отправился въ Аллахъюнъ вмѣстѣ съ нами, пристроившись на нарту

шедшую съ вещами. Поварня же осталась брошенная на произволъ судьбы и проѣзжающихъ.

Когда въ камелькѣ разложили огонь, чтобы разогрѣть пищу, добыть кипятку и согрѣться самимъ—все помѣщеніе поварни моментально наполнилось ѣдкимъ дымомъ. Благодаря этому, пребываніе въ поварнѣ ограничили насколько было возможно. Олени были отпущены пока на кормежку. Задержались часа на два.

Путь идетъ все время съ замѣтнымъ подъемомъ по льду рѣки Почтовой, минуя устья впадающихъ въ нее рѣчекъ «Кытытъ», «Соурдахъ» и «Селгитрилляхъ», медленно достигая перевала «Сетте-Дабанъ» (Семь хребтовъ).

У впаденія рѣки Кытытъ въ Почтовую вновь соединяются оба тракта, зимній и лѣтній, вплоть до Аллахъюна на протяженіи 75 верстъ, (по мѣстному счету). Около устья Соурдаха встрѣчаются довольно большіе луга, и здѣсь лѣтомъ путешественники, почта и обозы обыкновенно дѣлаютъ привалъ, чтобы отпустить на нѣсколько часовъ лошадей на подножный кормъ, далѣе встрѣчающійся лишь въ незначительномъ количествѣ.

На р. Почтовой въ нѣсколькихъ мѣстахъ встрѣчались замѣчательныя выпучиванія льда то крышеобразныя, то пирамидальныя, то наподобіе карбункула, при чемъ эти выпучиванія достигали мѣстами саженной, а иногда и полутора саженной вышины.

Лиственица здѣсь сильно захвачена бородатымъ мхомъ (Usnea barbata), изрѣдка чернымъ или почернѣвшимъ по большей части—зеленымъ. Иногда его встрѣ-

чается такъ много, что издали деревья кажутся зазеленѣвшими. Олени ѣдятъ этотъ мохъ, довольствуясь имъ, когда бываетъ трудно раздобыть изъ-подъ снѣга любимые ими болѣе сочные виды мховъ (преимущественно Getraria islandica).

Съ подъемомъ на хребты лиственица мельчаетъ; часто вершины горъ совершенно оголены и лишь по разсѣлинамъ и углубленіямъ въ скалахъ подымаются вверхъ разнаго рода цѣпкіе лишаи, между которыми рѣзко выдѣляется одинъ багряно-красный видъ. За лишаями коегдѣ слѣдуетъ кедръ-сланецъ.

Въ общемъ лѣсъ отъ Нимаиской поварни до перевала рѣденькій и мелкій. Приближаясь къ перевалу оставляемъ русло Почтовой разбивающейся здѣсь на нѣсколько истоковъ, совершаемъ два —три довольно крутыхъ подъема и находимся на вершинѣ самаго труднаго перевала на всемъ зимнемъ пути отъ Якутска до Охотска, на Сеттѣ Дабанѣ (семь хребтовъ), такъ названномъ потому, что лѣтомъ путь лежитъ чрезъ семь горныхъ грядъ, изъ которыхъ самая значительная та, на которой мы находимся.

Площадка перевала небольшихъ размѣровъ. На ней нѣсколько лиственицъ и довольно много ползучаго кедра. Кѣмъ-то на перевалѣ поставлено два креста; на одномъ изъ нихъ--икона св. Николая-чудотворца. Такая же икона вдѣлана въ дерево и тутъ-же, въ расщелинѣ дерева и за кору воткнуто нѣсколько мелкихъ мѣдныхъ монетъ — пожертвованія путешественниковъ нуждающимся или на молебны, которые здѣсь служатъ случайно проѣзжающіе священники.

По распространенному между якутами повѣрію, человѣка, взявшаго безъ нужды изъ пожертвованныхъ денегъ, преслѣдуютъ несчастія или неудачи въ пути. Случайный фактъ послужилъ къ укрѣпленію этаго суевѣрія. При обратномъ слѣдованіи съ подвѣскою телеграфнаго провода отъ Аллахъюна къ Соурдаху одинъ изъ строителей, механикъ Пурмаль, заинтересовался пожертвованными монетами и, найдя между ними одну довольно старинную, замѣнилъ ее. Пройдя съ работами дальше, онъ близъ Соурдаха съ ружьемъ черезъ плечо пробирался по камнямъ чрезъ р. Почтовую, на одномъ изъ камней поскользнулся, упалъ и по несчастію ударилъ куркомъ объ камень. Раздался выстрѣлъ и весь зарядъ пробилъ Пурмалю икру лѣвой ноги, повредилъ малоберцовую кость и засорилъ рану кусками одежды, бѣлья, пыжами. Произошла огромная потеря крови. Только благодаря немедленной промывкѣ раны и имѣвшимся перевязочнымъ средствамъ удалось избѣгнуть зараженія крови. За отсутствіемъ другого сообщенія, механику Пурмаль пришлось верхомъ отправиться въ Якутскъ и тамъ слечь въ госпиталь. Цѣлый мѣсяцъ длилось это путешествіе. Сколько мученій несчастный перенесъ въ пути, по которому изнурительно слѣдовать и здоровому, непривычному человѣку это можно себѣ представить. Суевѣрный народъ отнесъ это печальное происшествіе, конечно, къ замѣнѣ на Сетте-Дабанѣ пожертвованной монеты.

Кромѣ этихъ даровъ на деревьяхъ, конечно, красуются пучки конскихъ волосъ, разноцвѣтныя тряпки и прочія жертвоприношенія, встрѣчающіеся почти на всякомъ перевалѣ.

На перевалѣ, разумѣется, мы даемъ своимъ оле-

нямъ отдыхъ оглядываемся на оставленную позади долину р. Почтовой и окружающія ее горныя цѣпи причудливыхъ рисунковъ, а затѣмъ обращаемъ взоръ свой на открывающуюся передъ нами величественную картину. Многочисленныя цѣпи горъ уходятъ въ даль; однѣ изъ нихъ блещутъ острыми контурами своихъ вершинъ, другія покрыты массою кедровника, оживляющаго своею темною зеленью общій бѣлоснѣжный покровъ ихъ склоновъ. Дальніе хребты утопаютъ въ блѣдной синевѣ горизонта. Красиво выдается громада Тарбаганахскихъ горъ; онѣ близки, верстъ 50 отсюда. Особенно рельефно обрисовываются ихъ три главныя вершины.

Долго не хотѣлось оторвать глаза отъ этой картины, но вечеръ близокъ, намъ предстоитъ трудный спускъ, а до Аллахъюна осталось еще верстъ 30; приходится торопиться, спѣшить въ дальнѣйшій путь.

Небольшой спускъ, небольшой подъемъ, и мы—на второй площадкѣ, откуда снова открывается обширный видъ на ближайшія горныя цѣпи. А у ногъ нашихъ извивается дикое ущелье рѣчки Акары, горнаго ручья совершенно просохшаго къ зимѣ, не оставившаго даже слѣдовъ льда въ узкомъ руслѣ своемъ. По этому ущелью мы спускаемся внизъ. Путь идетъ по камнямъ, по валежнику, по обнаженнымъ водою корнямъ деревьевъ. Ежеминутно нарта застрѣваетъ между камнями и валежникомъ; то однимъ, то другимъ полозьемъ приходится перетаскивать ее чрезъ эти препятствія или освобождать ее изъ тисковъ, въ которые она попала. Усилій одного каюра здѣсь недостаточно; Расторгуевъ ему дѣятельно помогаетъ.

Наступившія сумерки лишаютъ возможности сдѣлать снимки съ ущелья, и я откладываю это поневолѣ до обратнаго пути.

Изъ ущелья Акары мы сворачиваемъ влѣво и чрезъ небольшой хребетъ переваливаемъ въ долину рѣчки Селляхъ, слѣдуя по послѣдней почти до станціи Аллахъюнской. Лѣсъ по Селляху крупный, средней густоты. Мѣстами и здѣсь встрѣчаются довольно живописныя скалы.

Ясная, звѣздная ночь; замѣчаю, что съ перевала въ Селляхъ мы почти все время держимъ путь на ССВ. Большой перегонъ и затруднительный спускъ съ Сетте-Дабана утомили оленей. Мы всѣ жаждемъ добраться до жилища, но время тянется и нигдѣ огонька не видать. Наконецъ, въ 9 ч. вечера мы достигаемъ Аллахъюна.

Зимняя станція въ Аллахъюнской, въ домѣ вдовы Прудецкой, оказалась довольно чистымъ, сравнительно привѣтливымъ помѣщеніемъ. Столъ въ отведенномъ намъ углу даже былъ покрытъ скатертью. Пріятно было и поѣсть и отдохнуть въ болѣе сносныхъ условіяхъ, чѣмъ встрѣчались на всемъ пути отъ Якутска.

Раннее утро я посвятилъ сперва записыванію свѣдѣній, какія удалось извлечь отъ двухъ мѣстныхъ старожиловъ: Павла Захарова и Николая Прудецкаго, несмѣтное количество разъ совершавшихъ путь отъ Чернолѣсской до Юдомы и до Охотска.

По обѣ стороны Аллахъюна раскинулись обширные луга. На протяженіи около 20 верстъ здѣсь разбросано

10 юртъ и домиковъ, но обитаемы изъ нихъ въ настоящее время всего три; живетъ въ этихъ трехъ юртахъ 23 души обоего пола, въ томъ числѣ всего четыре работника; остальные старики (2), старуха (одна), женщины, дѣти.

Количество строеній доказываетъ, что раньше здѣсь жило больше народу. Дѣйствительно, благодаря неурожаю травъ два года сряду, нѣсколько хозяевъ переселилось кто на Алданъ, кто дальше на востокъ. Причиною переселенія послужилъ также упадокъ грузового движенія по тракту частью вслѣдствіе развитія Аянскаго пути, частью вслѣдствіе прекращенія дѣлъ однимъ торгово-промышленнымъ предпріятіемъ.

Въ 10 верстахъ ниже станціи Аллахъюнской, близъ устья Акары, разбиваетъ въ зимнее время свою урасу (юрту, обшитую кожами) одно семейство кочующихъ тунгусовъ.

Въ $5^1/_2$ верстахъ ниже станціи, за лѣвымъ берегомъ рѣки, лежитъ озеро Булгуняхтахъ, куда Аллахскіе якуты переѣзжаютъ на лѣто для сѣнокоса, а въ 20 верстахъ выше, близъ праваго берега рѣки, озеро Алыгардахъ (окуневое), которое славится богатствомъ рыбы, главнымъ образомъ—окунями и карасями.

Р. Аллахъюнъ беретъ начало у подножія Оймыконскаго плоскогорія, и тунгусы туда подымаются по долинѣ рѣки. Съ Оймыконскаго плоскогорія беретъ начало цѣлый рядъ значительныхъ рѣкъ; на сѣверъ текутъ Индигирка и Колыма, на югъ—Охота и Кетанда (Лонку), на юго-западъ Аллахъюнъ, на западъ Хандыга (притокъ

Алдана). Самое удобное сообщенiе съ Оймякономъ (населенномъ якутами запимающимися скотоводствомъ, звѣроловствомъ и въ незначительныхъ размѣрахъ хлѣбопашествомъ) по р. Охотѣ, но изъ Якутска, краткости ради, избираютъ обыкновенно болѣе трудный путь по Хандыгѣ.

Аллахъюнъ принимаетъ въ себя много горныхъ ручейковъ и рѣчекъ, и при выпаденiи дождей или усиленномъ таянiи снѣговъ вода въ ней быстро подымается и мчится внизъ съ быстротою 15—18 верстъ въ часъ. Переправа тогда становится весьма затруднительной, т. к. лодку и лошадей быстро сноситъ, а мѣстъ, гдѣ бы можно пристать или удобно выбраться лошадямъ, немного. При этомъ вода мчитъ на себѣ огромныя коряги, угрожая потопить ими и лодку и лошадей. Въ мелкую воду теченiе тихое. Ширина рѣки менѣе ста саженъ.

Изъ рыбъ въ Аллахъюнѣ водятся, главнымъ образомъ, харiусъ и окунь, но часто ловятся также щука, таймынь, ленокъ, красноглазка (сорога), мелкiй налимъ.

Вслѣдствiе малоснѣжья р. Аллахъюнъ промерзла на 3 арш. глубины; въ снѣжныя зимы она промерзаетъ всего до семи четвертей.

Земля оттаиваетъ здѣсь лѣтомъ въ обнаженныхъ мѣстахъ до $2^1/_2$ аршинъ, если растительный покровъ тонкiй и почва песокъ или глина; въ тѣни же оттаиваетъ неболѣе аршина, а подъ мхомъ почти совершенно не оттаиваетъ.

Охота вокругъ Аллаха въ лѣсахъ и по горамъ довольно богатая. Каменный баранъ, дикiй олень (сѣверный), лось, кабарга, медвѣдь бурый и черный, волкъ,

лисица рыжая и чернобурая, россомаха, заяцъ, бѣлка, горностай, крупные тарбаганы (фунтовъ 20 вѣсомъ), бурундуки, мыши безхвостыя—все это попадается охотнику довольно часто, въ особенности бѣлка и заяцъ. Изъ дичи водятся рябчикъ, глухарь, тетеревъ, бѣлая и сѣрая куропатки; во время перелета—гуси, утки. Изъ другихъ птицъ встрѣчаются во множествѣ каменная ворона (кедровка), сойка (кукша), воронъ, черный зимородокъ, чечетка, зимушка, ползунъ, черный дятелъ съ красной головкой. Перелетомъ бываютъ иногда лебеди и журавли.

Тарбаганы водятся въ горахъ; норки свои устраиваютъ въ многочисленныхъ разсѣлинахъ скалъ. Каменный баранъ и кабарга также водятся только въ горахъ. Олени лѣтомъ, спасаясь отъ оводовъ и отъ строки, заходятъ на мускюэли, ледяныя поля, которыхъ много въ расположенныхъ по обѣ стороны Аллахъюна горныхъ узлахъ. Горностай ловится почти исключительно въ мѣстнаго устройства капканы; для поимки лося подчасъ роютъ глубокія ямы и прикрываютъ ихъ слегка всякимъ хворостомъ. Ружья имѣются еще кремневыя, при чемъ стволъ зачастую къ ложу привязанъ ремешками. Берданы составляютъ рѣдкость и, стоя всего 7 р. въ Якутскѣ, продаются въ тайгѣ рублей по пятидесяти.

На медвѣдя идутъ съ рогатиною. Медвѣдя боятся и величаютъ его дѣдушкою. Завидя медвѣдя якутъ обыкновенно причитываетъ, умоляя тойона лѣсовъ не трогать его. «Не трогай ты меня и я тебя не трону и мои дѣти не будутъ трогать твоихъ дѣтей; я тебѣ не желаю зла и ты мнѣ зла не дѣлай и мои дѣти тебѣ и твоимъ

дѣтямъ не будутъ дѣлать зла». Медвѣжину ѣдятъ, но ставятъ ее позади себя, издаютъ воронiй крикъ и приговариваютъ «не мы тебя ѣдимъ, дѣдушка, это воронъ тебя ѣстъ». Таковъ же обычай и у тунгусовъ.

Станцiонная хозяйка, вдова Прудецкая, плакалась на свою судьбу; говоритъ немного по-русски. Когда-то видала лучшiе дни, считалась богатою, а съ паденiемъ извознаго промысла, смертью мужа и благодаря нѣсколькимъ неурожаямъ обнищала. Вотъ и теперь у нея нѣсколько оленей ушло въ лѣсъ, а ямщики ихъ не ищутъ. Одного оленя Богъ убилъ (якуты часто вмѣсто слова «палъ» или «умеръ» употребляютъ выраженiе «Богъ убилъ»). Все хозяйство видимо рушится, такъ какъ старуха уже не въ состоянiи его вести.

Утро холодное; въ 4, 30 утра градусникъ показывалъ —30°R.

Собираемся въ путь и прежде всего направляемся къ мѣстамъ, гдѣ можно удобно построить зданiе для контрольнаго телеграфнаго отдѣленiя и къ мѣсту телеграфнаго перехода чрезъ рѣку. Для постройки оказалось удобнымъ одна изъ брошенныхъ усадьбъ. Лѣсъ отъ существующаго домика весь можетъ итти въ дѣло; службы всѣ еще годятся. Мѣсто для перехода черезъ Аллахъ избрано вблизи перевоза, его не затапливаетъ, съ обѣихъ сторонъ рѣки подходятъ луга. Мѣсто не хуже и не лучше многихъ другихъ и вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенiю.

Окончивъ осмотръ, мы въ 8 ч. 45 утра выѣзжаемъ въ Анчу. Путь идетъ по льду рѣки Аллахъюна до доли-

ны р. Анчи. Близъ устья последней ледъ на ней представляетъ сплошь волнистую, частью покрытую буграми поверхность; явленіе вызванное напоромъ воды. Гдѣ нибудь ледъ дастъ трещину, вода прорвется фонтаномъ и образуетъ огромную наледь, какихъ мы встрѣчали уже немало.

На островахъ и по берегамъ р. Анчи въ изобиліи встрѣчается видъ тополя покрывающійся бѣлымъ налетомъ настолько, что кажется, имѣешь дѣло съ березою, а не съ тополемъ. Сильнѣе всего этотъ налетъ развитъ на болѣе молодыхъ растеніяхъ, но встрѣчается также масса деревьевъ достигшихъ 3—4 саж. вышины, сохранившихъ этотъ налетъ на верхнихъ побѣгахъ и вѣтвяхъ. Налетъ этотъ легко стирается. Много вѣтокъ покрытыхъ этимъ налетомъ и даже цѣлыя деревца засыхаютъ. Главнымъ образомъ налетъ замѣчался на кустахъ и деревьяхъ очутившихся нижней частью ствола во льду. Болѣзнь ли это или способъ нѣкоторой самозащиты этой породы отъ холода—предоставляю судить спеціалистамъ. Лѣтомъ этаго бѣлаго налета на данномъ видѣ тополя не встрѣчается.

Лѣсъ по Анчѣ мѣстами довольно крупный, вер. до 7 въ діаметрѣ; отдѣльныя деревья даже еще толще. Вообще же преобладаетъ лѣсъ рѣдкій, средній, горѣлый, ерникъ, кочковатыя болота. По берегамъ рѣкъ и на островахъ тальники и тополь, мѣстами весьма крупныхъ размѣровъ.

Днемъ стало теплѣе; въ 12 ч. дня—10, а въ 1 часъ дня всего—7°R. Мы къ этимъ рѣзкимъ суточнымъ колебаніямъ температуры уже успѣли привыкнуть. Въ 2 ч. 15 м. дня

пріѣхали въ Анчу. Новая, чистая юрта якута Шамаева; оказалось, что именно потому, что домикъ чистенькій, меня туда привезли. Почтовая юрта на 2 версты дальше и, какъ я убѣдился на обратномъ пути, находится въ прескверномъ состояніи.

Останавливаемся здѣсь ровно на столько времени, сколько нужно для пригона свѣжихъ оленей съ ихъ близкаго пастбища, и пользуемся этимъ временемъ, чтобы согрѣться и покушать да обсушить намокшіе отъ дыханія шарфы, служащіе намъ въ сильный морозъ респираторами.

Близъ юрты Шамаева по обѣ стороны Анчи, довольно большіе луга. Анча рѣчка незначительной ширины, но быстрая, бурливая. Изъ рыбъ въ ней встрѣчаются харіусъ и налимъ.

Въ 3 ч. 30 м. дня мы выѣхали изъ Анчи, разсчитывая до ночи добраться до станціи Хаянжинской или, какъ она зовется мѣстными жителями, до Капитанской.

Дорога скверная, мало снѣгу. То ѣдемъ по лѣсу чрезъ пни, валежникъ, камни, то по болотамъ чрезъ кочки, то по наледямъ, то по голой галькѣ. Каждое соскакиваніе полозья съ кочки, съ камня, съ валежника отзывается при полулежачемъ положеніи болѣзненно въ головѣ; ударъ за ударомъ слѣдуютъ такъ часто, что приходится опасаться сотрясенія мозговъ и принять сидячее положеніе, при которомъ эти удары отзываются менѣе на головѣ, но зато болѣе на позвоночникѣ.

Долина рѣки суживается, горы съ обѣихъ сторонъ сближаются, но нигдѣ не подходятъ къ самому руслу

рѣки. Верстахъ въ 12 отъ Анчинскаго перевоза мы повернули въ долину р. Анчиканъ, впадающей въ Анчу съ лѣвой стороны.

Проѣхавъ версты три мы въѣхали на поляну «Багарахъ» и къ великому своему удивленію увидѣли стогъ сѣна и 8 лошадей добывавшихъ себѣ скудный кормъ изъ-подъ снѣга. Явленіе въ этой дикой тайгѣ для насъ совершенно неожиданное. Лошади оказались принадлежащими якуту Шамаеву, у котораго мы останавливались въ Анчѣ. У него и здѣсь хозяйство и держитъ онъ лошадей для лѣтнихъ сношеній съ Охотскомъ, откуда онъ достаетъ всякаго рода припасы. Якутскій принципъ коневодства и здѣсь соблюдается: лошади получаютъ кормъ, только если работаютъ или, въ крайности, когда глубокій снѣгъ не позволяетъ добывать хотя бы примороженной травы; въ остальныхъ случаяхъ онѣ остаются на подножномъ корму во всякое время года.

Верстъ на пять дальше другая поляна носитъ названіе «Тебенъ ӧльбютъ сыря» (мѣсто гибели верблюда). Оказывается, были попытки примѣненія на этомъ трактѣ верблюдовъ, какъ вьючныхъ животныхъ, но попытки успѣхомъ не увѣнчались, верблюды не акклиматизировались.

Примѣрно верстахъ въ 18 отъ устья Анчикана, мы встрѣчаемъ огромное ледяное поле «Мускюэль» (т. е. ледяное озеро). Ледъ здѣсь обыкновенно не успѣваетъ растаять и лежитъ все лѣто. Такихъ ледяныхъ полей очень много по р. Капитанской (Окачану) въ устьяхъ впадающихъ въ нее горныхъ потоковъ. Образуются эти ледяныя поля оттого, что горные потоки продолжаютъ устремлять свои воды въ рѣку, которую они питаютъ

и послѣ рѣкостава на послѣдней; прибылая вода намерзаетъ на первоначальный ледъ, и постепеннымъ намерзаніемъ достигается толщина льда въ полторы сажени и болѣе.

Аичиканъ протекаетъ чрезъ Мускюэль, принимая притоки: слѣва—Нарану или Нюсинджу, а справа—Джаргаталахъ.

Близъ Мускюэля берутъ начало двѣ рѣчки бассейна Юдомы, а именно: Ульганджа, впадающая въ Окачанъ на 5 верстъ ниже устья р. Лонку и Кутахъ, впадающая въ Юдому въ 15 верстахъ ниже устья Окачана. Обѣ рѣчки текутъ въ скалистыхъ ущельяхъ, крайне порожисты, изобилуютъ камнями; вотъ причины, почему движеніе къ Юдомокрестовской направилось не по этому пути, а по долинѣ Окачана.

Отъ Мускюэля мы продолжаемъ путь по долинѣ р. Джаргаталахъ и часа чрезъ два и здѣсь достигаемъ водораздѣла между Юдомой и Аллахъюномъ. Перевалъ почти незамѣтенъ.

До сихъ поръ мы пользовались ясной погодой, сегодня же весь день вершины горъ были окружены снѣжнымъ туманомъ, спускавшимся отъ времени до времени и въ долину.

Измученные скверной дорогой по галькѣ и по наледямъ, промерзши отъ холода и сырости въ воздухѣ, мы при 29° R. достигли Капитанской засѣки только къ 12 ч. ночи.

Помѣщеніе станціи ужасное. Старый срубъ; грязно, холодно, сыро. На стѣнахъ во многихъ мѣстахъ иней.

Въ срубѣ—хозяинъ-тунгусъ, его жена и двое больныхъ ребятъ. Жена спитъ. Дѣти скорчились укутанные въ грязное тряпье и тяжело покашливаютъ. Вся обстановка удручающая. Какой тутъ отдыхъ и сонъ! Устроились какъ-нибудь, легли во второмъ часу, а встали въ шесть утра.

Холодно; вѣтеръ просто рѣжетъ лицо. Взглянувъ на термометръ, оказывается—34°R. Чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ, пока, становится холоднѣе.

Цѣпи горъ насъ сопровождаютъ все время, но долина между ними довольно широкая; вершины горъ голыя, на склонахъ же преобладаетъ и здѣсь лиственица, а въ долинѣ—тополь, ива, тальники. Подымаясь верстъ пять по р. Капитанской достигаемъ начала ея, гдѣ она образуется изъ слiянiя двухъ рѣкъ: Теряхтахъ и Брусъ; далѣе мы слѣдуемъ по второй. Близъ этой рѣчки (Брусъ) возвышается гора Кунтанчанъ (становище), одна изъ высочайшихъ горъ на всемъ пути.

Приблизительно въ 30 верстахъ отъ Капитанской засѣки мы переваливаемъ въ русло р. Уотюряхъ (Огневая) и по ней подымаемся до истоковъ ея, до трехъ озеръ, носящихъ общее названiе Подвалъ-озеровъ (Балбаръ-кюэллера). Судя по уклонамъ, на которые приходилось подыматься, теченiе въ рѣкѣ должно быть весьма быстрое и она недаромъ носитъ названiе Огневой. Отъ мѣста слiянiя р. Огневой съ Капитанской соединенная рѣка носитъ названiе Окачанъ, хотя тунгусы, б. ч., и въ нижнемъ теченiи рѣки ее называютъ Капитанской («Капитана»).

Все время ѣдемъ довольно широкой долиной, окаймленной хребтами. Отъ Подвалъ-озеровъ осталось до Юдомы верстъ 30. Потеплѣло (въ 12 ч. дня—10°). Мы спускаемся постепенно въ долину рѣчки Чачавы и по ней ѣдемъ до Юдомы. Мѣстность довольно однообразная, растительность скудная.

По рѣчкамъ Капитанской, Брусъ, Уотюряхъ, Чачава встрѣчается множество застывшихъ во льду корягъ, а на островахъ или отмеляхъ иногда нагромождены теченіемъ рѣки цѣлые бастіоны смытаго и снесеннаго лѣсу, главнымъ образомъ, лиственицы и тополя.

Въ 4 ч. дня пріѣхали въ Юдому. Крошечная, новенькая юрта, но повсюду щели; со всѣхъ сторонъ продуваетъ. Камелекъ сложенъ изъ плитняка. Полъ устланъ мелкими вѣтками лиственицы и сверху покрытъ оленьими шкурами. Ни стула, ни скамейки, ни стола. Столъ замѣняетъ простая, небольшая доска. Чтобы дѣлать записи, пришлось лечь на полъ, подъ единственное окошко, заставленное льдинкою, положить предъ собою «столъ» и, такъ размѣстившись, терпѣть, съ одной стороны, холодъ (отъ окошка дуло немилосердно), а съ другой стороны—жаръ камелька на разстояніи не болѣе двухъ аршинъ. Почтосодержатель мѣстной станціи, староста Килляхскаго рода, Ильинскаго стойбища, тунгусъ Егоръ Безносовъ удовлетворялъ мое любопытство, какъ могъ, и далъ мнѣ тѣ свѣдѣнія о Юдомѣ, Кетандѣ и прилегающемъ къ этимъ рѣкамъ краѣ, какія онъ могъ дать.

Ст. Юдома, послѣдняя въ Якутской области; слѣдующая, Кетанда, уже находится въ Охотской округѣ. Между ними пролегаетъ Яблоновый хребетъ. Разстоянія между обѣими

станціями считается 70 верстъ. Погода сѣренькая: то облачно, то порошитъ снѣжокъ, временами вѣтренно.

Выѣзжаемъ изъ Юдомы въ 5,30 вечера. Р. Юдома здѣсь идетъ многочисленными, очевидно мелкими рукавами. Ѣдемъ сначала по болотистой, затопляемой мѣстности, по островамъ, а затѣмъ, по рѣчкѣ Талбанкуръ, притоку р. Юдомы съ лѣвой (восточной) стороны. Долина этой рѣчки не широкая, и хребты, ее окаймляющіе, незначительной вышины. Подъемъ почти незамѣтенъ, хотя мы приближаемся къ высочайшей точкѣ нашего пути— перевалу въ Охотскій край. Рѣчка Талбанкуръ беретъ начало изъ озера Сискюэль (Горное озеро) верстахъ въ 35 отъ ст. Юдома, по тракту. Озеро это замѣчательно тѣмъ, что оно находится на водораздѣлѣ. На востокъ изъ него вытекаетъ другая рѣчка—Ульчанъ, притокъ Кетанды, впадающей въ р. Уракъ. Расположенное на высотѣ болѣе 3000 ф. надъ уровнемъ моря, озеро Сискюэль является высшимъ звеномъ въ непрерывной водной нити между Охотскимъ моремъ и Ледовитымъ океаномъ (Охотское море, р. Уракъ, р. Кетанда, р. Ульчанъ, озеро Сискюэль, р. Талбанкуръ, р. Юдома, р. Мая, р. Алданъ, р. Лена, Ледовитый океанъ). Не только подъемъ къ водораздѣлу, но и спускъ съ него совершенно пологи и настолько незамѣтны, что если бы каюры и Расторгуевъ намъ на этотъ водораздѣлъ не указали, то никто изъ насъ и не догадался бы, что мы уже переваливаемъ чрезъ Яблоновый хребетъ. Дорога шла сначала по долинѣ рѣчки Ульчанъ, часто уклоняясь отъ послѣдней въ сторону, затѣмъ черезъ незначительный перевалъ переходитъ въ долину р. Эльканъ и слѣдуетъ по ней до ст. Кетанда и рѣки этого же названія.

Характеръ ландшафта въ высшей степени однообразный. Цѣпи горъ похожи всѣ одна на другую; растительность довольно бѣдная: лѣсъ рѣдкій, крупныхъ деревьевъ нѣтъ.

Рѣка Кетанда на картахъ Ильина и др. показана, какъ притокъ Арки, впадающей въ Охоту. Это совершенно неправильно: р. Кетанда принадлежитъ къ бассейну р. Уракъ и имѣетъ направленіе болѣе или менѣе параллельное рѣкѣ Охотѣ. Ошибка произошла, б. м., оттого, что Кетанда въ нижнемъ теченіи мѣняетъ свое названіе и впадаетъ въ Уракъ подъ именемъ *Лонку*.

Послѣднее названіе дано рѣкѣ по богатству ея рыбою «лонокъ». Одинъ изъ притоковъ Окачана также носитъ названіе *Лонку*. Вообще у тунгусовъ названія рѣчекъ повторяются довольно часто. Происходитъ это оттого, что они даютъ названія эти или по роду рыбъ, который преобладаетъ въ данной рѣчкѣ (Лонку, Щучья) — или по растительности, которая встрѣчается по берегамъ ея (Тополевая, Березовая), или по формѣ вершинъ, у подножія которыхъ рѣка беретъ начало (Островершинная, Коиноберцовая, Кобылья, Плоскогорная), или по другимъ болѣе или менѣе общимъ свойствамъ: Пологая, Крутая, Ледяная, Наледная, Ущелистая и т. под.

На станцію Кетандинскую мы прибыли въ 2 ч. ночи при температурѣ въ 27 гр. ниже нуля. Не согрѣвшись въ Юдомской юртѣ послѣ прохватившаго насъ суроваго утренника (34°), я въ дорогѣ остылъ еще болѣе и схватилъ бронхитъ и хрипоту, съ которыми потомъ пришлось возиться до самаго Охотска. Спутники мои оказались практичнѣе меня: они использовали время въ Юдомской не для замѣтокъ, а для того, чтобы хорошо согрѣться, и успѣли въ этомъ вполнѣ.

Станція Кетандинская помѣщается въ старомъ срубленномъ домикѣ. Видно, что сюда полицейское начальство Охотской округи чаще заглядываетъ, чѣмъ засѣдатели Якутскаго округа въ заалданскія станціи. Въ Кетандинской имѣется книга жалобъ, книга на записку проѣзжающихъ, которую вести предоставляется, впрочемъ, самимъ проѣзжающимъ. На стѣнѣ скрѣпленное подписью окружной полиціи расписаніе станцій до Охотска и расчетъ прогоновъ. Всего этого нѣтъ ни на одной изъ станцій Якутскаго округа, начиная съ Тылбыяхтаха до Юдомской включительно.

Въ Кетандѣ я засталъ старосту 2-го Уяганскаго рода тунгуса Гавріила Петровича Норина. Знакомъ власти у него служитъ кортикъ съ надписью «Охоцкаго вѣдомства, Уяганскаго второго рода князцу» Е.II (извѣстный вензель). У другого старосты (2-го Гирбиканскаго рода, Уягинскаго стойбища) кортикъ еще интереснѣе: эфесъ--олень, портупей съ изображеніемъ оленя (Охотскій гербъ—олень), на клинкѣ съ одной стороны вырѣзанъ олень и цвѣточный орнаментъ, съ другой же стороны—надпись:

1778, года, Марта 1-го. Жалованъ
ѿ канцеляріі Охоцкаго порта:
зА верной и ісправной принос.
в казну Ясакопъ ✩))))....

Къ этому кортику—пряжка съ вензелемъ Императрицы Екатерины II.

Весьма заинтересованный полученными уже свѣдѣніями о совершенно иномъ направленіи р. Кетанды, чѣмъ

обыкновенно указывается на картахъ этаго края, я старался собрать еще болѣе подробныя свѣдѣнія о самомъ характерѣ рѣки, о притокахъ ея, о флорѣ и фаунѣ по берегамъ ея. Къ сожалѣнію, я имѣлъ несчастье своими распросами возбудить въ ~~нихъ~~ тунгусахъ какую-то подозрительность, благодаря чему я могъ извлечь у нихъ лишь самыя скудныя свѣдѣнія. Узнавъ, что я и въ Аллахъюнской, и въ Капитанской, и въ Юдомѣ подробно опрашивалъ почтосодержателей, старость, ямщиковъ и друг. знающихъ лицъ относительно почвы, растительности, звѣрья, дичи, рыбы, о рѣкахъ и ихъ притокахъ, объ озерахъ и источникахъ и т. под. и собранныя свѣдѣнія тщательно записывалъ, тунгусы вывели изъ этого какое-то неблагопріятное для себя заключеніе, полагая, что собираніе свѣдѣній находится въ связи или съ новыми налогами на мѣстное населеніе или съ колонизаціею края русскими, что нуждающимся въ просторѣ тунгусамъ, конечно, очень нежелательно. Въ результатѣ тунгусы оказывались въ высшей степени сдержанными въ своихъ отвѣтахъ и большей частью отговаривались незнаніемъ. Никакія увѣренія не могли разубѣдить ихъ. «Я тамъ не кочевалъ, не знаю», —стало стереотипной фразой.

Затрудненіе было еще въ томъ, что тунгусы по-русски совершенно не говорили, а по-якутски объяснялись кое-какъ, такъ что по всѣмъ вопросамъ приходилось обращаться къ содѣйствію переводчиковъ, при чемъ переводчикъ и тунгусъ часто тоже другъ друга плохо понимали.

О рѣкѣ Кетандѣ я узналъ здѣсь только, что она беретъ начало верстахъ въ 70 выше станціи Кетандинской,

на сѣверо-востокъ отъ нея. Болѣе значительные притоки у нея—Нонкичанъ, верстъ 30 длины, впадающій въ Кетанду въ 5 верстахъ выше станціи; Элъканъ впадаетъ близъ станціи, а Ульчанъ верстъ 10 ниже. Притоки всѣ—съ правой стороны. О дальнѣйшемъ теченіи Кетанды—Ловку тунгусы отозвались незнаніемъ, но обѣщались для обратнаго пути выставить въ числѣ каюровъ человѣка, хорошо знающаго всю рѣку и ея притоки.

Чтобы имѣть возможность возвращаться изъ Охотска лѣтнимъ трактомъ, нужно было склонить мѣстныхъ тунгусовъ выставить оленей для меня, Расторгуева и Сивцева, какъ въ Юдомокрестовскомъ, такъ и на Уракѣ въ одномъ или двухъ пунктахъ. Не возражая принципіально, двое родовыхъ старостъ однако же заявили о необходимости посовѣтоваться со старостами еще другихъ родовъ на станціяхъ Агатканской и Аркинской, такъ какъ имъ однимъ трудно собрать необходимое количество оленей; нельзя же оставить безъ обслуживанія и зимній трактъ.

Соглашаясь съ этими вполнѣ резонными доводами, пришлось отсрочить рѣшеніе вопроса до Аркинской.

Несмотря на поздній пріѣздъ въ Кетандинскую, мы поднялись уже въ 6 ч. утра. Переговоры съ тунгусами мы вели за чаемъ, а потому могли выѣхать уже въ 7. 40 утра.

Морозъ, по обыкновенію, къ утру окрѣпъ; въ 6 ч. термометръ показывалъ 29 градусовъ. Было полное безвѣтріе.

Путь на Агатканскую шелъ сначала верстъ 10 по горамъ, лѣсной дорогой, затѣмъ по озеру Нямлина, далѣе, версты чрезъ 2, переходитъ на рѣку Нукча (верховье Агаткана), идетъ по ней верстъ 6—7, оставляетъ ее влѣво, переходитъ чрезъ хребетъ *Ытъ-дабанъ* (собачій) въ долину рѣчки Хöты, уклоняется отъ нея въ горы, выходитъ на огромное ледяное поле Мерачиканъ—наледь отъ горной рѣчки того же названія, и по спуску Кокоскитъ—снова на р. Агатканъ, по которой затѣмъ еще верстъ 20 пути до станціи Агатканской.

По р. Кетандѣ, а затѣмъ и по Агаткану встрѣчается много полево-шпатоваго порфира и трахита; это, повидимому, главныя породы близлежащихъ хребтовъ. Кромѣ того часто встрѣчаются кварцъ и граниты.

На полпути мы расположились въ лѣсу лагеремъ, чтобы дать отдыхъ оленямъ. Быстро разложили костеръ, сварили чай и поджарили на огнѣ нѣсколько сосисокъ и колбасы. Другіе припасы были на исходѣ.—Кругомъ насъ много повалившагося отъ сильной бури лѣса. Двадцатисаженные гиганты, толщинною въ 3/4 аршина и болѣе, выворочены съ корнями и гніютъ среди подросшаго молодого лѣса.

Растительность все еще бѣдная: лиственица, тополь, талина, ерникъ, ползучій кедръ. Березы почти совсѣмъ не встрѣчается. Ползучаго кедра особенно много на Ытъ-дабанѣ. Снѣгу въ лѣсу мало, и изъ подъ него выглядываютъ брусника, толокнянка, кустики голубицы.

Днемъ морозъ опустился до 10 градусовъ. Сегодня тумана нѣтъ.

На 35—36 версте отъ Кетанды рѣчка Мурачиканъ прорвала ледъ и разлилась широкой наледью по образовавшемуся за зиму ледяному полю. Мы стараемся ѣхать по незалитымъ мѣстамъ, а вода веселымъ ручейкомъ бѣжитъ рядомъ съ нами. Солнышко то прячется за тучку, то выглядываетъ снова и пригрѣваетъ насъ настолько, что журчанье воды насъ переноситъ за мѣсяцъ впередъ— думается, что наступила весна.

И на Агатканѣ напоръ воды прорвалъ ледъ. Мѣстами приходится переѣзжать рѣчку въ бродъ и олени жадно пьютъ воду вмѣсто снѣга, которымъ обыкновенно зимою утоляютъ свою жажду.

Въ 2,40 дня мы пріѣхали на станцію Агатканскую. Станція помѣщается въ чистой рубленной избѣ, содержится тунгусомъ. Около станціи имѣются еще двѣ пустующія избы, брошенныя своими владѣльцами.

Начиная со станціи Агатканской лѣсъ становится крупнѣе, мѣстами уже встрѣчается береза; въ общемъ же растительность та же, что и раньше.

Берега рѣки довольно высокіе. Въ пяти верстахъ не доѣзжая до ст. Аркинской въ Агатканъ впадаетъ съ сѣвера рѣчка Унаръ, верстъ 16 длины. Около ст. Аркинской р. Агатканъ впадаетъ въ рѣку Охоту. Почему Агатканъ на различныхъ картахъ этого края носитъ названіе Арки, мнѣ не удалось выяснить. Опрашиваемые тунгусы называли рѣку «Агатканъ». Теченіе въ рѣкѣ, вѣроятно, довольно быстрое, такъ какъ уклонъ замѣтенъ даже при движеніи по льду. Вообще же отъ ст. Кетанды

до Охотска паденіе равняется почти 400 саж. на протяженіи 200 верстъ, т. е. въ среднемъ, 2 сажени на версту.

При разспросахъ мѣстныхъ тунгусовъ (Матвѣя Ив. Громова и др.) оказалось, что всѣ они знаютъ р. Охоту вверхъ по теченію всего на протяженіи 100 верстъ, до устья Уяги, на которой находится одно изъ главныхъ тунгусскихъ стойбищъ того же названія. При этомъ показанія тунгусовъ носили такой разнорѣчивый характеръ, что я не рѣшаюсь привести ихъ. У нихъ, напр. выходило, что Уяга и Охота одно и то же, что рѣка эта беретъ начало въ какой-то степи Кульяти; общая длина рѣки у нихъ выходила не болѣе 300 верстъ, тогда какъ Сарычевъ поднимался по Охотѣ 400 верстъ.

По Кетандѣ, Агаткану, Охотѣ и др. рѣкамъ Охотскаго края въ лѣтнее время много водится медвѣдей-рыболововъ. Говорятъ, что они относятся къ человѣку и къ домашнимъ животнымъ довольно добродушно, никогда на нихъ не нападаютъ. Во время хода рыбы такой медвѣдь выбираетъ удобное мѣсто на берегу рѣки, обыкновенно подмытое, свѣсившееся дерево и разглядываетъ проходящую густыми массами рыбу. Облюбованные экземпляры онъ ловко вылавливаетъ лапою, откусываетъ у нея голову, а остальную часть выбрасываетъ на берегъ, про запасъ, если онъ голоденъ, или обратно въ воду, если онъ сытъ. При этомъ его не смущаетъ шумъ и говоръ рыбаковъ на сравнительно близкомъ разстояніи 150—200 шаговъ. Въ остальное время медвѣди эти питаются ягодами, полевыми мышами и сусликами, разрывая норы послѣднихъ, чтобы добыть ихъ оттуда.

При недостаткѣ въ пищѣ медвѣди подходятъ и къ жилищамъ, стараясь забраться въ рыбные амбары, но

благодаря собакамъ эти попытки для нихъ обыкновенно плохо кончаются.

Станція Аркинская; домъ порядочный срубъ, хотя и малыхъ размѣровъ. Въ одной половинѣ живутъ хозяева, тамъ имѣется камелекъ; въ помѣщеніи же для проѣзжающихъ стоитъ небольшая желѣзная печь, отъ которой несетъ жаромъ и угаромъ, пока ее топишь, а затѣмъ помѣщеніе остываетъ быстро.

Въ Аркинскую мы пріѣхали къ 9 ч. вечера. Здѣсь состоялось совѣщаніе четырехъ родовыхъ старостъ относительно выставленія оленей на лѣтній трактъ. Согласились выставить чрезъ 7 дней 10 оленей къ Богородскому перевозу на Уракѣ и въ Юдомокрестовской, заявляя, что они поставятъ смѣну оленей б. м. еще на одномъ промежуточномъ пунктѣ. Условія, сравнительно, выгодныя: двойныя прогонныя деньги.

Въ Аркинской въ началѣ марта бываетъ тунгусская ярмарка, на которую доставляется большое количество всякихъ шкуръ; вмѣстѣ съ тѣмъ, тунгусы имѣютъ возможность здѣсь запастись казенной солью, порохомъ, дробью, и все это въ кредитъ на годъ, до слѣдующей ярмарки. На ярмарку эту съѣзжаются торговцы изъ Охотска и Якутска. Къ сожалѣнію значеніе ярмарокъ падаетъ, т. к. предпріимчивыя лица изъ русскихъ и еще болѣе изъ якутовъ отыскиваютъ заранѣе тунгусовъ по стойбищамъ и вымѣниваютъ цѣнныя шкурки на порохъ, свинецъ, табакъ, спички, на разныя бусы и побрякушки, до которыхъ тунгусскія женщины большія охотницы, а то и на спиртъ, который ухитряются за-

везти въ этотъ край несмотря на строжайшій запретъ и преслѣдованіе этого зла мѣстной администраціею.

Къ нашему пріѣзду въ Арку ярмарка уже была закончена, и всѣ разъѣхались. Такая же ярмарка существовала и въ Уягинскомъ стойбищѣ, но теперь, кажется, закрыта.

Изъ Аркинской мы выѣхали 15 марта въ 5,45 утра при ясной погодѣ и 25 градусахъ морозу. Послѣ 7 ч. утра на горизонтѣ показалось нѣсколько облачковъ, вѣстниковъ снѣга или непогоды.

Мы слѣдуемъ все время по долинѣ р. Охоты. Горы (массивъ ихъ состоитъ преимущественно изъ трахита прорѣзаннаго кварцемъ и гранитомъ) сопровождаютъ теченіе Охоты ниже Арки еще верстъ пять, а затѣмъ, по мѣрѣ приближенія нашего къ станціи Мѣтинской, уходятъ все болѣе въ даль.

Отъ Аркинской начиная растительность становится болѣе разнообразной. Кромѣ ранѣе встрѣчавшихся породъ, мы здѣсь находимъ осину, рябину, черемуху, жимолость, шиповникъ, можжевельникъ. Лиственица и тополь встрѣчаются крупныя. Мы съ Димитревичемъ высматриваемъ не найдется ли такихъ лиственицъ, изъ которыхъ можно бы вырѣзать 10 саженныя бревна, толщиною не менѣе 10 вершковъ (въ верхнемъ отрубѣ), но такихъ нигдѣ не находимъ. Есть такія, изъ которыхъ можно вырѣзать бревна 8 вершковъ толщины, но и эти не годятся: это сучковатыя деревья, выросшія въ болотистыхъ мѣстахъ и зараженныя гнилью. Бревна эти

необходимы для мачтовыхъ переходовъ телеграфа чрезъ Кухтуй и Охоту, если мы не найдемъ болѣе удобнаго мѣста перехода чрезъ эти рѣки, чѣмъ избранное экспедиціею, производившей въ минувшемъ году изысканія для постройки телеграфа.

Ближе къ Мѣтинской лѣсъ не только крупный, но и густой; дорога идетъ то по льду рѣки, то по многочисленнымъ островамъ, то по берегу. Русло р. Охоты необычайно широкое; во многихъ мѣстахъ рѣка уже прорвала ледъ: здѣсь она очень мелка. Вода кристаллической чистоты; каждый камешекъ на днѣ рѣки ясно виденъ.

Въ лѣсу, близъ дороги мы замѣтили тунгусскую юрту—урясу. Передъ урясой возилось нѣсколько мужчинъ и женщинъ, паслись олени, было развѣшено разное платье и бѣлье. Уряса строится временно изъ жердей и шестовъ установленныхъ конусообразно и покрытыхъ сверху оленьими шкурами. Внутри юрты кругомъ устроены изъ жердей нары покрытыя оленьими шкурами или тюфяками, набитыми оленьей шерстью. Посрединѣ юрты сдѣлано въ землѣ углубленіе для костра, дымъ котораго наполняетъ всю юрту и выходитъ наружу черезъ отверстіе въ самой вершинѣ юрты. Надъ костромъ навѣшено оленье мясо и рыба для копченія: то и другое, главная пища тунгусовъ. Хлѣба у нихъ, конечно, не встрѣчается, и большинство и понятія о немъ не имѣетъ.

Тунгусы смѣлы, ловки, подвижны. Тунгусъ, нашедшій слѣдъ медвѣдя, ходитъ за нимъ до тѣхъ поръ, пока не отыщетъ его, и поединокъ, обыкновенно, кончается плохо для медвѣдя, несмотря на чрезвычайно прими-

тивное вооруженіе тунгуса-охотника. Плохонькое ружьишко да ножъ составляютъ все его снаряженіе. Въ тайгѣ онъ— какъ дома и прекрасно оріентируется. Будь то днемъ или ночью тунгусъ опредѣляетъ направленіе безошибочно. Тунгусъ также привѣтливъ и гостепріименъ, безусловно честенъ. Одѣваются тунгусы частью еще въ свои національныя одежды изъ оленьихъ шкуръ сшиваемыхъ жилами, частью же носятъ уже ватные кафтаны, пиджаки и т. под. Женщины большей частью одѣваются по-русски, шьютъ себѣ сарафаны и платья изъ бумазеи и чернаго плиса и навѣшиваютъ на себя всякія украшенія: большія серги, разныя цѣпочки, бусы, дешевыя побрякушки, серебряныя монеты. Тунгусскія женщины опрятнѣе якутскихъ.

Тунгусы ростомъ (въ среднемъ) ниже русскихъ, худощавы, но жилисты, типъ преимущественно—монгольскій, но встрѣчаются отдѣльныя лица, которыхъ по типу можно бы смѣло причислить къ русскимъ. У тунгусовъ малыя ноги и короткія руки; волосы у нихъ жесткіе, прямые, черные, иногда черно-рыжіе.

Тунгусы православные и народъ довольно набожный. При станціи Кетанда у нихъ построена небольшая церковь. Утромъ молятся и крестятся передъ иконами, крестятся также, отправляясь въ путь.

Надо удивляться, какъ при неблагопріятныхъ условіяхъ въ отношеніи тепла и пищи у этаго народа выращиваются дѣти. Конечно, огромное количество послѣднихъ гибнетъ въ первые же дни и мѣсяцы своего существованія, но вымираніе тунгусовъ едва ли не въ большей степени зависитъ отъ проникающаго къ нимъ спир-

та и занесенныхъ дурныхъ болѣзней, чѣмъ отъ крайне неприглядныхъ тяжелыхъ условій ихъ быта. Достигли же они въ свое время большей численности при тѣхъ же или еще худшихъ условіяхъ.

Въ общемъ, тунгусы народъ очень симпатичный по своей услужливости и привѣтливости, которыя они умѣютъ проявлять, отнюдь не теряя своего достоинства. Никогда тунгусъ не пользуется стѣсненнымъ положеніемъ путешественника, чтобы содрать съ него за услугу въ три-дорога, какъ это нерѣдко случается у якутовъ, не знающихъ мѣры въ своей алчности.

Болѣе хитрый и болѣе лживый, якутъ эксплоатируетъ довѣрчиваго, простодушнаго тунгуса кругомъ; также онъ, впрочемъ, эксплоатируетъ и попавшаго къ нему въ кабалу сородича своего.

На станціи Мѣтинской мы прощаемся съ тунгусами или, вѣрнѣе, говоримъ имъ: «до свиданія на обратномъ пути».

Поселокъ Мѣтинскій состоитъ изъ 6 деревянныхъ домиковъ; обитатели, якуты занимаются рыбной ловлей.

Станція Мѣтинская содержится якутами, но совершенно не похожа на тѣ грязныя помѣщенія, какія мы встрѣчали на первой половинѣ своего пути. Чистенькій русскій домикъ, хотя и съ камелькомъ, но свѣтлый, съ приличной обстановкой. Мужчины и женщины въ домѣ одѣты чисто, сами опрятны. Несомнѣнно, это лучшая станція на всемъ трактѣ; здѣсь мы отдохнули душой и тѣломъ, согрѣлись, покушали, а между тѣмъ намъ подъ

нарты готовили собакъ. Мы съ Димитревичемъ еще ни разу не видѣли и не испытывали ѣзды на собакахъ и, естественно, чрезвычайно заинтересовались и самими собаками, и запряжкою ихъ, и способомъ управленія ими. У Мѣтинскаго почтосодержателя ихъ около сотни.

Собаки оказались различныхъ породъ, сильно смѣшанныхъ, преимущественно похожихъ на тунгусскія лайки, средняго роста, но съ довольно широкой грудью. Шерсть густая, мохнатая.

На каждую собаку надѣта упряжь, состоящая изъ широкаго ошейника и подпруги, соединенныхъ между собою боковыми ремнями, заканчивающимися петлею, прикрѣпляемой къ общей лямкѣ. Упряжь разукрашиваютъ металлическими кружками и шариками или нашивками изъ цвѣтной матеріи, смотря по средствамъ хозяина.

Къ одной лямкѣ привязываютъ обыкновенно, по двѣ въ рядъ, 12 собакъ, составляющихъ одну нераздѣльную свору. При запряжкѣ въ нарты каюръ помѣщаетъ болѣе лѣнивыхъ собакъ ближе къ себѣ, а наилучшихъ пускаетъ во главѣ своры.

Управленіе сворою состоитъ въ крикахъ тах—тахъ (направо), и Хуг‘ или Хуг‘э (налѣво) и въ задержкѣ нарты толстой длинной палкой съ желѣзнымъ или стальнымъ наконечникомъ. Если передовыя собаки не поняли окрика (принаровленнаго, какъ видно, къ двумъ наиболѣе различающимся видамъ собачьяго лая), то каюръ задерживаетъ нарту, упирая свою палку между полозьями въ снѣгъ или ледъ; благодаря тормазу движеніе затруднено, и переднія собаки оглядываются на каюра, улавливая по его взгляду то направленіе, куда имъ должно идти.

Собаки бѣгутъ, обыкновенно ,быстро и стройно, такъ что на раскатахъ каюру стоитъ немало усилій удерживать нарту въ равновѣсіи. Достигается это торможеніемъ нарты посредствомъ палки или направленіемъ ее руками, для чего каюру приходится бѣгать рядомъ съ нартою.

Въ болѣе тяжелыя нарты запрягается двойная свора, 24 собаки; тогда для управленія нартою необходимы 2 каюра, въ особенности при сытыхъ, сильныхъ собакахъ.

Лѣнивыхъ собакъ каюръ подгоняетъ окрикомъ, и если это не помогаетъ, то ударомъ палки, если онъ можетъ ею достать собаку съ нарты, или нагнать бѣгомъ; если же собака далеко впереди, то каюръ просто бросаетъ палкою въ нее и дѣлаетъ это настолько ловко, что всегда попадаетъ именно въ провинившуюся, а не въ другую собаку. Палку онъ затѣмъ подхватываетъ въ пути.

Любопытно наблюдать за иною лѣнивою собакою въ пути: она бѣжитъ все время впустую, не натягивая своего постромка; чувствуя свою вину, она знаетъ, что за лѣнь ей достанется и то-и-дѣло оглядывается на каюра, скоро ли онъ ее ударитъ, но хода всетаки не добавляетъ, пока она этаго удара не получитъ; тогда она бѣжитъ съ четверть часа хорошо и затѣмъ повторяется то же явленіе.

Кормятъ собакъ въ этой мѣстности исключительно рыбою. При громадномъ уловѣ рыбы въ р. Охотѣ и по Кухтую это кормъ чрезвычайно дешевый.

Рыба заготавливается въ прокъ различнымъ способомъ—соленіемъ, копченіемъ, высушиваніемъ. Для со-

бакъ идетъ юкола—это ободранный съ обѣихъ сторонъ остовъ рыбы съ остатками мяса—и аргызъ—всякая бракованная копченая или сушеная рыба,—а также приготовленная слѣдующимъ способомъ: свѣжепойманная рыба (кэта, горбуша, ленокъ и др.) почему-либо не заслуживающая первыхъ трехъ способовъ заготовки въ прокъ, сваливается въ яму, вырытую въ мерзлой землѣ, слегка солится, прикрывается сверху разнымъ лѣсомъ и сохраняется въ такомъ видѣ. При этихъ условіяхъ, рыба быстро тухнетъ и пріобрѣтаетъ непріятный запахъ, но собаки пожираютъ ее съ удовольствіемъ. При мнѣ собакъ кормили исключительно сушеной и копченой рыбой; ту и другую собаки заѣдали большимъ количествомъ снѣга.

Принято собакъ, отправляющихся въ путь рано утромъ, съ вечера аргызомъ не кормить, иначе онѣ въ первые полтора—два часа издаютъ такое зловоніе, что съ непривычки пассажиру можетъ сдѣлаться дурно, несмотря на обиліе свѣжаго, морознаго воздуха; особенно чувствительно отзывается такое кормленіе при ѣздѣ на двойной сворѣ изъ 24 собакъ.

Выѣздныя собаки все время находятся на привязи. Какъ только онѣ замѣчаютъ приготовленія къ выѣзду, ими овладѣваетъ большое оживленіе; пискъ, визгъ и вой ихъ наполняютъ воздухъ; собакамъ одной своры вторятъ остальныя, и если своръ много, какъ, напр., на ст. Мѣтинской, то можно себѣ представить, какая какофонія этимъ воемъ создается.

Собаки почти совсѣмъ не лаютъ; ихъ пискъ и визгъ часто напоминаютъ плачъ ребенка. Въ особен-

ности это замѣтно, когда собакъ насильно удерживаютъ отъ погони за домашнимъ оленемъ или случайно вспугнутымъ звѣркомъ.

Выѣздъ—это для своры не тягость, а удовольствіе; онъ даетъ возможность удовлетворить огромную потребность собакъ въ движеніи. При подготовленіяхъ къ отъѣзду въ визгѣ собакъ преобладаютъ звуки нетерпѣнія и радости.

Пока каюры возятся съ запряжкою, я стараюсь сдѣлать возможно больше снимковъ и пленокъ не жалѣю. Вращаюсь между собаками совершенно свободно, и ни одна изъ нихъ меня не тронула, хотя каюры предостерегаютъ, что между собаками есть злыя, что нужно быть осторожнымъ.

Послѣдній перегонъ; тепло; мы выѣзжаемъ въ 2 ч. дня. Дорога идетъ частью по льду рѣки, частью по островамъ и берегомъ. Замѣчательно красивое зрѣлище представляютъ на поворотахъ нарты запряженныя въ 24 собаки. Длинный рядъ ровно бѣгущихъ паръ съ боку чрезвычайно эффектенъ.

Двигаемся быстро. Дорога часто извивается между проталинами во льду. Растительность по берегамъ стала разнообразнѣе: вновь встрѣчаемъ ель, березу, рябину, осину, черемуху, красную смородину, жимолость, стелящійся можжевельникъ, но преобладаютъ ранѣе встрѣчавшіяся породы—лиственица, кедръ-сланецъ, тополь, талина и др. Гдѣ снѣгъ стаялъ или его снесло вѣтромъ, тамъ видна и ягодная зелень—голубица, брусника, княженика, морошка.

Горы ушли далеко въ сторону на сѣверъ и на югъ. Пространство между Охотою и Кухтуемъ низменное; лишь кое-гдѣ тянется коротенькая цѣпь небольшихъ холмовъ. Лѣсъ рѣдѣетъ. Вдали виденъ рядъ домиковъ, тянущійся по узенькой дюнѣ вдоль моря отъ лѣваго берега р. Охоты къ Кухтую. Тутъ живутъ немногочисленные мѣщане г. Охотска. Казачій городъ и портъ—дальше, за Кухтуемъ. Лѣтъ сто тому назадъ у обѣихъ рѣкъ, Кухтуя и Охоты, было общее устье и городъ стоялъ на правомъ его берегу, но затѣмъ р. Охота отодвинулась верстъ 5—6 на югъ, и теперь воды обѣихъ рѣкъ текутъ совершенно раздѣльно, если не считать ручейковъ (Хайбасъ и др.) протекающихъ изъ Охоты въ Кухтуй по раздѣляющей ихъ низинѣ. Городъ же перенесли на лѣвый берегъ р. Кухтуй. Отъ этого онъ потерялъ прежде всего проточную прѣсную воду. Теченіе въ р. Кухтуѣ близъ устья очень тихое, русло ея у города заканчивается лиманомъ, въ которомъ прѣсная вода Кухтуя смѣшивается во время приливовъ съ соленой водой Охотскаго моря. Лѣтомъ жители пользуются водою изъ одного общаго колодца, а зимою ѣздятъ за водою на р. Охоту за 3—4 версты отъ города.

Въ Охотѣ теченіе быстрое; прѣсная вода не смѣшивается съ морскою даже во время приливовъ.

Вторая, болѣе существенная потеря для города, происшедшая отъ уклоненія р. Охоты на югъ, это—значительное ухудшеніе порта. Отъ раздвоенія рѣкъ старое устье обмелѣло и сюда уже не могутъ заходить глубоко сидящія суда. Въ настоящее время заходящія въ «портъ» суда останавливаются въ 3—4 верстахъ отъ города, сообщаясь съ послѣднимъ катерами.

Портъ не замерзаетъ, но съ декабря по конецъ апрѣля, а иногда и дольше—до половины іюня вся бухта занята густой массой плавучаго льда.

Охотскъ основанъ казакомъ Шелковниковымъ въ 1645/6 году, т. е. лѣтъ на 6—7 раньше «столицы Сибири» Иркутска. Въ 17-мъ столѣтіи казакамъ не разъ приходилось отсиживаться въ Охотскомъ острогѣ, отбиваясь отъ полчищъ тунгусовъ и другихъ инородцевъ. Въ настоящее время Охотскъ—административный центръ огромнаго, по протяженію, округа. Входя до послѣдняго времени въ составъ Приморской области, округъ недавно перечисленъ во вновь образованную область Камчатскую. Казалось бы, что по географическому положенію и по экономическимъ условіямъ Охотскій округъ цѣлесообразнѣе перечислить въ Якутскую область, а взамѣнъ включить въ Камчатскую область отдаленный Колымскій округъ.

Въ самомъ дѣлѣ: Охотскъ и Аянъ являются для Якутской области естественными выходами къ Охотскому морю и обслуживаютъ почти исключительно нужды этой области. Охотскъ находится отъ Якутска всего въ тысячеверстномъ разстояніи, а отъ Петропавловска, административнаго центра Камчатской области, на разстояніи 3810 верстъ, считая по почтовому тракту, и 1558 верстъ, считая моремъ. Телеграфомъ теперь Охотскъ связанъ съ Якутскомъ и обмѣнъ корреспонденціи также указываетъ на тѣсную взаимную экономическую зависимость обоихъ городовъ. Охотское благочиніе уже входитъ въ составъ Якутской епархіи. Включеніе Охотскаго округа въ составъ Якутской области создало бы очередныя поѣздки должностныхъ лицъ изъ Якутска въ

Охотскъ и обратно, а это, въ свою очередь, повело бы къ улучшенію и исправленію нынѣ сильно запущеннаго, почти заброшеннаго тракта между обоими пунктами.

Средне-Колымскъ же, центръ Колымскаго края, находится отъ Якутска на разстояніи около 2300 верстъ, а отъ Гижиги всего въ 700 верстахъ (едва ли болѣе). Путь на Гижигу для Средне-Колымска—ближайшій выходъ на почтовый трактъ и къ морю. Гижига же вошла въ составъ Камчатской области.

Городъ Охотскъ состоитъ изъ небольшихъ домиковъ, числомъ около 45, расположенныхъ по 5 улицамъ различной длины, приблизительно параллельнымъ. Болѣе значительныя зданія церковь, школа (стоящая совершенно одиноко, безъ службъ, безъ ограды, безъ двора....) и уѣздное управленіе. Въ школѣ всего 3—4 ученика. Врача въ городѣ не было. Аптека имѣется небольшая, въ вѣдѣніи фельдшера. Мѣстное населеніе преимущественно казаки.

Городъ выстроенъ частью на галькѣ, частью на дресвѣ. Растительность отсутствуетъ. При двухъ, трехъ домахъ разбиты маленькіе садики, развиваемые съ большимъ трудомъ.

Жители города занимаются рыболовствомъ; это главный, почти единственный источникъ ихъ существованія. Остальные необходимые продукты доставляются пароходами изъ Владивостока и изъ Японіи.

Рыболовство чрезвычайно развито и сосредоточивается почти исключительно на время захода рыбы въ Кухтуй и Охоту для метанія икры. Въ Охоту заходятъ кета, горбуша, ленокъ, ніарка; въ Кухтуй, кромѣ пере-

численныхъ видовъ, еще—сельдь, корюшка, уекъ, камбала, быкъ, вьюнъ и др.—Въ обѣихъ рѣкахъ водятся постоянно: кунджа, майма, валекъ и харіусъ.

Во время хода на икрометаніе, рыба идетъ по обѣимъ рѣкамъ положительно стихійно, густою массою, которую весломъ не перешибить. Добывается во время лова огромное количество. Говорятъ, что японцы пріѣзжаютъ въ Охотскъ ежегодно на 20 и болѣе шкунахъ и увозятъ на каждой шкунѣ до 60,000 пудовъ рыбы. Много рыбы сдается также на почтовые пароходы, посѣщающіе Охотскъ четыре раза въ годъ. Копченые кетовые и ніарковые балыки достигаютъ въ большомъ количествѣ Якутска и даже Иркутска. Наиболѣе цѣнится сочный, жирный, красный балыкъ. Въ Охотскѣ его продаютъ по 20 коп. штуку, въ Якутскѣ коп. по 35—40; въ Иркутскѣ, конечно, еще дороже.

Благодаря обилію рыбы, много ея гибнетъ, и по отзывамъ, лицъ бывавшихъ въ Охотскѣ, лѣтомъ весь берегъ Охоты до Охотскаго моря усѣянъ разложившеюся рыбою. При быстромъ спадѣ воды часть рыбы остается въ заливахъ и при дальнѣйшей убыли сотнями всплываетъ на поверхность и затѣмъ разлагается.

Въ Охотскѣ нѣтъ ни гостиницъ, ни меблированныхъ комнатъ, ни даже комнаты для проѣзжающихъ при почтовой станціи или, такъ называемой, «земской квартиры». Тѣмъ не менѣе, благодаря содѣйствію Сивцева и Расторгуева, удалось найти помѣщеніе и мнѣ и Димитревичу. Голодать также не приходилось, благодаря радушному гостепріимству уѣзднаго начальника, В. Г. Осмоловскаго и его супруги.

Уѣздный начальникъ въ Охотскѣ, какъ единственный представитель власти, относитъ фукціи по различнымъ министерствамъ и вѣдомствамъ. Онъ и исправникъ, и казначей, и мировой судья, и нотаріусъ, и слѣдователь, и начальникъ порта, и податной инспекторъ и почтмейстеръ. Впрочемъ, послѣдняя обязанность надняхъ съ уѣзднаго начальника снимается за предстоящимъ открытіемъ въ Охотскѣ почтово-телеграфной конторы со своимъ спеціальнымъ штатомъ.

Простудившись въ пути и не рискуя, не оправившись отъ болѣзни, пуститься въ новый, болѣе трудный путь, мнѣ пришлось провести въ Охотскѣ 5 дней. Насколько могъ, я использовалъ это время для осмотра г. Охотска и его окрестностей и для выбора направленія телеграфной линіи, такъ какъ намѣченное прошлогодней экспедиціей направленіе меня совершенно не удовлетворяло, какъ по трудности сооруженія, такъ и по малой безопасности линіи отъ случайныхъ или умышленныхъ поврежденій.

Погода постепенно теплѣла. Въ 7 час. вечера 15 марта было 13° морозу, 16 марта—7°, 17 марта—5° R; 19 марта въ 1 часъ дня термометръ показывалъ уже +0,5° R.

Море открыто; только у берега толпится масса льдинъ; на одной изъ нихъ, шагахъ въ 300 отъ насъ, виднѣется выползшій на льдину тюлень. На горизонтѣ видно нѣсколько плавучихъ ледяныхъ горъ причудливой формы. День теплый, ясный. Солнце играетъ на льдинахъ и на далекихъ ледяныхъ горахъ. Вода прозрачна. Въ устьѣ Охоты кое-гдѣ ледъ прорвало и нагромоздило его горы. При переѣздѣ чрезъ рѣку приходится остерегаться многочисленныхъ иногда довольно широкихъ трещинъ во льду.

Всѣ разъѣзды въ окрестностяхъ Охотска совершали, конечно, на собакахъ; другихъ способовъ сообщенія здѣсь зимою не имѣется.

Зная, что тунгусы выѣхали и ждутъ насъ со своими оленями на Богородскомъ перевозѣ чрезъ Уракъ, для меня длительное пребываніе въ Охотскѣ становилось весьма тягостнымъ. Почуствовавъ 19 марта улучшеніе здоровья, я рѣшилъ выѣхать 20-го, въ полдень, и далъ знать объ этомъ товарищамъ по путешествію.

Изъ Охотска мы тронулись въ путь въ томъ же составѣ, какъ изъ Якутска. У Сивцева были свои дѣла, а Димитревичу я предложилъ поѣхать со мною до ст. Юрьевской, т. е. до устья рѣчки Этни (по-тунгусски) или Тунгусъ-Балаганахъ (какъ ее называютъ якуты), чтобы сличить между собою различныя направленія телеграфной линіи отъ Юрьевской до Охотска.

День былъ теплый, собаки неслись быстро впередъ; но по глубокому снѣгу скоро утомились. Тридцать пять верстъ отъ Охотска до юрты «Медвѣжья Голова» мы проѣхали только за $4^1/_2$ часа. Путь пролегалъ частью по льду р. Охоты, частью по берегу. Юрта «Медвѣжья Голова» грязная, соединенная съ хлѣвомъ лачуга. Воздухъ невозможный. Но до Богородскаго перевоза остается еще часовъ семь пути; засвѣтло намъ туда не добраться, а это единственное строеніе на пути. Ночевать въ нартѣ, въ лѣсу, подъ открытымъ небомъ еще не рѣшаюсь: утренники холодные, а у меня температура повышена, могу хуже простудиться. Волей-неволей остаемся ночевать въ юртѣ съ тѣмъ, чтобы выѣхать пораньше утромъ.

Вечеръ использовали, какъ могли. Димитревичъ успѣлъ осмотрѣть часть мѣстности, гдѣ предположено провести телеграфную линію; мнѣ въ тяжелой дорожной одеждѣ было трудно ходить по глубокому снѣгу, и я могъ только ограничиться общими указаніями, а затѣмъ былъ принужденъ свернуть на берегъ р. Охоты, гдѣ заинтересовался попадающимися въ рѣчной галькѣ небольшими кусками яшмы различныхъ цвѣтовъ.

Собранные мною камни навели разговоръ на минералы вообще, и по разспросамъ оказалось, что на одной изъ рѣчекъ, впадающихъ въ Уягу (притокъ Охоты) въ 10 верстахъ выше Уягинскаго стойбища, находятся «прозрачные, цвѣтные камни, какихъ въ другихъ мѣстахъ нигдѣ не встрѣчается». Отмѣчаю это свѣдѣніе, чтобы случайный путешественникъ или изслѣдователь могъ провѣрить, о какихъ камняхъ здѣсь идетъ рѣчь. Уягинскіе тунгусы, вѣроятно, укажутъ желающимъ это мѣсторожденіе точнѣе.

Вечеромъ у юрты происходило кормленіе собакъ сушеной рыбой. Лямка или бичевой ремень, къ которому прикрѣплены собаки, вытягивается во всю длину съ закрѣпленіемъ обоихъ концовъ къ деревьямъ или пнямъ. Благодаря этому, каждая пара собакъ настолько удалена отъ ближайшихъ сосѣднихъ паръ, что общей грызни изъ-за каждаго куска рыбы произойти не можетъ. Каюръ раздираетъ сушеную рыбу продольно пополамъ и бросаетъ оба куска одной парѣ. Собаки съ жадностью схватываютъ каждая по куску и пожираютъ его съ остервененіемъ, но настолько ловко, что костью не давятся. Если рыба мелкая, то кормленіе повторяется.

Лучшіе куски перепадаютъ, конечно, любимцамъ каюровъ. Зато собаки и слушаютъ обыкновенно только своего каюра и чужому повинуются очень плохо.

Свора на привязи стоитъ довольно долго, почему весь снѣгъ подъ нею обыкновенно загаженъ. Послѣ кормленія собакамъ подбрасываютъ свѣжій снѣгъ, которымъ они быстро утоляютъ свою жажду.

Темнѣетъ. Удаляемся въ юрту спать. Въ камелькѣ разведенъ сильный огонь, и въ юртѣ стало жарко, какъ въ банѣ. Меня утѣшаютъ тѣмъ, что огонь скоро погаснетъ, а тамъ тепла не надолго хватитъ. Дѣйствительно, ночью просыпаюсь отъ сильнаго холода, такъ какъ накрылся одни̇мъ лишь одѣяломъ, а за нѣсколько часовъ и огонь въ камелькѣ погасъ, и теплота вся ушла въ вѣчно открытую широкую трубу. Достаю свою доху, чтобы ею накрыться поверхъ одѣяла и смотрю и другіе дѣлаютъ то же, а Димитревичъ накрылся дохою даже поверхъ головы и храпитъ на всю юрту. Изъ якутокъ кто-то выползъ и старается раздуть огонь въ камелькѣ. Не дожидаясь результатовъ этихъ стараній, я вновь быстро засыпаю и пробуждаюсь только отъ возгласа «Ваше Превосходительство, нарты готовы, пожалуйте ѣхать!»

Это Расторгуевъ такъ рано поднялся. Живо схватываемся съ постелей, одѣваемся, проглатываемъ на скоро стаканъ чаю и выѣзжаемъ на разсвѣтѣ въ 4,30 утра.

При выѣздѣ температура все еще довольно низкая,—17°, но съ восходомъ солнца теплѣетъ; въ 7 ч. утра я отмѣчаю всего—7,8° Р.

Дорога—лѣсомъ, малоѣзженная; двигаемся со скоростью около 7 верстъ въ часъ. Замѣчается незначительный подъемъ. Кругомъ мѣстность ровная, изрѣдка пересѣченная рядомъ низенькихъ холмовъ. Лѣсъ преимущественно мелкій, растительность болотная. Мѣстами лѣсъ настолько густой, что моя широкая нарта съ трудомъ проходитъ между деревьями.

По пути мы видѣли цѣлый табунъ бѣлыхъ куропатокъ и Димитревичъ одну убилъ. Слѣдовъ ихъ на снѣгѣ чрезвычайно много, въ особенности около ерника, почками котораго они, вѣроятно, питаются.

Въ 8 час. утра переваливаемъ чрезъ водораздѣлъ бассейновъ Охоты и Урака. Лѣсъ здѣсь крупный и густой. Спускъ съ горы довольно крутой—каюры усиленно работаютъ своими палками и всячески тормозятъ мою нарту. Болѣе легкія узенькія нарты моихъ спутниковъ ловко проскальзываютъ между деревьями и далеко опережаютъ меня. Чрезъ полчаса мы на рѣкѣ Уракѣ у горы Аттануръ.

Къ рѣкѣ эта гора выходитъ небольшою скалою изъ темно-краснаго песчаника. На рѣкѣ наши каюры расположились чай пить, но вся процедура разложенія костра, кипяченія воды и чаепитія совершилась на этотъ разъ очень быстро. Въ 9 час. утра мы продолжали уже путь свой.

Стѣсненный здѣсь скалами, Уракъ менѣе ста саженъ ширины, но за этими щеками, выше по теченію, и русло и долина рѣки значительно шире.

Уракъ богатъ рыбою; ниже, близъ устья, широкая долина его покрыта густою травою; даже изъ Охотска почтосодержатель отправляетъ туда на зиму своихъ лошадей на подножный кормъ.

Путь по рѣкѣ пока довольно однообразный. Погода ясная, тепло. По берегамъ много тополя, талины, лиственницы; на горахъ, кромѣ лиственницы,—ползучій кедръ. Въ Охотскѣ меня пугали обширными, глубокими наледями по Ураку; пока мы ихъ еще не встрѣчали. Снѣгу вершковъ 5—6. Въ полдень достигаемъ Богородскаго перевоза. Есть изба-срубъ; въ 6 отверстій для окошекъ вставлены льдины вмѣсто стеколъ; имѣется камелекъ, но дымъ отъ него расходится, сначала по избѣ, а потомъ уже уносится въ трубу. Надъ дверьми въ избу кто-то сдѣлалъ надпись «Грандъ-Отель».

Здѣсь насъ ждутъ тунгусы съ 7 нартами и 14 оленями. Дорога далѣе еще не проложена. Чтобы было поменьше задержекъ въ пути, я отправляю двѣ пары оленей съ нартою и опытнымъ каюромъ впередъ прокладывать путь по снѣгу.

Завидя оленей, наши собаки подняли сильный визгъ и каюрамъ стоило немало усилій удержать своры и привязать ихъ, иначе собаки бросились бы на оленей и растерзали ихъ.

До Юрьевской Димитревичу пришлось продолжать путь на собакахъ, а мы съ Сивцевымъ и Расторгуевымъ слѣдовали на оленяхъ. Въ расчетѣ, что олени пойдутъ быстрѣе, почуя за собою собакъ, а послѣднія,

къ свою очередь, постараются нагнать оленей---мы поѣхали впередъ, а Димитревичъ слѣдовалъ за нами. Снова воздухъ огласился визгомъ и воемъ собакъ, стремившихся нагнать оленей; каюры то и дѣло прибѣгаютъ къ тормазу, чтобы удержать расходившуюся свору.

Вечеромъ мы добрались до устья Тунгусъ-Балаганахъ, одной изъ многочисленныхъ золотоносныхъ рѣчекъ края. Здѣсь рѣшено построить Юрьевское контрольное телеграфное отдѣленіе и почтовую станцію, когда послѣдняя будетъ разрѣшена. Остановились мы лагеремъ въ густомъ, лиственичномъ лѣсу, въ $1^1/_2$ вер. отъ устья рѣчки. Площадка здѣсь ровная, удобная для постройки зданія, но, въ виду удаленности отъ рыбной рѣки и отъ главнаго зимняго пути, который, несомнѣнно, будетъ пролегать по Ураку, я отдалъ предпочтеніе другой площадкѣ, въ ста саженяхъ отъ Урака, на, такъ называемой, сухой протокѣ, противъ горы Гребенчатой (Тарахъ-Кая): мѣсто высокое, поросшее нетолько лиственницею, но и березнякомъ , что указываетъ на болѣе плодородную почву. Поблизости имѣются острова, гдѣ по расчисткѣ можно образовать небольшіе луга или устроить выгонъ для скота.

Снѣгъ здѣсь глубокій, до трехъ четвертей, очевидно, вѣтромъ нагнало

Располагаемся на ночлегъ. День хотя былъ и теплый—вечеромъ все-таки сильно похолодѣло. Мы съ Сивцевымъ лѣземъ въ свои закрытыя нарты и плотно закрываемъ заметы. Димитревичъ и Расторгуевъ устраиваются на своихъ открытыхъ нартахъ, кутаются въ свои дохи

и накрываются съ головою. Тунгусы ямщики разстилаютъ по снѣгу оленьи шкуры и спятъ на нихъ около костровъ. Олени отпущены на кормежку съ привязанными къ шеѣ колодами.

Спалось въ нартѣ лучше, чѣмъ въ якутской юртѣ: воздухъ чище да и ночь была, сравнительно, теплая. Непріятно только, что отъ теплаго дыханія все прилегающее къ лицу сначала покрывается инеемъ, а затѣмъ намокаетъ.

Прощаемся съ Димитревичемъ подъ горою Тарахъхая; онъ отсюда возвращается въ Охотскъ для руководства просѣкою по прибытіи туда якутовъ-подрядчиковъ. Мы направляемся на западъ, избирая путь по Ураку, а не по лѣтней тропѣ, направляющейся вдоль р. Тунгусъ-Балаганахъ, переходящей, затѣмъ, въ долину Блудной Пади и по ней выходящей снова на Уракъ. На второмъ пути опасаемся глубокихъ снѣговъ, что можетъ задержать наше движеніе еще болѣе, чѣмъ частыя и обширныя наледи, которыми далѣе изобилуетъ Уракъ.

Погода ясная; быстро теплѣетъ. По пути встрѣчаемъ огромные наносы сваленнаго и снесеннаго рѣкою лѣса; наносы эти еще крупнѣе встрѣченныхъ ранѣе на притокахъ Юдомы, занимая часто площадь свыше десятины при высотѣ въ сажень и болѣе. Преимущественно наносъ состоитъ изъ гигантскихъ тополей, но много и лиственницы и тальниковъ.

Впереди насъ ѣдетъ ямщикъ верхомъ на оленѣ, везущемъ пустую нарту, прокладывая дорогу. Зоркій

тунгусъ вдругъ остановился и что-то крикнулъ остальнымъ ямщикамъ. Одинъ изъ послѣднихъ тотчасъ отправился съ ружьемъ въ сторону, въ прибрежные кусты и за ними сталъ пробираться осторожно впередъ. Оказалось, что замѣтили лисицу, а когда я туда направилъ свой бинокль, то ясно разсмотрѣлъ двѣ лисицы, изъ которыхъ одна копошилась въ снѣгу, а другая слѣдила за нами. Лисицы, насторожившись, замѣтили приближеніе охотника и бѣжали, не допустивъ его на выстрѣлъ. Когда мы подъѣхали къ мѣсту, гдѣ возились лисицы, то оказалось, что отъ убыли воды часть льда осѣла, образовалась огромная трещина и за нею застряло нѣсколько рыбы; ее то лисицы и добывали, какъ это видно было изъ множества лисьихъ слѣдовъ.

То и дѣло проѣзжаемъ мимо устьевъ рѣкъ и рѣчекъ впадающихъ справа и слѣва въ Уракъ. Разспрашивая тунгусовъ чрезъ Сивцева и Расторгуева, узнаю данныя, по которымъ оказывается возможнымъ набросать карту Урака и его притоковъ; между прочимъ и «Кетанды—Лонку».

Все чаще встрѣчаются огромныя наледи; цѣлыми часами приходится пробираться по скользкому льду, частью покрытому, частью непокрытому водою. Олени скользятъ и падаютъ, въ особенности одинъ олень, у котораго видимо вывихъ бедра; у него такой странный бѣгъ. Больно глядѣть на эту картину. Ямщики, чтобы удерживать оленей отъ паденія и заставить ихъ итти, сами бѣгаютъ впереди, тянутъ и поддерживаютъ оленей поводомъ, насколько это возможно.

Долина Урака довольно широкая. Сопровождающіе здѣсь его теченіе горные хребты незначительны. Берега

и острова покрыты густою зарослью, зато вершины горъ рѣдко имѣютъ замѣтную подъ снѣгомъ растительность

Снѣгъ около фута, до полуаршина глубиною; мѣстами его нагнало вѣтромъ. Уже здѣсь оказывается континентальная сухость климата и вліяніе значительныхъ морозовъ, при которыхъ этотъ снѣгъ выпадаетъ: почти на всемъ пути снѣгъ совершенно сухой, кома изъ него не сдѣлаешь, къ полозьямъ не пристаетъ. Зато на наледяхъ промокшій снѣгъ почти моментально примерзаетъ къ полозьямъ большими комами; послѣ прохожденія большой наледи каждый разъ приходится обивать нарты, въ особенности полозья, топоромъ.

Вечеръ наступилъ. Тунгусы заявляютъ, что пора остановиться, дать оленямъ отдыхъ, и что противъ близкаго устья р. Нурганды имѣются хорошіе оленьи корма. Мы тамъ и располагаемся на ночлегъ въ густомъ лѣсу, саженяхъ въ 30 отъ берега. Здѣсь мы защищены отъ вѣтра, раскладываемъ два костра, завариваемъ чай, разогрѣваемъ кое-какія закуски. Чай сносный, закупленные въ Охотскѣ американскія галеты также, а достоинство закусокъ въ значительной степени повышается изряднымъ аппетитомъ.

Устраиваемся все такъ же, какъ наканунѣ. Ночь холоднѣе предыдущей; въ 4,30 утра—21°. Смотрю, что за странное явленіе—всѣ олени подошли къ намъ и бродятъ около самого табора, тогда какъ они, обыкновенно, стремятся уйти отъ людей подальше. Ямщики всѣ еще спятъ. Ложусь и я снова. Встаемъ въ 6 ч. утра.

Разсказываю про необычное поведеніе оленей. Ямщики скоро выяснили причину: поблизости оказались слѣды бродившаго тутъ волка.

23 Марта. Утромъ солнце заволокло дымкою. Навстрѣчу намъ—холодный вѣтеръ.

Долина Урака суживается; все чаще горныя цѣпи подходятъ близко къ самому берегу. Растительность все та же. Движеніе по относительно глубокому снѣгу—вершковъ 8—оленей сильно утомляетъ. Мы выѣхали въ 6,30 утра, а къ 11 ч. утра олени уже настолько устали, что пришлось сдѣлать остановку часа на полтора. Нѣсколько оленей вмѣсто того, чтобы пастись, ложатся: признакъ сильной усталости. Вообще тунгусы вышли къ намъ съ сухими, слабосильными, изможденными уже оленями, тогда какъ прокладываніе дороги требовало, наоборотъ, сильныхъ, жирныхъ оленей.

Солнце весь день за дымкою; несмотря на это къ 3 ч. дня температура поднялась до $+3{,}5^{\circ}$ R.

Чѣмъ выше мы подымаемся по Ураку, тѣмъ извилистѣе долина его; онъ все болѣе уклоняется на С.-З. и только съ устья Училикана онъ своей вершиной уходитъ на Юго-Западъ и далѣе на Югъ.

Недалеко отъ устья Училикана тропа оставляетъ Уракъ влѣво и по притоку его, рѣчкѣ Подгорной, медленно поднимается на перевалъ въ долину Юдомы. Здѣсь крупные хребты подошли вплотную къ Ураку. Вершины большинства горъ лишены растительности и очерчены рѣзкими контурами. Нѣкоторыя горы бросаются

въ глаза своей правильно пирамидальной формой. Одна изъ нихъ расположена по Училикану немного выше его впаденія въ Уракъ.

По мѣрѣ приближенія нашего къ перевалу, горы постепенно остаются за нами, и лишь вдоль лѣваго берега рѣчки Подгорной тянется рядъ незначительныхъ возвышенностей.

Темнѣетъ. Перевалить засвѣтло нѣтъ надежды. Доѣзжаемъ до оленьихъ кормовъ и располагаемся на отдыхъ. Ночь теплая. Небо слегка заволокло. Какъ и въ предыдущіе дни, разбиваемъ таборъ въ густомъ лѣсу.

Ранній ночлегъ обязываетъ и къ раннему выѣзду. Встали около 4 ч. утра, тотчасъ же отправили впередъ передовыхъ оленей прокладывать дорогу въ снѣгу, а сами тронулись въ путь чрезъ полчаса.

Путь идетъ частью по льду рѣчки Подгорной, частью по лѣсу. И рѣчка и лѣтняя тропа завалены упавшими деревьями; мѣстами пробраться чрезвычайно трудно. То нарты застрѣваютъ между деревьями, то опрокидываются, то съѣзжаетъ съ нихъ кладь. Это одинъ изъ труднѣйшихъ участковъ пути и это только потому, что нельзя пользоваться заваленной тропою, такъ какъ до уборки наваленныхъ деревьевъ никому дѣла нѣтъ.

Наконецъ выѣзжаемъ на озеро, лежащее уже на перевалѣ и также носящее названіе Сискюэль, какъ озеро на томъ же Яблоновымъ хребтѣ на зимнемъ трактѣ (Юдомо-Кетандинскомъ перевалѣ). На льду озера мы увидѣли пять лосей, пересѣкавшихъ путь нашъ въ

200 саженяхъ отъ насъ. На одно мгновеніе они останавливаются и съ любопытствомъ смотрятъ въ нашу сторону, а затѣмъ быстро удаляются въ чащу. Одинъ лось былъ особенно крупныхъ размѣровъ.

Наши олени быстро устаютъ. Все чаще приходится замѣнять изнуренныхъ запасными и дѣлать кратковременныя остановки для отдыха. Кормовъ нѣтъ на значительномъ протяженіи: на огромномъ пространствѣ отъ лѣснаго пожара весь мохъ выгорѣлъ. Обгорѣвшія деревья въ большинствѣ засыхаютъ, такъ какъ корни у нихъ тоже сильно пострадали.

Перевалъ весьма пологій; горъ больше не видно;—мы ѣдемъ по кочковатой равнинѣ вплоть до рѣчки Крестовки. Юдома близко. Въ 8 верстахъ отъ нея лѣсъ не горѣлый, есть оленій кормъ. Считаемъ болѣе выгоднымъ здѣсь выбившимся изъ силъ оленямъ дать отдыхъ и воспользоваться остановкою для обѣда, чѣмъ плестись тихимъ шагомъ.

Воздухъ наполненъ легкимъ туманомъ; при этомъ тепло, всего 3 гр. мороза. Временами солнышко прорѣзываетъ туманъ и припекаетъ. Унылое впечатлѣніе производитъ отсутствіе жизни въ окружающемъ лѣсу; главное—отсутствіе пернатыхъ. Слѣды бѣлыхъ куропатокъ встрѣчаются мѣстами еще довольно часто, но самихъ птицъ что то не стало видно.

Характеръ растительности поразительно однообразный; въ долинахъ все тѣ же тополь, талина, а по Ураку и по Тунгусъ-Балаганахъ изрѣдка и береза; на рав-

нинахъ и въ горахъ—лиственица и ползучій кедръ; изъ кустовыхъ—ерникъ и талина. Ели отъ Медвѣжьей Головы начиная на всемъ обратномъ пути не встрѣчалось.

Дальнѣйшій путь къ Юдомѣ пролегаетъ также по довольно однообразной мѣстности; рѣдкій горѣлый лѣсъ смѣняется кочками; изрѣдка лѣсъ погуще, но размѣры деревьевъ незначительны: самыя крупныя лиственицы на высотѣ одного аршина отъ земли имѣютъ здѣсь не болѣе 6 вершковъ толщины.

Равнинный характеръ мѣстности сохраняется вплоть до р. Юдомы. Только съ приближеніемъ къ ней на горизонтѣ вновь выступаютъ горные хребты, расположенные за рѣкою.

И мы и ямщики наши тунгусы были въ тревогѣ: застанемъ ли на Юдомѣ заказанныхъ оленей или намъ придется тащиться на нашихъ измученныхъ животныхъ до Капитанской засѣки. Пути осталось туда верстъ 100, но на нашихъ оленяхъ болѣе 20 верстъ въ день не пройти, даже при двухъ, трехъ передышкахъ.

Мой ямщикъ радостно указываетъ на оленій слѣдъ въ снѣгу—«олень ходилъ», и настроеніе сразу повышается. Я спрашиваю ямщика—можетъ быть это былъ дикій олень? Но, оказывается, тунгусы отлично распознаютъ по слѣдамъ, проходили ли домашніе олени или дикіе. Дикій олень часто останавливается и прислушивается, нѣтъ ли гдѣ опасности; это придаетъ его слѣдамъ особый характеръ, котораго слѣды домашнихъ оленей не имѣютъ.

Немного погодя, мы увидѣли и пасущихся въ лѣсу оленей. Какъ мы имъ были рады! Вѣдь послѣдніе 8 верстъ мы были въ пути три часа. Пріѣхали въ Юдомокрестовскую въ 3,30 дня.

Станціонная изба въ Юдомокрестовской сложена изъ солиднаго лѣса, довольно аккуратно пригнаннаго, но сложеннаго безъ мха и безъ конопатки, поэтому масса щелей въ стѣнахъ и около оконъ. Труба въ камелькѣ испорчена, благодаря чему уже загоралась крыша зданія. Станція стоитъ на лѣвомъ, высокомъ берегу Юдомы; правый берегъ низменный. Ширина рѣки здѣсь незначительна, не болѣе 150 саженъ. Во время усиленнаго таянія снѣговъ или выпаденія большихъ дождей вода быстро прибываетъ, и рѣка разливаетъ здѣсь на нѣсколько верстъ ширины. Вода въ Юдомѣ бѣлая отъ большого количества размываемой глины.

Лѣтомъ здѣсь—перевозъ чрезъ рѣку, для чего нѣтъ ни общественной, ни казенной лодки, а пользуются лодкою моего попутчика И. Г. Сивцева.

Около станціонной избы стоитъ нѣсколько крестовъ съ надписью, кѣмъ они поставлены. Вообще, это излюбленный способъ проѣзжающихъ въ краю оставить память о своемъ путешествіи. «Дѣти подрастутъ, будутъ также здѣсь проѣзжать, увидятъ крестъ и надпись и вспомнятъ отца своего». Такъ разсуждаютъ они. Иные, въ особенности якуты, обтесываютъ высокій пень, вырубаютъ ему головку, дѣлаютъ засѣку для коновязи и также вырѣзываютъ на немъ свое имя и фамилію.

Говорятъ, что когда-то близъ станціи существовалъ казачій поселокъ, обслуживавшій почтовую гоньбу, были и огороды; отъ всего этого въ настоящее время и слѣдовъ не осталось.

Встрѣтилъ меня на ст. Юдомокрестовской тунгускій князекъ или староста Портнягинъ, содержащій зимнюю Юдомскую станцію.

Онъ сюда пріѣхалъ не по Юдомѣ, кратчайшимъ путемъ, а чрезъ Капитанскую засѣку (т. е. станцію Хаянжинскую). Ждетъ насъ третій день. «Тѣмъ лучше», думаю, «и олени отдохнули, и дорога проложена; поѣдемъ отсюда быстрѣе». Портнягинъ послалъ ловить оленей, мы съ Сивцовымъ и Расторгуевымъ расположились чай пить, разсчитали приведшихъ насъ ямщиковъ и наградили за труды и лишенія, какіе они перенесли въ пути.

Для постройки зданія контрольнаго телеграфнаго отдѣленія одинаково удобны площадка, на которой построена лѣтняя станція и другая, немного выше по рѣкѣ, за Крестовкою, гдѣ находится старый амбаръ, куда складывались чаи въ недавніе годы, когда были попытки направить грузовое движеніе отъ берега Охотскаго моря въ Якутскую область чрезъ Юдомокрестовское со сплавомъ грузовъ по Юдомѣ, Маѣ, и Алдану. Для улучшенія судоходства по Юдомѣ было взорвано нѣсколько небольшихъ пороговъ, но осталось еще поработать въ этомъ направленіи, чтобы воспользоваться этимъ, дѣйствительно весьма удобнымъ путемъ.

Есть полнѣйшая возможность при зимнемъ движеніи отъ Охотска до Юдомокрестовской избѣгнуть какихъ бы ни было крутыхъ подъемовъ или спусковъ, которыхъ и такъ почти не встрѣчается. Разстояніе также небольшое, примѣрно 230 верстъ. Снѣгу для удобнаго движенія здѣсь обыкновенно бываетъ болѣе, чѣмъ достаточно. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе крайней инертности населенія, даже при полномъ безснѣжіи по зимнему тракту ни почты, ни пассажировъ, ни даже грузовъ не направляется по лѣтнему тракту, хотя бы здѣсь зимній путь былъ вполнѣ обезпеченъ. Всѣ страшатся «прокладывать дорогу». Да и по зимнему тракту открытіе пути и направленіе его предоставляется случаю. Часто путь имѣетъ крайне неправильное, нераціональное направленіе только потому, что первымъ въ данной мѣстности проѣхалъ незнакомый съ нею или плохо справлявшійся съ оленями неопытный ямщикъ. Всѣ вслѣдъ за нимъ проѣзжающіе рабски слѣдуютъ проложенному пути и кружатъ безъ всякой надобности столько же, сколько пришлось это дѣлать открывшему путь ямщику.

Въ случаѣ продолжительнаго безснѣжія на зимнемъ трактѣ грузы или не отправляются вовсе или же, вмѣстѣ съ почтою и пассажирами, тянутся, съ неимовѣрными мученіями для людей и для оленей, по голымъ камнямъ по валежнику, по скользкому для оленей голому льду, выбиваются изъ силъ и застреваютъ надолго въ какой-нибудь особенно трудно проходимой мѣстности, выжидая выпаденіе снѣга, подчасъ, недѣлями.

Движеніе упорядочится только съ упраздненіемъ зимняго тракта и перенесеніемъ движенія на одинъ постоянный, нынѣ лѣтній трактъ, вдоль телеграфной линіи,

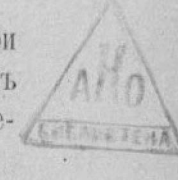
съ открытіемъ на этомъ трактѣ нѣсколькихъ добавочныхъ станцій.

Подъ постройку зданія для контрольнаго телеграфнаго отдѣленія избрано мѣсто около амбара, т. к. подходъ телеграфной линіи съ обѣихъ сторонъ сюда удобнѣе.

Въ 6 ч. вечера отправились дальше. Выѣзжаемъ на рѣку, минуемъ близкое устье Крестовки, затѣмъ ѣдемъ берегомъ по ровной, низменной мѣстности. Въ 18 верстахъ отъ Юдомокрестовской останавливаемся на ночлегъ, т. к., по заявленію тунгусовъ, дальше мохъ весь выгорѣлъ. Незамѣтно мы перевалили въ долину Окачана или, какъ тунгусы ее называютъ, Капитанской рѣки. Одиночныя, некрутыя горы выступаютъ на правомъ ея берегу. Долина широкая; лѣсъ посредственный, часто встрѣчается береза. Почва наносная—песокъ и илистая глина.

Благовѣщеніе, 4 часа утра. Небо заволокло, порошитъ снѣжокъ; морозецъ легкій, всего—11,5°R. На рѣкѣ встрѣчаемъ наледи во всю ширину ея, приходится часто сворачивать на берегъ, а низменные берега Окачана здѣсь настолько густо поросли тальникомъ, что часто трудно между ними проѣхать. Вѣтви все время хлещутъ по лицу, и его приходится защищать руками.

Вскорѣ передъ нами открывается обширная, кочковатая равнина; это мѣстность, носящая названіе «Кресты». Проѣзжающими здѣсь поставлено два креста, одинъ въ 1842, другой въ 1907 году. По отзывамъ Расторгуева, Сивцева и тунгусовъ, здѣсь обычно лѣтомъ прекрасный

кормъ для скота и лошадей. Въ минувшемъ году при лѣсномъ пожарѣ выжгло и здѣсь всю траву; торчатъ изъ снѣга однѣ лишь обугленныя кочки, производя безотрадное впечатлѣніе.

Часть этой равнины занята прекраснымъ строевымъ лѣсомъ; общая ея площадь примѣрно четыре квадратныхъ версты, т. е. болѣе 80 десятинъ. Почва—черноземъ, песокъ и суглинокъ Мѣстность пересѣкается небольшой рѣчкою, впадающей въ р. Окачанъ. Почва оттаиваетъ отъ 5 до 8 четвертей.

Въ этой мѣстности могъ бы образоваться небольшой скотоводческій поселокъ.

Отсюда путь идетъ по лѣвому берегу Окачана до устья рѣчки Такинджа (рыбная) по рѣдкому лиственичному лѣсу съ глинистой почвой и по кочковатымъ болотцамъ. Оленій мохъ встрѣчается повсюду въ большомъ количествѣ. Рѣчка Такинджа въ лѣтнее время пересыхаетъ.

Начиная отъ Такинджи, встрѣчается цѣлый рядъ горныхъ озеръ, изъ которыхъ самое большое версты двѣ длиною при ширинѣ въ четверть версты. По отзывамъ тунгусовъ и проѣзжающихъ, эти озера совершенно безрыбныя.

Верстахъ въ 50 отъ Юдомокрестовской проѣзжаемъ мимо устья р. Лонку. Русло этой рѣки занимаетъ близъ устья около 500 саженъ ширины, но наполняется водою только во время сильнаго таянія снѣговъ или при проливныхъ дождяхъ; въ остальное время рѣка разбивается

на многочисленные мелководные протоки. Зимою русло рѣки до 10 верстъ вверхъ отъ устья заполняется льдомъ нарастающемъ мѣстами до четырехъ саженъ толщиною при ширинѣ въ 380 саженъ. За лѣто только часть льда успѣваетъ растаять, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остается вѣчный ледъ толщиною до одной сажени.

Направляемся дальше по льду Окачана. Пока долина еще довольно широка, только мѣстами горы приближаются къ рѣкѣ и то не болѣе полверсты. Въ семи верстахъ выше устья Лонку въ мѣстности Кенгчай, или у русскихъ Кенча, имѣется поварня въ родѣ той, какую мы встрѣтили у Богородскаго перевоза чрезъ Уракъ. Мѣстность считается удобной для устройства почтовой станціи, и послѣднюю здѣсь предполагается открыть по переводѣ зимняго движенія на Юдомокрестовскую и Уракъ.

Далѣе насъ сопровождаетъ на нѣсколько верстъ ровная, обгорѣвшая мѣстность, затѣмъ мелкій лѣсъ на тундристой почвѣ.

Долина рѣки начинаетъ замѣтно суживаться. Сопровождающія ее съ обѣихъ сторонъ горы, это преимущественно гольцы, покрытые скудной растительностью—кедровникомъ и изрѣдка мелкой лиственицей—лишь въ нижней части и въ размытыхъ складкахъ своихъ.

Чѣмъ ближе къ устью р. Уотюряхъ, тѣмъ большую площадь занимаютъ наледи. Прорвавшаяся чрезъ ледъ вода залила огромныя пространства и благодаря слабымъ морозамъ замерзнуть не успѣла. Мѣстами вода проточила ледъ и образовались довольно широкія проталины, гдѣ вода течетъ открыто. Вода прозрачна, какъ хрусталь.

Благодаря наледямъ, приходится часто выбираться на берегъ, при чемъ не обходится безъ казусовъ. Подъемы и спуски крутые, нарты опрокидываются, багажъ летитъ кубаремъ внизъ. Сивцева два раза вывернули.

Олени наши устаютъ. Обозъ отсталъ далеко позади. Останавливаемся, поджидаемъ его. Пользуюсь случаемъ, чтобы собрать нѣсколько камней, характеризующихъ породы, встрѣчающіяся по Окачану. Преобладаютъ темно-бурыхъ и темно-зеленыхъ оттѣнковъ трахиты, частью прорѣзанные кварцемъ.

Выше устья Уотюряха Окачанъ или, вѣрнѣе, р. Капитанскую окружаетъ цѣлый рядъ пирамидальныхъ гольцовъ блестящей поверхности. Точно огромныхъ размѣровъ отшлифованные монолиты здѣсь разставлены невѣдомой рукою. Цвѣтъ ихъ темнозеленый, почти черный.

На темной гладкой массѣ ярко обрисовывались залегшимъ снѣгомъ даже самыя незначительныя извилины, что дѣлало картину чрезвычайно эффектной. Къ сожалѣнію, было уже недостаточно свѣтло для запечатлѣнія этой картины на фотографической пластинкѣ.

Часть оленей выбилось изъ силъ. Чтобы добраться сегодня же до Капитанской засѣки, мы раздѣляемся на двѣ партіи. Мы съ Сивцевымъ и Расторгуевымъ беремъ лучшихъ оленей для своихъ нартъ, а остальныхъ отпускаютъ на отдыхъ и пастьбу. Нужно было видѣть то возмущеніе, какое выражалось одной изъ паръ задержанныхъ оленей. Ихъ физіономіи просто говорили. Они обернулись къ намъ лицомъ, глядятъ то вслѣдъ удаляющимся оленямъ, то на насъ. Ноздри широко раздуты, глаза

мечутъ молніи. Оба оленя рвутся вслѣдъ уходящимъ. Ихъ выводятъ на проторенный слѣдъ, два каюра тащатъ ихъ за собою, но при первой возможности, несмотря на побои, они опять поворачиваютъ назадъ и стремятся къ отставшимъ товарищамъ. Это повторяется нѣсколько разъ, прежде чѣмъ удается смирить этихъ упрямцевъ.

Близъ станціи Капитанской (Хаянжинской) минуемъ вѣчно льдами покрытую падь и въ половинѣ третьяго ночи добираемся до самой станціи.

Каково станціонное зданіе, я описалъ уже выше. Ночевать мы предпочли въ своихъ нартахъ, но собачій лай и говоръ тунгусовъ въ сосѣдней урасѣ и вокругъ нея не давали возможности уснуть. Сравнительно скоро подошелъ обозъ; это дало поводъ подняться и распорядиться подачею оленей.

Обратное движеніе отсюда до Якутска мы совершали по прослѣженному сюда пути. Почти безъ перерыва сталъ порошить снѣжокъ при восточномъ вѣтрѣ; это обѣщало улучшить путь, покрыть снѣгомъ и наледи, гальку, щебень и валежникъ, движеніе по которымъ въ передній путь насъ такъ часто утомляло.

До Анчи снѣгу было еще мало, но зато насъ повезли на сильныхъ, откормленныхъ оленяхъ. Дальше снѣгу выпало больше, дорога лучше, зато олени слабѣе, заморенные.

Мы были несказанно рады, когда къ свѣтлой заутренѣ добрались до Чернолѣсской, гдѣ оленная гоньба смѣнилась конной до самаго Якутска. Выпавшій снѣгъ силь-

но измѣнилъ видъ нѣкоторыхъ явленій и пейзажей, снимки съ которыхъ я въ передній путь не могъ произвести, благодаря разнымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ. Интересныя вздутія и прорывы льда отъ напора воды обратились въ снѣжные курганы; всѣ неровности пути по ущелью Акары покрылись толстой снѣжной пеленой и т. под. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые снимки даютъ довольно удачные въ этомъ отношеніи результаты.

Въ Чернолѣсской мы встрѣтили якутовъ, идущихъ на рубку просѣки и заготовку столбовъ; часть ихъ направлялась въ Юдомокрестовскую, часть въ Охотскъ. Сюда же была для нихъ доставлена провизія, для лошадей—сѣно. И. Г. Сивцевъ, организовавшій въ пути перевозку рабочихъ и провіанта, остался для руководства этимъ дѣломъ въ Чернолѣсской; дальше продолжали путь только мы съ Расторгуевымъ.

За Алданомъ мы встрѣтили въ разныхъ мѣстахъ производившихъ еще рубку просѣки механиковъ телеграфа. Несмотря на безпрерывное пребываніе на морозѣ, на вѣтру, при слякоти и въ пургу, на ночевки въ холодной палаткѣ, всѣ они чувствовали себя отлично и бодро, съ увлеченіемъ говорили о предстоящихъ трудахъ. Одному предстояло опредѣлить направленіе телеграфной линіи и вести просѣку отъ Алдана до Аллахъюна, другому отъ Аллахъюна до Юдомокрестовской и третьему отъ Юдомокрестовской къ Охотску навстрѣчу механику Димитревичу.

Для иллюстраціи, какія затрудненія и невзгоды этимъ строителямъ телеграфа пришлось испытывать при испол-

неніи ихъ трудной задачи, я позволяю себѣ привести выдержки изъ писемъ, которыя я получалъ отъ нихъ.

Предпошлю этому замѣчаніе, что послѣ моего проѣзда на восточной части тракта выпали обильные снѣга, проложенная при проѣздѣ нашемъ по лѣтнему пути дорога свелась на нѣтъ, и что строители терпѣли тѣ же лишенія, что и рабочіе.

Строитель Дудкинъ пишетъ: «12 апрѣля я прибылъ на станцію Капитанская засѣка. Дороги къ Юдомокрестовской не было никакой, снѣгъ въ одну сажень глубины. Почтосодержатель станціи категорически отказался везти меня въ Юдому, и мнѣ пришлось нанять одного тунгуса отвезти меня по зимнему тракту на 15 верстъ въ сторону, гдѣ кочевалъ богатый тунгусъ Громовъ; этого тунгуса я уговорилъ везти меня по лѣтнему тракту до Юдомы за 50 руб., но съ тѣмъ, чтобы я мѣстами въ пути помогалъ ему дѣлать дорогу—итти на лыжахъ. Изъ Капитанской я выѣхалъ въ Юдому 14 апрѣля и на 15 верстѣ догналъ возчиковъ Сивцева доставляющихъ въ Юдому провизію для рабочихъ просѣки; возчики эти мнѣ заявили, что далѣе слѣдовать они не могутъ въ виду глубокаго снѣга, олени не въ состояніи доставать корма, совершенно обезсилились и скоро будутъ пропадать.—Я не обратилъ вниманія на ихъ заявленія, а отправился на лыжахъ самъ впередъ съ тунгусомъ, а за нами слѣдовали и олени. Такимъ путемъ добрались до Юдомы 22 апрѣля». (Мною этотъ путь былъ совершенъ въ полтора дня!).

«Въ Юдомѣ 22 апрѣля выпалъ еще снѣгъ въ 1 аршинъ, и всѣ тунгусы отправились внизъ по Юдомѣ, что-

бы найти мелкій снѣгъ и прокормить оленей.... 26 апрѣля въ 15 верстахъ отъ Юдомы насъ застала такая вьюга, что въ пяти саженяхъ не видно было днемъ человѣка; не имѣя теплой постели, мы здѣсь ночью чуть не погибли въ снѣгахъ.... Провіантъ и вещи рабочихъ передвигались на салазкахъ въ родѣ нартъ.... съ 16 мая рабочіе уже были положительно не въ силахъ производить движеніе на себѣ.... въ силу необходимости засѣли на 41 верстѣ у р. Уракъ. .... Отъ ежедневной ходьбы на лыжахъ (болѣе мѣсяца) я до того намозолилъ ноги, что образовались раны, которыя съ трудомъ залечилъ своими медикаментами; съ 6 апрѣля по 18 мая приходилось всѣ ночи спать въ снѣгахъ, благодаря чему простылъ ужасно, получилъ сильный ревматизмъ и тяжелый кашель съ кровью...."

Строители всѣ были снабжены палатками, кошмами и небольшими желѣзными печками, но все это не вездѣ могли брать съ собою вслѣдствіе трудности въ передвиженіи.

Строитель Фоминъ пишетъ: „Разбивку линіи и просѣки закончилъ лишь 8 іюня. Причиною послужили глубокій снѣгъ отъ Мусъ-кюэля до ст. Капитанской, достигавшій мѣстами пять четвертей и затруднявшій къ тому же движеніе и рубку просѣки своею отвердѣлостью; непостоянство мѣстной погоды—съ 10 по 25 мая шелъ снѣгъ съ утра до полдня ежедневно; когда сошелъ зимній снѣгъ, приходилось бродить съ утра до вечера по колѣно въ водѣ; безпечность подрядчиковъ по снабженію рабочей артели провизіей и лошадьми; до 9 іюня рабочіе все время доставляли столбы къ мѣстамъ устано-

вокъ на рукахъ, а также въ ручную передвигали муку и свою одежду съ одного табора на другой; съ выполненіемъ тяжелыхъ работъ былъ сопряженъ сильный голодъ, томившій рабочихъ недѣлями... мнѣ иногда удавалось у проживающаго около Анчи якута Шамаева вымаливать или оленей или корову на мясо, платя за это баснословную цѣну. Терпя во всемъ нужду, томимые голодомъ и холодомъ, рабочіе все еще выказывали удивительвую, по сравненію съ ихъ питаніемъ, энергію къ работамъ; къ 17 мая намъ удалось дотянуться до ст. Капитанской, гдѣ рабочіе стали настоятельно требовать отъ улуснаго довѣреннаго провіантъ. Но и въ глуши Провидѣніе помогаетъ труженику: 18 мая совершенно неожиданно прибыли 2 лошади и 8 пудовъ масла, посланные изъ Аллахъюна провѣдавшимъ о нуждахъ артели подрядчикомъ по развозкѣ матеріаловъ Говоровымъ, не имѣвшимъ никакой связи съ дѣломъ рубки просѣки.

Получивъ масло, рабочіе продолжали рубку просѣки, надѣясь на скорое прибытіе провіанта, но увы! Это ожиданіе осталось тщетнымъ. Вновь томимые голодомъ рабочіе забастовали, дойдя до мѣстности Сытый-бытъ-амбаръ (старый амбаръ).

Во время ихъ голодовки и бездѣйствія я дошелъ до Кенчи; неподалеку отъ Кенчи, благодаря счастливой случайности, нашли въ срубѣ мясо двухъ дикихъ оленей. Я распорядился послать это мясо голодающимъ, съ оставленіемъ нѣкоторой части для своей передней колонны. Съ этой провизіей рабочіе подвинулись до рѣчки Уотюряхъ, что въ 115 верстахъ отъ Аллахъ-юна."

Механикъ Димитревичъ пишетъ: „Съ 23 до 25 марта свирѣпствовала снѣжная буря, 26 съ утра снова

пошелъ снѣгъ, но я все-таки рискнулъ выѣхать на Медвѣжью Голову; добрался съ трудомъ; далѣе осмотрѣлъ выше Медвѣжьей въ $2^1/_2$ верстахъ мѣсто для перехода; оказалось однимъ изъ лучшихъ, видѣнныхъ нами.... Осмотрѣть подробно берега Хайбаса не удалось, въ виду наступившей метели; по собраннымъ свѣдѣніямъ, тундру минуемъ. Метель такова, что 10 верстъ ѣхалъ 9 часовъ и съ большимъ трудомъ добрался до заимокъ на Булгинѣ въ 12 ч. ночи, гдѣ переночевалъ и утромъ едва попали въ городъ. Пурга продолжалась до 5 апрѣля. Снѣгу набило такъ, что въ Охотскѣ видны только однѣ крыши; мѣстами надуло горы до 3 саженъ высотою, я ничего подобнаго не видалъ. Сейчасъ въ городѣ ѣздятъ по всѣмъ направленіямъ, частоколовъ не видно, прямо по оградамъ. Всю Пасху сидѣли какъ кроты, многихъ откапывали....“

Возвращаюсь къ своей поѣздкѣ.

Въ обратный путь пришлось испытывать послѣдствія неисправнаго содержанія почтовыхъ станцій по тракту въ значительно большей мѣрѣ, чѣмъ при поѣздкѣ въ Охотскъ. Гдѣ приходилось подолгу ожидать подачи лошадей, гдѣ лошадей подавали слабыхъ, изнуренныхъ. Повсюду грязь.

Собственно трудно и требовать много отъ той голытьбы, которая здѣсь отбываетъ почтовую и обывательскую гоньбу. Сами они не имѣютъ средствъ явиться на торги въ Якутскъ, въ Областное Управленіе и за отсутсвіемъ другихъ заработковъ вынуждены принимать исполненіе подряда за цѣну, какую назначитъ подрядчикъ; въ этомъ отношеніи мною обнаружевы любопыт-

ныя данныя. Подрядчики, болѣе состоятельные якуты, войдя въ азартъ, сбиваютъ цѣну за содержаніе станцій до чрезвычайно низкой суммы, а затѣмъ ухитряются при передачѣ подряда мѣстнымъ бѣднякамъ учесть свой куртажъ.

Такъ напр., Алданскую станцію взялъ съ торговъ Вонифатій Слѣпцовъ за 196 р. за двѣ пары; отбываетъ Н. Портнягинъ за 180 р.; Нохинскую взялъ Мих. Шоломовъ за 195 р. обганиваетъ Ив. Поповъ за 133 р.; Чачукійскую взялъ Фед. Ивановъ за 180 р., обганиваетъ фактически Ив. Новгородовъ за 140 р.—Чуранчинскую взялъ Сем. Иннокентьевъ за 79 р., гоньбу отправляетъ Фед. Борисовъ за 60 руб. въ годъ и т. д.

Фактическіе почтосодержатели съ кондиціями совершенно незнакомы и не знаютъ ни своихъ правъ, ни своихъ обязанностей, ни своей отвѣтственности за неисправности; тѣмъ болѣе, что за отсутствіемъ достаточнаго надзора виновные даже въ крупныхъ неисправностяхъ подвергаются штрафамъ чрезвычайно рѣдко. Съ открытіемъ же по тракту почтово-телеграфныхъ учрежденій надзоръ за станціями усилится, требованія повысятся и на почтосодержателей обрушатся установленные кондиціями штрафы. Страдательными лицами явятся, конечно, не номинальные, а фактическіе почтосодержатели, которымъ это грозитъ разореніемъ.

О всѣхъ неисправностяхъ по тракту съ перечисленіемъ мѣръ, какія, по моему мнѣнію, могутъ быть приняты къ ихъ устраненію, я подробно сообщилъ Якутскому Губернатору Д. Ст. Сов. Крафту. Послѣдній от-

несся къ этому вопросу съ живымъ интересомъ, и нѣкоторыя изъ проектированныхъ мѣръ уже осуществляются.

Вторая моя поѣздка въ Заалданскій край была лѣтомъ. Съ пароходомъ, везшимъ построечный матеріалъ на ст. Алданскую, къ Охотскому перевозу, я вмѣстѣ съ техническимъ персоналомъ и частью рабочихъ отправился 27 мая изъ Якутска и прибылъ къ мѣсту назначенія 3 іюня. Широко разлилъ Алданъ свои воды и мѣстами бурлилъ такъ, что, казалось, пароходъ не въ состояніи будетъ съ баржею преодолѣть теченіе, что придется часть груза взять на пароходъ и пойти безъ баржи на Алданскую. Медленно, но все-таки удалось пройти это трудное мѣсто. Приставали къ берегу нѣсколько разъ для погрузки дровъ. По берегамъ еще лежали льдины и нѣкоторыя даже весьма крупныя. Въ лѣсу цвѣли фіалки, земляника, горошекъ, незабудки и др.—Раздавалось громкое бу-бу-бу тетеревей, но попытки пробраться къ нимъ поближе были безуспѣшны. Мѣстами деревья обвиты хмелемъ. Кое-гдѣ слышенъ стукъ дятла. Въ травѣ встрѣчаемъ мелкихъ, сѣро-бурыхъ лягушекъ и ящерицъ. Къ сожалѣнію и пресмыкающихъ, и птицъ, и пауковъ здѣсь слишкомъ мало для борьбы съ гнусомъ; комары, трехъ видовъ оводы, а затѣмъ мошка преслѣдуютъ усиленно и человѣка, и оленя, и лошадей.

На Алданѣ мнѣ пришлось провести около мѣсяца съ разъѣздами на работы въ одну и другую сторону отъ рѣки пока не была закончена постройка телеграфной линіи отъ праваго берега р. Лены до Алдана и воздушный

переходъ телеграфа черезъ послѣдній. Благодаря половодью въ Алданѣ сильное теченіе его увлекало далеко внизъ стальной канатикъ, развернутый чрезъ рѣку; онъ сталъ задѣвать за огромные камни, которыми усѣяно дно рѣки и нѣсколько разъ обрывался, пока не удалось проложить его въ болѣе удобномъ мѣстѣ.

Постройка телеграфа отъ праваго берега Лены за Алданъ была закончена 29 іюня. По устройствѣ въ Алданѣ временнаго контрольнаго телеграфнаго отдѣленія и прибытіи туда всѣхъ освободившихся отъ работъ на западномъ участкѣ чиновъ я выѣхалъ на востокъ въ сопровожденіи студента—электротехника М. Пашкевича и переводчика, снова казака Расторгуева.

Изъ Алданской выѣхалъ 6 іюля утромъ. По дорогѣ масса лѣсовалу отъ лѣсного пожара, захватившаго площадь въ десятки или сотни тысячъ десятинъ. Недаромъ мы находились на Алданѣ почти цѣлый мѣсяцъ въ дыму и всего раза два-три видѣли солнце внѣ этого чада, чрезъ который оно обрисовывалось оранжевымъ бликомъ. Все время приходится прокладывать тропу между вывороченными съ корнями лѣсинами, по топкой золѣ. Мѣстами лѣсъ еще горитъ у самой тропы; огонь обдаетъ насъ жаромъ и дымомъ такъ сильно, что иной разъ почти задыхаешься. Лошади нервничаютъ, боятся итти въ пламя и ступить на горѣлую массу, чуя тлѣющій подъ нею огонь, и мы спускаемсясъ лошадей, идемъ впередъ, и каждый тянетъ свою лошадку за собою. Тутъ и тамъ раздается грохотъ падающихъ подгорѣвшихъ лѣсинъ. Паденіе одной часто увлекаетъ за собою къ паденію цѣлый рядъ другихъ, болѣе мелкихъ. Нѣкоторыя

деревья подгорѣли у самого основанія болѣе, чѣмъ на двѣ третьихъ, и паденіе ихъ можетъ послѣдовать каждую минуту; мимо такихъ деревьевъ проѣзжаешь съ нѣкоторою жутью—а ну, какъ оно хватитъ въ сторону тропы, да по комъ-нибудь изъ насъ!

Ѣдешь, ѣдешь по горѣлымъ мѣстамъ, дышешь продымленнымъ воздухомъ, не имѣешь никакого кругозора, ничто не ласкаетъ глазъ и не предвидишь даже, гдѣ, наконецъ, можно будетъ лошадей покормить. Въ концѣ-концовъ, выбираешься на топкую поляну: мохъ и кочки на льду, частью растаявшемъ благодаря жаркому лѣту или же лѣсному пожару.

Трава скудная, но мы и ей рады, разбиваемъ здѣсь свой таборъ и даемъ лошадямъ возможность отдохнуть и покормиться. Сами развели костеръ, сварили кипятокъ, побаловались чайкомъ. Вода была взята отъ талаго льда и отдавала болотомъ.

Частью приходилось проѣзжать вдоль телеграфной линіи по тропѣ, частью подъ самой линіей. Тропа идетъ частью подъ рядомъ небольшихъ холмовъ, переходитъ затѣмъ чрезъ рядъ кочковатыхъ равнинъ на берегъ протоки р. Бѣлой, уклоняется затѣмъ въ лѣсъ, подходитъ къ правому берегу Бѣлой и, частью по берегу, частью по островамъ, но больше всего подъ вновь построенной линіей, подъѣзжаемъ къ Атырджакскому перевозу чрезъ Бѣлую.

Лѣсъ, сваленный просѣкою, во многихъ мѣстахъ сгорѣлъ совершенно; обгорѣли и столбы новой линіи. Мѣстами, гдѣ пожаръ прошелъ до постройки, пришлось ставить обгорѣлые столбы.

Изъ перевозчичьей юрты къ намъ подъѣхалъ на вѣткѣ мальчуганъ, который показалъ намъ бродъ чрезъ рѣку. Добравшись до юрты, здѣсь и переночевали.

За Атырджакомъ горѣлаго лѣса мало.

Мы минуемъ утесъ «Кюрчугинесъ» на пятой верстѣ отъ Атырджака.

Русло р. Бѣлой мѣстами достигаетъ ширины въ версту и болѣе—такое пространство занимаютъ гальки и пески; самое же теченіе рѣки занимало ширину въ 40—50 саженъ, часто менѣе, но вода была на прибыли.

Мѣстами надъ рѣкою раздавались крики журавлей и чаекъ. Журавли держались поодаль, но чайки подлетали довольно близко.

По пути изъ-подъ ногъ нашихъ лошадей поднялся цѣлый выводокъ куропатокъ. Ружье свое я передалъ Пашкевичу, который сначала выводка не замѣтилъ, но затѣмъ успѣлъ убить одну куропатку; остальныя же въ это время разбѣжались и засѣли подъ кусты.

Довольно часто встрѣчаются луга съ довольно сочной травою; при надлежащемъ уходѣ они могли бы быть обращены въ хорошіе покосы.

Между столбами №№ 315—316 построенной уже телеграфной линіи находимъ у тропы старинный верстовой столбъ съ сохранившейся вырѣзанной надписью «До Охотска 680 верстъ».

Большой разгонъ по тракту сильно испортилъ тропу. Мохъ и торфъ напитались водою отъ таянія снѣговъ; лежащая подъ этимъ верхнимъ слоемъ глина и камень воды не пропускаютъ, только отъ значительнаго движенія глина мѣстами сильно размякла, и лошади часто вязнутъ, задѣвая копытами объ камни и объ густо сплетенныя корневища. Плохо достается коню, плохо и сѣдоку, т. к. конь все время по такимъ болотистымъ мѣстамъ не идетъ мѣрнымъ и увѣреннымъ шагомъ, а нервничаетъ: срывается, рвется скачками изъ топкихъ мѣстъ въ сторону, а тамъ мѣшаютъ проѣзду лѣсовалъ, густо сплетенные кусты, чаща или другія причины.

Почва одинакова мокра и въ долинахъ и на высокихъ горахъ, гдѣ только есть мохъ. Стоковъ нѣтъ, и мохъ, какъ губка, задерживаетъ всю влагу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы встрѣчали бѣлый мохъ въ полъ аршина вышины. Подъ такимъ мхомъ зачастую чрезвычайно тонкій, почти незамѣтный слой земли, весь захваченный корнями мха, а тамъ болѣе или менѣе толстый, почти никогда не растаивающій слой льда.

Сухой и хорошій путь только вдоль береговъ рѣкъ и рѣчекъ или на краю обрыва отвѣсныхъ горъ, гдѣ вода находитъ стокъ. Отличный проѣздъ также по многочисленнымъ песчанымъ отмелямъ и островамъ р. Бѣлой. Хуже всего путь горный, подъ телеграфной линіей, такъ какъ здѣсь провозились телеграфные матеріалы, а тропа приноровлена не къ почвѣ, а къ прямой линіи. Свернуть въ сторону нельзя, такъ какъ налѣво и направо все завалено срубленными при просѣкѣ деревьями, завалена и тутъ же вьющаяся сухая тропа, которую якуты не догадались очистить.

Часто путь пролегаетъ по голой рѣчной галькѣ; рядомъ бѣжитъ быстрая, шумная Бѣлая. Послѣ нѣсколькихъ бродовъ мы сбились съ пути и, слѣдуя многочисленнымъ тропинкамъ по островамъ рѣки, лишь въ двѣнадцатомъ часу ночи добрались до Чернолѣсской, но очутились на правомъ берегу рѣки, а не на лѣвомъ, гдѣ расположена почтовая станція, и гдѣ строится зданіе для контрольнаго телеграфнаго отдѣленія.

Мы переночевали въ одной изъ правобережныхъ юртъ, и только на слѣдующее утро мы съ Пашкевичемъ на «вѣткѣ» переѣхали на лѣвый берегъ для осмотра линіи и строющагося дома. Постройка линіи ушла уже верстъ 6 за Чернолѣсскую. Узнавъ это, мы поспѣшили отправиться обратно, въ виду прибыли воды, которая могла затруднить переправу лошадей и вещей нашихъ.

Бродъ находился верстахъ въ двухъ отъ Чернолѣсской, выше по рѣкѣ. На бродѣ лошадямъ пришлось итти почти бокомъ, держась противъ теченія. Вода хотя доходила лошадямъ только до живота, но теченіе было настолько сильно, что всѣмъ имъ стоило огромныхъ усилій удерживаться на ногахъ, тѣмъ болѣе при переступаніи по рѣчной галькѣ, по камнямъ. Оступись лошадь, и ее съ вьюкомъ и всадникомъ унесло бы теченіемъ съ неимовѣрной быстротою внизъ, до перваго прибоя, безъ всякой возможности остановиться. Были весьма опасные моменты, но, къ счастью, переѣздъ былъ совершенъ благополучно. Чрезъ полчаса эта переправа уже была невозможна: вода прибывала на глазахъ, видно было, какъ она постепенно заливаетъ болѣе высокія мѣста, какъ захватываетъ все болѣе широко пространство своего русла. Въ горахъ, очевидно, выпали большіе дожди.

Вскорѣ прибыли къ построечнымъ работамъ, включили телефонъ въ построенную часть линіи и обмѣнивались свѣдѣніями какъ съ Алданскимъ, такъ и съ Ярмонскимъ (на правомъ берегу р. Лены) контрольными телеграфными отдѣленіями, при чемъ телефонъ отлично работалъ на 400-верстномъ разстояніи.

Здѣсь же насъ нагнала Якутская почта, доставившая намъ письма и газеты.—На Алданѣ, а тѣмъ болѣе здѣсь, въ тайгѣ, полученіе почты было чрезвычайно важнымъ, радостнымъ событіемъ; оказалось много корреспонденціи не только намъ, но и техническому персоналу и нѣкоторымъ рабочимъ строительной колонны, на таборѣ которой мы остановились.

На работахъ мы провели сутки и тронулись дальше вмѣстѣ съ почтою. Первая часть пути пролегала по мѣстности, весьма пригодной для скотоводства и, б. м., для хлѣбопашества. Большіе луга съ хорошей травою, прекрасный строевой лѣсъ, лиственица, береза, изрѣдка ель, талина и тополь сопровождаютъ путь нашъ.

Затѣмъ спускаемся внизъ къ рѣкѣ и ѣдемъ по берегу или по островамъ; часто приходится ѣхать по галькѣ, что нашимъ неподкованнымъ лошадямъ особенно трудно. Быстро изнашиваются копыта, и страдаютъ раковины въ нихъ.

Примѣрно въ 18—20 верстахъ отъ Чернолѣсской мы покидаемъ долину р. Бѣлой и переходимъ въ болѣе узкую долину Чагдалы (сосновой рѣчки). Эта „болѣе узкая“ долина въ нижнемъ теченіи рѣки шириною все еще около версты.

Прекрасный сосновый лѣсъ встрѣчается на всемъ теченіи рѣки. Если не считать частыхъ переходовъ по галькѣ и иногда и по щебню, то путь довольно сносный.

Пройдя около 6 верстъ по Чагдалѣ, останавливаемся на обѣдъ и развьючиваемъ лошадей. Кормъ довольно хорошій; р. Чагдала разбивается на нѣсколько ручейковъ, чрезъ которые легко пробраться по камнямъ. Въ сосновой рощицѣ раскладываемъ костеръ и готовимъ пищу. Я дѣлаю нѣсколько снимковъ. Шедшій съ нами въ Аллахъюнскую колонну рабочій-перевязчикъ заявляетъ, что въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ насъ у камня стоитъ довольно крупный налимъ; я пытаюсь убить его изъ ружья, но только оглушилъ его, а рабочій тогда взялъ его на ножъ. Налимъ оказался вершковъ 8 длины.

Дальнѣйшій путь по долинѣ Чагдалы носитъ такой же характеръ, какъ и по нижнему теченію. Почва преимущественно довольно сухая, каменистая; сверху тонкій слой чернозема, глины, песку, щебня, дресвы, но глубже —рѣчная галька, крупный камень и утесъ.

Просѣка остается у насъ то влѣво, то вправо избирая преимущественно косогоры и соединяясь съ тропою лишь тамъ, гдѣ послѣдняя проходитъ по болѣе высокимъ, незатопляемымъ въ половодіе мѣстамъ.

Дальнѣйшія наши остановки приходится соразмѣрять уже не только съ мѣстами травянистыми, гдѣ лошади могутъ найти кормъ, но и съ перевалами передъ и за которыми конямъ нужно давать отдыхъ. Такихъ крупныхъ переваловъ между Чернолѣсской и Аллахъ-

юномъ по лѣтнему пути—три: Чагдалинскій, Нюниканскій и Сетте Дабанъ, о которомъ я писалъ уже выше. Изъ этихъ переваловъ самый длинный и самый крутой — Нюниканскій; самый легкій, самый близкій къ намъ —Чагдалинскій.

Мы проходимъ еще верстъ десять. Расторгуевъ и почтовый ямщикъ заявляютъ, что дальше, до перевала не будетъ травъ, и мы располагаемся на ночлегъ довольно рано. Распустили лошадей, а сами пошли бродить по берегу Чагдалы. Подъ одною изъ прибрежныхъ, невысокихъ скалъ глубина рѣчки достигаетъ болѣе сажени. Вода кажется изумрудной и прозрачна, какъ хрусталь. Видимъ, какъ по ней ходятъ небольшіе харіусы. Занялись рыбной ловлей на удочку, на сырое мясо. Удочку пришлось спустить низко, на $1^1/_2$ аршина глубины. Видно, какъ харіусы толпою окружаютъ приманку, уносимую теченіемъ, слѣдуютъ за нею, обнюхиваютъ ее и клюютъ или прочь отходятъ. Наловили харіусовъ порядочно; вмѣстѣ съ налимомъ сваренные они намъ дали довольно хорошую уху. Мясо харіусовъ очень вкусное.

На слѣдующее утро поднялись на перевалъ. Подъемъ довольно крутой, но тропа твердая изъ дресвы и щебня. На вершинѣ перевала растетъ одинъ лишь кедръ-сланецъ, но большая часть этой площади занята щебнемъ.

Породы встрѣчающіяся по Чагдалѣ, это главнымъ образомъ—сланцы: кремнистый, кремнисто-известковый, мѣстами глинистый; извѣстнякъ, мергель, песчаники-конгломераты.

Мы спускаемся въ долину Нѣмчихи, притока р. Чехоной, который течетъ за ближайшимъ отъ насъ хребтомъ; если бы перевалить прямо чрезъ хребетъ, мы бы сократили путь верстъ на 15, но хребетъ крутой, обсыпанный щебнемъ, растительность имѣется лишь въ складкахъ и мы не рѣшаемся терять время на чрезвычайно трудный подъемъ, опасаясь, что въ сторону Чехоноя можетъ не оказаться спуска, и что лошади обезсилятся, а кормовъ для нихъ близко нѣтъ; направляемся поэтому въ ту сторону, куда слѣдуетъ и тропа, и просѣка.

Въ долинѣ Нѣмчихи, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, имѣются хорошія пастбища; мы тамъ и дѣлаемъ свои остановки.

За переваломъ уже стала чувствоваться сырость и прохлада, а затѣмъ пошли и легкіе дожди. Ночи холодныя, еле возможно согрѣться. Встаешь утромъ, выйдешь изъ палатки—зубъ на зубъ не попадаетъ, а бѣлье и платье, и обувь—все отсырѣло за ночь.

По Нѣмчихѣ въ лѣсахъ очень много кедровокъ и соекъ. Между лиственицею попадается еще много елей, а изрѣдка и сосна.

Теченію Нѣмчихи тропа не слѣдуетъ до конца; чтобы сократить путь и тропа и просѣка въ десяти верстахъ отъ Чагдалинскаго перевала, переходитъ чрезъ здѣсь уже невысокій хребетъ въ долину Чехоноя, мчащаго свои быстрыя воды въ Алданъ.

Путь по перевалу мѣстами болотистый, но въ общемъ довольно сносный.

Верстъ 16 путь идетъ по Чехоною, который мы пересѣкаемъ въ бродъ много разъ. На Чехоноѣ, ниже и выше устья Нѣмчихи, сохранились огромныя ледяныя поля, и мѣстами стоитъ еще длинной полосою береговой ледъ. На значительномъ протяженіи тропа идетъ по гальке, затѣмъ по крупнымъ камнямъ и по щебню. Копыта нашихъ лошадей здѣсь сильно страдаютъ. Высокія горы поросшія лиственицею, елью и кедромъ-сланцемъ высятся по обѣ стороны Чехоноя. На сѣверныхъ склонахъ растительность часто отсутствуетъ, и толко щебень покрываетъ нижнюю ихъ часть и отдѣльныя складки. Мѣстами долина сужена скалами. Вообще склоны горъ здѣсь довольно круты. Преобладаютъ темно-сѣрые (почти черные) глинистые сланцы.

Изрѣдка здѣсь бываютъ сильныя наводненія, вода идетъ бурнымъ потокомъ во всю ширину долины, а потому въ опасныхъ мѣстахъ телеграфная линія поднята на утесы и косогоры.

Мы приближаемся къ устью Нюникана, но прежде, чѣмъ достигнуть его, приходится перебираться чрезъ огромное поле гальки частью сухой, частью залитой водою. Стрѣлка между Нюниканомъ и Чехоноемъ покрыта довольно хорошей травою, и здѣсь возчики обыкновенно дѣлаютъ привалъ. Мѣстность эта носитъ названіе «Правле».

Благодаря выпадавшимъ дождямъ, путь по долинѣ Нюникана оказался весьма утомительнымъ, въ особенности для лошадей. Мохъ весь напитанъ водою, подъ нимъ корневища и камни. Мы всѣ избираемъ разные пу-

ти, и каждый пробирается тамъ, гдѣ ему кажется лучше. Часа три длится изнурительный подъемъ на Нюниканскій перевалъ, хотя всего десять верстъ пути отъ устья Нюникана до вершины перевала.

Послѣдняя часть подъема идетъ по твердому грунту по щебню и дресвѣ, зато довольно крута. Площадка перевала очень мала, на ней нѣсколько лиственицъ.

Отсюда открывается въ одну сторону видъ на всю долину Нюникана, а въ другую сторону въ долину рѣчки Кытытъ, по которой намъ предстоитъ спуститься до впаденія послѣдней въ р. Почтовую, а по этой подняться знакомымъ уже зимнимъ путемъ на Сетте Дабанъ.

Долина р. Кытытъ много привѣтливѣе долинъ Чехоная и Нюникана, но растительность ея однообразнѣе. По Чехоною и Нюникану еще встрѣчаются ель и рябина, а по Кытыту этихъ породъ нѣтъ. Съ сосною мы разстались еще подъ Чагдалинскимъ хребтомъ; даже на Нѣмчихѣ нѣтъ сосенъ и ихъ не встрѣтимъ до самаго Охотска.

Спускъ съ Нюниканскаго хребта въ долину Кытыта весьма крутой и длинный; путь идетъ все время по щебню, и по галькѣ. Мы, конечно, слѣзаемъ съ лошадей, беремъ ихъ за поводъ и ведемъ за собою, при чемъ, благодаря неудобному пути, каждому приходится все время быть насторожѣ, какъ бы его лошадь ему сзади не наступила на ноги.

Раза два-три мы, утомленные, останавливаемся и даемъ передышку лошадямъ; наконецъ выбираемся на

болѣе пологую часть спуска и отправляемся дальше верхомъ.

По Кытыту встрѣчаются довольно красивыя скалы. Глинисто-известковые сланцы, прорѣзанные жилками кварца, змѣевиково-хлоритовыя породы, прорѣзанныя доломитизированными известняками—вотъ главныя массы верхнихъ породъ. Мѣстами попадаются кристаллы кварца, а въ глинисто-известковыхъ сланцахъ крупные кубы пиритовъ.

Проѣхавъ верстъ 8—9 по Кытыту, мы встрѣтили огромную поляну съ довольно хорошей травой и рѣшили здѣсь переночевать. До Почтовой оставалось еще верстъ десять и намъ до вечера не добраться, а лошади отъ трудныхъ подъемовъ и спусковъ изрядно устали.

Іюль мѣсяцъ, а вечера, ночи и утра холодные. Холодомъ дышатъ рѣчки, въ которыхъ вода немного теплѣе льда и каменныя громады насъ окружающія. Кругомъ сырость и въ травѣ и во мху. Днемъ бываетъ тепло, даже жарко, а лишь только солнце сядетъ, температура быстро падаетъ чуть ли не на десятокъ градусовъ и болѣе. Суточныя колебанія куда значительнѣе и достигаютъ подчасъ 30 гр., а, б. м., и болѣе.

Мелкій дождикъ моросить на слѣдущее утро. Поляна обширная, и лошади наши далеко разбрелись. Проходитъ довольно много времени, пока всѣ онѣ собраны, осѣдланы и навьючены. При этомъ обходится не безъ казусовъ; при напряженіи подпруги лошади надуваются и собираются укусить ямщика, но послѣ нѣсколькихъ окриковъ смиряются, и подпруга застегивается въ норму.

Эта сцена съ нѣкоторыми лошадьми повторяется на каждой остановкѣ.

Благодаря неровному тяжелому пути у нѣсколькихъ лошадей оказываются поврежденными спины отъ нагруженныхъ вьюковъ, то съѣзжающихъ впередъ, то назадъ, то задѣвающихъ слѣва или справа за кусты и деревья при слѣдованіи по чащѣ въ обходъ заваленной или сдѣлавшейся непроходимой тропы.

Случалось, что вьюки совершенно сваливались съ лошадей, если подпруги не были туго натянуты. Лошадь сжимается, вытягивается и ловко выскальзываетъ изъ вьюка.

Наши лошади были еще относительно смирныя и послушныя, у подрядчиковъ же по развозкѣ матеріаловъ намъ приходилось наблюдать любопытныя сцены. Два-три якута держатъ лошадь за узду, пока двое другихъ ее навьючиваютъ. Только окончили нагрузку и хотятъ лошадь отвести къ коновязи, чтобы нагрузить слѣдующую, какъ та начинаетъ брыкаться и метаться до тѣхъ поръ, пока всѣ вьюки не сброшены. Какъ по командѣ и остальныя навьюченныя лошади начинаютъ тотъ же маневръ, и многимъ онъ удается. Это повторяется нѣсколько разъ; наконецъ лошади утомляются, допускаютъ навьючиваніе и отправляются въ путь, при чемъ ихъ обыкновенно привязываютъ другъ къ другу, узду задней лошади къ хвосту выступающей передъ нею. Зацѣпится одна лошадь вьюкомъ за дерево, или двинутся онѣ неудачно по обѣ стороны встрѣчнаго дерева и пойдетъ катавасія, задняя лошадь рветъ хвостъ передней, та въ

свою очередь то рвется впередъ, чтобы освободить свой хвостъ, то отъ боли подается назадъ и тѣмъ самымъ рветъ хвостъ своего передовика.

Конечно, возчики сейчасъ же останавливаютъ весь караванъ и приводятъ его въ порядокъ, но повторяется такое явленіе иногда по нѣскольку разъ въ день.

Чтобы смирить пылъ горячихъ лошадей, ихъ передъ отправленіемъ въ путь обыкновенно выдерживаютъ сутки или двое на привязи, безъ корма. Это полезно и въ томъ отношеніи, что такъ выдерживаемая лошадь меньше потѣетъ, и поэтому кожа не такъ легко страдаетъ отъ вьюка и отъ сѣдла.

Вьючное сѣдло якутовъ деревянное, кладется на потники, набитые сухою травою, и укрѣпляется подпругою. Сѣдло имѣетъ два скрещенныхъ рога, на которые вѣшаютъ вьюки, стараясь размѣстить грузъ поровну на обѣ стороны. Обыкновенно якутская лошадь подымаетъ 5—6 пудовъ, но иной разъ на нее взваливаютъ и до 8 пудовъ. Предметы, неудобные для вьючной перевозки, стараются такъ или иначе приспособить къ ней посредствомъ упаковки. Напр. ломы длиною 2 аршина приходилось зашивать въ кошмы; подъ круги проволоки діаметромъ до аршина величины приходилось подвязывать доски соотвѣтствующей длины. Масло коровье перевозятъ или зашитымъ въ скотскія шкуры или въ деревянныхъ флягахъ, т. е. плоскихъ кадочкахъ якутскаго городскаго производства, а муку—въ трехпудовыхъ двойныхъ мѣшкахъ, связывая каждую пару мѣшковъ въ одинъ вьюкъ. Мясо передвигаютъ въ тайгу самымъ удоб-

нымъ и самымъ дешевымъ способомъ, именно—на ногахъ; при каждой рабочей колоннѣ для этой цѣли находилось нѣсколько штукъ скота. (За 10 коровъ съ пригономъ ихъ на Алданъ и въ Нижнеамгинское мы платили по 35 руб. за корову живого вѣса около 13 пудовъ. Отъ такой коровы получалось около $8^1/_2$ пудовъ мяса, сала и съѣдобныхъ брюшныхъ органовъ, не считая ногъ и головы. Въ Аллахъюнѣ за трехгодовалаго или, какъ здѣсь говорятъ, трехтравнаго теленка заплатили 15 руб.).

Возвращаюсь къ своему описанію.

Тропа часто пересѣкаетъ р. Кытытъ и проходитъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ у подножія скалъ. Чѣмъ болѣе приближаемся къ р. Почтовой, тѣмъ каменистѣе становится путь. Слѣдуемъ далѣе по каменисто-болотистому косогору и съ него спускаемся въ долину р. Почтовой (Конкюй).

Небольшая, привѣтливая полянка у самой рѣки. Въ ожиданіи обоза, отставшаго отъ насъ за трудностью передвиженія, мы здѣсь даемъ конямъ передышку на четверть часа.

Мѣстами раздается массовая стрекотня кобылки, которой по берегамъ р. Почтовой попадается множество и притомъ разныхъ цвѣтовъ—зеленаго, розоваго, чернаго, (ближе къ Якутску встрѣчается кобылка также краснаго и бѣлаго цвѣтовъ, а мѣстами и саранча).

Путь снова сворачиваетъ на изрядно размытый косогоръ. Вязнемъ въ растоптанной глинѣ, одной ногой конь ступаетъ на камень, другой попадаетъ въ глубокую лужицу, теряетъ равновѣсіе и дѣлаетъ порывистыя

движенія. Ѣдемъ такъ довольно долго; наконецъ достигаемъ прекрасной поляны. Спускаемся туда по крутому косогору; мой конь спотыкается и въ одинъ моментъ сваливаемся оба. При паденіи я освободилъ ноги изъ стремянъ, но лошадь лежитъ, придавивъ мнѣ ногу. Лошадь осторожно подымается, а за нею и я. Пострадалъ, оказывается, одинъ лишь конь—разбилъ себѣ носъ и поранилъ ноги на колѣняхъ, я же остался невредимъ. Счастливое паденіе, такъ какъ по близости было нѣсколько острыхъ пеньковъ отъ рубленной здѣсь просѣки, и паденіе на пенекъ окончилось бы весьма неблагополучно.

Здѣсь на Почтовой быстрины. Изъ-подъ воды выступаетъ утесъ кварца (или доломитизиров. известняка) съ прожилками хлоритоваго сланца; послѣдняя порода очевидно постепенно смывается. Около этихъ быстринъ много крупныхъ, оторванныхъ отъ скалъ камней. Тутъ много рогово-обманковаго гранита, и полевой шпатъ, превращенный въ каолинъ, и всякіе сильно метаморфозированные отъ воды граниты и доломиты съ кварцмъ и съ известнякомъ.

По Почтовой вообще встрѣчается много хлоритовыхъ и темныхъ глинистыхъ сланцевъ прорѣзанныхъ кварцемъ и доломитами. Мѣстами выступаютъ тально-хлоритовые сланцы, въ наружной своей части сильно вывѣтрившіеся, дѣлимые на тончайшіе листы и превращающіеся подъ давленіемъ въ глинистую пыль.

За устьемъ Соурдаха находимъ длинную поляну и останавливаемся на отдыхъ. Это послѣдній пунктъ до перевала чрезъ Сетте-Дабанъ, гдѣ лошади еще могутъ

найти болѣе или менѣе обильный кормъ. Здѣсь предположено открыть почтовую станцію, что вмѣстѣ съ устройствомъ станціи на Чагдалѣ значительно сократитъ длину отдѣльныхъ перегоновъ между Чернолѣсской и Аллахъюномъ. Снявшись съ лагеря, переходимъ по близости Почтовую въ бродъ. Лошади съ крайней неохотой выступаютъ на гальку—каждый разъ приходится ихъ къ этому принуждать. Русло тоже усѣяно галькою, и нерѣдко камень подъ копытомъ подается; тогда необходимо все вниманіе, чтобы самому удержать равновѣсіе и не повалить лошадь.

Путь отсюда идетъ по каменистой неровной тропѣ у края самой рѣчки. Слѣва высятся скалы, справа бурлитъ потокъ.

Скалы и отвалившіеся отъ нихъ камни покрыты въ огромномъ количествѣ цѣпкими лишаями разныхъ цвѣтовъ; особенно выдаются между ними ярко-желтые и багряно-красные виды.—О растительности я уже сказалъ выше, при описаніи зимней поѣздки.—Засталъ здѣсь еще остатки отъ крышевидной выпучины льда; теперь это были большія ледяныя глыбы, сплошь покрытыя черной глиной и землей.

Слѣва съ Почтовой соединяются ниспадающіе каскадами горные ручьи, а далѣе и рѣка расходится на нѣсколько ручейковъ; поднимаясь между ними, мы достигаемъ Сетте-Дабана.

На перевалѣ была ясная погода, но расположенныя подъ нами долины, а отчасти и гора были закутаны туманомъ; изъ него выплывали тутъ и тамъ отдѣльныя

вершины. На Тарбаганахскихъ горахъ въ складкахъ еще лежитъ снѣгъ.

Необходимо до вечера добраться до поляны, а потому мы задерживаемся недолго и спѣшимъ въ дальнѣйшій путь. Спускаемся въ живописное ущелье рѣчки Акары и пересѣкаемъ его нѣсколько разъ. Моросить дождикъ и уже темновато, поэтому намъ не до снимковъ. По крутымъ спускамъ беремъ коней своихъ въ поводъ. Кое гдѣ пробираемся чрезъ крупные камни по ущелью съ большимъ трудомъ.

И на Акарѣ выступаютъ тѣ же хлоритовые сланцы съ доломитизированными известняками, которыхъ мы встрѣчали по Почтовой.—Спустившись по Акарѣ, мы еще переваливаемъ чрезъ два невысокихъ хребта и добираемся до желанной поляны «Банной», такъ названной потому, что здѣсь существовала баня для пересыльныхъ арестантовъ. Состояла эта баня изъ нѣсколькихъ крупныхъ камней, вокругъ которыхъ раскладывался костеръ. Когда камни достаточно накалились, снимаютъ костеръ, ставятъ поверхъ камней палатку, обливаютъ ихъ водою, и баня готова. Нѣтъ сомнѣнія, что въ такой банѣ можно было париться, но можно ли было въ ней мыться—это вопросъ.

Разбивъ свой лагерь на полянѣ и отпустивъ лошадей на кормъ раскладываемъ костры, согрѣваемся и тепломъ отъ костра и горячимъ чаемъ, а затѣмъ, утомленные совершоннымъ переходомъ, быстро засыпаемъ въ своихъ палаткахъ. Ночь холодная; все пронизывается сыростью. Утромъ подымаешься съ постели—дрожишь,

зубъ на зубъ не попадаетъ, пока не умоешься холодной, какъ ледъ, водою да накинешь на себя теплую куртку.

Довольно раннимъ утромъ мы продолжали путь въ Аллахъ, какъ здѣсь сокращенно называютъ станцію Аллахъюнскую. Нѣсколько разъ пересѣкая р. Селляхъ, мы слѣдовали лѣсистой тропою. Какъ, сравнительно, запоздала растительная жизнь въ долинѣ Аллахъюна! Когда мы выѣхали съ Алдана, тамъ шиповникъ успѣлъ нетолько отцвѣсти и завязаться въ ягоды, но послѣднія уже налились и начали алѣть, а на Аллахѣ шиповникъ теперь только расцвѣталъ.

Въ лѣсу мы встрѣтили пару спутанныхъ, сильно пораненныхъ путами лошадей. Миріады оводовъ и мухъ кружились около несчастныхъ животныхъ, очевидно, затерявшихся въ лѣсу. Ихъ легко поймали, распутали и погнали съ собою въ Аллахъ, чтобы тамъ передать ихъ хозяину или выяснить, кому они принадлежатъ.

Якуты часто спутываютъ лошадь перетягивая ремнемъ или веревкою узду къ одному изъ переднихъ копытъ настолько, что лошадь можетъ скакать только на трехъ ногахъ, поднявъ четвертую, иначе она лишена возможности поднять голову. Случается, что такъ спутанная лошадь забредетъ въ болото и безсильна выбраться оттуда. Если ее отыщутъ нескоро, то она становится жертвою мухъ и оводовъ, выѣдающихъ у нея глаза и облѣпливающихъ ее повсюду. Такихъ поздно спасенныхъ лошадей съ гнойниками вмѣсто глазъ случалось встрѣтить нѣсколько.

Въ 11 час. дня пріѣхали въ Аллахъ опять къ той же старухѣ Прудецкой, у которой я останавливался въ зимній путь.

Здѣсь мы узнали, что прибывшіе за три дня до насъ чины телеграфа, командированные въ слѣдующую строительную колонну, еще находятся въ Аллахѣ у переправы чрезъ рѣку, и что тамъ же находится и окончившій наканунѣ разбивку линіи до Аллаха старшій механикъ Клаубергъ. Переправа находилась примѣрно въ трехъ верстахъ отъ дома Прудецкой, путь былъ прекрасный по лугу и по небольшимъ перелѣскамъ. Рысью мы помчались туда, чтобы захватить еще чиновъ, выяснить причину ихъ задержки и повидать Клауберга. Первое не удалось: чины за полчаса передъ тѣмъ переправились и уѣхали; задержалъ ихъ сильный разливъ воды въ Аллахѣ и связанная съ этимъ быстрота теченія—болѣе 2 саженъ въ секунду--пугавшая якутскихъ перевозчиковъ. Разговорились съ Клаубергомъ, обмѣнялись свѣдѣніями, осмотрѣли строющійся домъ для контрольнаго телеграфнаго отдѣленія и, вѣроятно, долго бы еще тамъ посидѣли, если бы не замѣтили надвигавшейся грозы. Заторопили лошадей, понеслись то рысью, то галопомъ но все таки ливень насъ захватилъ передъ самымъ домомъ.

Поспѣшили туда обсушиться, но оказалось, что и въ домѣ то здѣсь, то тамъ вода проникаетъ чрезъ крышу и потолокъ.

Сильный ливень съ грозою предвѣщалъ намъ затрудненіе на переправахъ и ухудшеніе всего пути, до этого уже достаточно намокшаго отъ частыхъ и про-

должительныхъ дождей. Оказывается, здѣсь четыре дня подъ рядъ дождь лилъ, какъ изъ ведра, съ утра до вечера каждый день, а затѣмъ стали перепадать болѣе или менѣе обильные дожди ежедневно.

Въ Аллахѣ говорили, что дожди эти для травъ запоздали и дѣйствительно, на обширныхъ лугахъ по обоимъ берегамъ Аллахъюна травы были низкорослыя, едва-ли оправдывающія косьбу.

Въ Аллахѣ, въ домѣ вдовы Прудецкой насъ встрѣтилъ знакомый по Якутску подрядчикъ по развозкѣ матеріаловъ, Иннокентій Говоровъ, о которомъ я уже говорилъ выше. Говоровъ, разсказалъ много про свое житье-бытье на Аллахѣ и путешествіе къ Юдомѣ и обратно, показывалъ намъ найденные имъ щетки кварца и отдѣльные кристаллы его и др. камни.

Близъ усадьбы Прудецкой, по другую сторону протекающаго здѣсь ручейка Хатынъ-уряхъ, расположился въ двухъ юртахъ богатый тунгусъ, владѣлецъ стада оленей головъ до 300. Это сосѣдство послужило причиною значительной задержки нашего выѣзда на слѣдующій день. Отпущенныя на луга лошади встрѣтили тамъ возвращавшійся изъ лѣса табунъ оленей. Три лошади ни разу не видавшія оленей испугались ихъ и понеслись въ лѣсъ. Отсутствіе этихъ лошадей сразу замѣчено не было; когда ихъ хватились, то не могли найти. На слѣдующее утро три человѣка только послѣ шестичасовыхъ поисковъ отыскали ихъ далеко въ лѣсу за тремя хребтами въ узкой долинѣ, гдѣ даже и кормовъ никакихъ не было. Очевидно напуганные кони все время голодали.

Пока разыскивали лошадей, мы воспользовались приходомъ табуна оленей и сдѣлали нѣсколько снимковъ. Нѣкоторые изъ оленей брали съ рукъ соль и жадно ихъ лизали, но огромное большинство, хотя и сбилось въ общую кучу съ этими оленями, соли не брало и только любопытно глазѣло, пугаясь приближенія незнакомыхъ лицъ.

Когда наконецъ привели нашихъ потерявшихся лошадей, то было уже поздно думать о значительномъ переходѣ до Анчи, но, чтобы день не потерять совершенно, мы рѣшили по крайней мѣрѣ переправиться чрезъ рѣку, что при настоящемъ подъемѣ воды и при скудныхъ перевозочныхъ средствахъ должно было занять нѣсколько часовъ.

На переправѣ пришлось долго ожидать перевозчиковъ, проживающихъ на лѣвомъ берегу Аллахъюна, довольно далеко отъ переправы. На крики и вызовы наконецъ отозвались, и къ намъ переправилось на плохой лодчонкѣ два якута.

Въ это время успѣлъ пойти дождь, намокалъ багажъ нашъ, намокали мы сами, и переправа этимъ усложнялась. Лодка оказалась сбитой изъ досокъ съ огромными щелями законопаченными только мхомъ. Въ лодку клали багажъ, садилось два человѣка, брали каждый за узду по лошади и тащили ее за собой вплавь, при чемъ уздою поднимали голову лошади, чтобы облегчить переправу.

Лодку и лошадей сносило внизъ съ черезвычайной быстротой, и требовались значительныя усилія, чтобы пристать, выбраться на берегъ и людямъ и лошадямъ.

Постепенно такимъ путемъ переправились мы сами и багажъ нашъ и лошадей. Дождь все еще продолжался, а потому поспѣшили навьючить лошадей и добраться до лѣтней почтовой станціи, содержимой перевозчикомъ же якутомъ Павломъ Захаровымъ.

Домъ его, онъ же и станція, хотя и срубъ изъ хорошо обтесанныхъ бревенъ, но внутреннее устройство точно такое же, какъ обычно встрѣчается въ якутскихъ юртахъ; тѣ же нары вдоль стѣнъ, тотъ же камелекъ, то же расположеніе его.

Здѣсь переночевали и на слѣдующее утро продолжали путь. Часъ или болѣе пришлось тащиться межъ тальниковъ по залитой мѣстности и наконецъ встрѣтить препятствіе въ ручейкѣ, настолько разлившемъ, что бродъ въ мѣстѣ пересѣченія его тропою былъ невозможенъ. Пришлось потратить съ полчаса, пока, наконецъ, отыскали мѣсто удобное для брода, т. к. берега ручейка крутые и густо поросли тальниками и другимъ кустарникомъ. Отсюда путь пролегалъ по лугамъ и кочкарникамъ; всѣ тропы обратились въ ручейки. Отъ дождя и холоднаго вѣтра мы продрогли и пройдя верстъ 10 были рады найти хижину, въ которой можно было согрѣться и обсушиться. Хижина оказалась пустою, брошенною своими обитателями. Мы разложили огонь въ камелькѣ, обсушились, согрѣлись и двинулись дальше, когда подошелъ обозъ. Далѣе мы встрѣтили еще одну такую же хижинку пустую, заброшенную. Хозяева переселились, кто въ Анчу, кто обратно за Алданъ.

Луга и здѣсь обширны, но кочковаты. Съ переходомъ въ долину Анчи встрѣчаемъ огромную площадь

горѣлаго лѣса совершенно заваливщаго всѣ тропы. По крутому скользкому глинистому косогору приходится пробираться чрезъ чащу, разыскивая обходы лѣсовала. Скользимъ не только мы, но и наши лошади, которымъ труднѣе пройти, чѣмъ намъ. Наконецъ намъ удается добратся до спуска къ рѣкѣ, правда, спуска крутого, скользкой глины, но давшаго возможность болѣе свободнаго проѣзда по рѣчной галькѣ и по пескамъ. Такъ, мы вышли на тропу, по которой вновь слѣдовали въ гору, но по негорѣлому лѣсу. Здѣсь тропъ и ручейковъ, сколько угодно: каждая тропа превращается въ водостокъ, каждый водостокъ дѣлаетъ тропу. При этомъ обнажается масса щебня, камней, корневищъ, и путь становится для нашихъ неподкованныхъ лошадей весьма мучительнымъ. Мы выѣзжаемъ на просѣку и слѣдуемъ далѣе вновь вдоль выстроенной уже телеграфной линіи. Съ высокихъ косогоровъ и съ обрывовъ надъ Анчей намъ открывается далекій видъ на расположенныя за нею горные хребты и ледяныя горы. Передъ нами на востокъ виднѣются Анчиканскія горы, на которыхъ въ вершинныхъ ихъ складкахъ ярко обрисовываются залегшіе туда снѣга.

Мѣстами крутые обрывы и крайне трудный путь по густо разбросаннымъ каменнымъ глыбамъ вынуждаетъ насъ покинуть кратчайшій путь вдоль телеграфа и вновь искать тропу.

Позднимъ вечеромъ пришли въ Анчу, въ юрту Шамаева, гостепріимно принявшаго насъ зимою. Теперь юрта была уже сильно загрязнена; Шамаевъ перешелъ въ свой лѣтникъ (верстахъ въ 15 отсюда), а здѣсь видны

были всякіе слѣды хозяйничанья въ юртѣ строительной колонны, только накануне прошедшей мимо Анчи.

На слѣдующее утро мы отправились къ мѣсту работъ, чтобы выяснить положеніе дѣла. Установка столбовъ производилась какъ разъ въ болотистой мѣстности, гдѣ мѣстами лошади проваливались почти по брюхо. Люди работали по колѣно въ водѣ. Дождь выпадалъ по нѣсколько разъ въ день.

По такому пути, а частью по лѣсной тропѣ мы добрались до табора, гдѣ мы раздѣлили скромную трапезу строителей: густой кирпичный чай безъ сахару, да прожаренныя на сковородѣ прѣсныя лепешки. Мяса не было, хлѣба –печь негдѣ.

Сдѣлавъ необходимыя распоряженія здѣшней строительной колоннѣ и пользуясь слѣдованіемъ почты на востокъ для передачи и туда надлежащихъ указаній, я направился для ночлега въ обратный путь къ Анчѣ. Въ пути узнаемъ, что на переправѣ затопило лодку съ матеріалами и инструментами, и что сидѣвшіе въ ней люди еле спаслись.

Р. Анча у юрты якута Шамаева дѣлится на два рукава; одинъ, мелкій, мы переѣзжали въ бродъ, второй же, главное русло, значительно глубже, и мутныя отъ выпавшихъ дождей воды Анчи здѣсь бушуютъ и мчатся съ такой быстротою, что съ выходомъ лодки на стрежень она моментально поворачивается внизъ носомъ и только съ большими усиліями удается выбраться на болѣе мелкое мѣсто и отталкиваньемъ, съ помощью шестовъ дойти до берега. Лошадей, конечно, переправляютъ

вплавь за лодкою, поддерживая ротъ ихъ недоуздкомъ надъ водою.

Лодкою пользовались для перевоза весьма ветхою, сшитою изъ разсохшихся, покоробившихся досокъ; между послѣдними былъ набитъ толстымъ слоемъ мохъ, и вотъ, при переправѣ надсмотрщика и двухъ рабочихъ съ матеріалами, инструментами и медикаментами, напоромъ воды вытолкало мохъ изъ щелей и лодку быстро затопило, а когда люди бросились вонъ изъ лодки, то ее опрокинуло, и всѣ вещи очутились въ рѣкѣ. Все это произошло необыкновенно быстро. Люди достигли берега, а лодка была выловлена ниже и также доставлена къ берегу, гдѣ занялись возобновленіемъ конопатки изъ того же мху. Была на берегу еще другая лодка, но состояніе ея было хуже чѣмъ той, что потерпѣла аварію; наши попытки привести ее въ порядокъ потерпѣли фіаско, а первая была исправлена чрезъ нѣсколько часовъ, и переправа возстановилась.

Вечеромъ нашъ конюхъ и Расторгуевъ заявили, что дальше слѣдовать на нашихъ изнуренныхъ лошадяхъ невозможно; копыта совершенно изношены, ходятъ онѣ на однихъ раковинахъ. На нихъ не дойти до Юдомокрестовской или не возвратиться оттуда; объ Охотскѣ и говорить нечего. Спины у лошадей также сильно побиты.

У строительной колонны механика Фомина нашлось двѣ лошадки, которыми еще возможно было воспользоваться для усиленнаго перехода. Имѣя нужду въ свѣдѣніяхъ о ходѣ дѣла на восточномъ участкѣ, я попросилъ студента Пашкевича поѣхать съ конюхомъ впередъ до

Капитанской засѣки или до Юдомокрестовской, смотря потому, гдѣ онъ получитъ свѣдѣнія о дѣйствіи восточныхъ строительныхъ колоннъ.

На слѣдующее утро мы разстались. Пашкевичъ съ конюхомъ поѣхали на востокъ, я же повернулъ на западъ, въ Аллахъ, чтобы тамъ ожидать извѣстій съ обоихъ сторонъ и направить на участокъ Аллахъ—Юдома освободившагося Старшаго механика Клауберга, поручивъ ему руководство обѣими строительными колоннами этого участка.

Въ виду усталости лошадей обратный путь до Аллаха совершали медленно, переночевавъ въ одной изъ пустыхъ попутныхъ юртъ. Въ ожиданіи свѣдѣній отъ Пашкевича мы дали въ Аллахѣ отдыхъ своимъ лошадямъ.

Ежедневно шли дожди, часты были грозы. На Хатынъ-уряхѣ у береговъ обнажился лежащій подъ почвою ледъ; залегшій на немъ слой земли далъ пищу травяной и кустовой растительности, несмотря на такую неблагопріятную подпочву.

На четвертый день прибыли въ Аллахъ Пашкевичъ и почта съ востока. Оказалось, что рабочія колонны были задержаны выступленіемъ въ Охотскѣ, но теперь должны уже были прибыть въ Юдомокрестовскую и приступить къ работѣ (21—22 іюля.)

Путь отъ Анчи къ Аллаху на первыхъ пяти верстахъ имѣетъ направленіе къ ЮЮЗ; минуя рѣку Бѣлокаменную—Урюмтастахъ—направляется на западъ, за-

тѣмъ—ЗСЗ и сплошь до берега Аллахъюна на СЗ; отсюда до Аллахъюнской на С. и ССЗ.

Отъ Аллахъюна до Сетте-Дабана тропа имѣетъ сначала направленіе ЗСЗ, переходящее затѣмъ въ СЗ; по р. Почтовой до устья Кытыта также сначала ЗСЗ, затѣмъ СЗ и наконецъ опять ЗСЗ. По Кытыту путь сворачиваетъ сначала на ЮЗ, а затѣмъ на ЗЮЗ до Нюниканскаго хребта, откуда по Нюникану сначала на ЮЮЮЗ, а затѣмъ на Югъ.

Р. Чехоной приходитъ съ ЮВ, принимаетъ впадающій съ сѣвера Наниканъ и направляется вмѣстѣ съ тропою на Западъ, сворачивая затѣмъ на ЗЮЗ.

Двухдневное движеніе наше отъ Аллаха до брода чрезъ Чехоной, близъ котораго мы встрѣтили строительную колонну механика Пурмаль, совершалось большей частью подъ проливными дождями. Затихнетъ дождь и чувствуешь, что, несмотря на дождевики, все на тѣлѣ отсырѣло и остыло; хочешь согрѣться у костра, но, благодаря ежедневнымъ дождямъ, чрезвычайно трудно раздобыть горючаго матеріала. Возня съ костромъ продолжается съ полчаса, прежде чѣмъ онъ хорошо разгорается и является возможность около него и согрѣться и обсушиться.

Послѣ мучительнаго каменистаго перехода до поздней ночи мы останавливаемся на таборѣ нашей строительной колонны. Хлѣбъ и здѣсь вышелъ; сидятъ на якутскихъ лепешкахъ. Кругомъ сыро и холодно. Рядомъ бушуетъ Чехоной. Оказывается, что здѣсь расположи-

лась только часть колонны—ямокопы и столбоставы, а подвѣска провода идетъ еще за рѣкою.

Переправа была здѣсь весьма трудная и опасная. Якуты рабочіе переправлялись цѣпью—впереди верховой на конѣ, за хвостъ лошади держится пѣшій якутъ одной рукою, подавая другую товарищу; тотъ беретъ руку слѣдующаго и т. д. На стрежнѣ потокъ былъ такъ силенъ, что одному человѣку на ногахъ не устоять. При этомъ температура воды не болѣе 3—4 градусовъ.

Лишенія терпѣли люди во всемъ, въ особенности техническій персоналъ. Вышелъ сахаръ, вышелъ табакъ, поизносились бѣлье, платье, обувь. Все это было давно заказано въ Якутскѣ, но путь оттуда далекій. А работы приходилось вести въ мерзлотѣ, въ болотахъ, по каменистымъ косогорамъ, по щебнемъ осыпаннымъ скаламъ, куда канатами приходилось подтаскивать столбы. Не только часами—сутками и недѣлями приходилось людямъ не обсушиваться благодаря неблагопріятной погодѣ, и это при томъ холодѣ, которымъ отдаетъ и долина, и рѣка и скалы Алданскихъ хребтовъ, достигающихъ 600 саженъ вышины. А стоитъ появиться солнцу, какъ оводы и мошка закружатся вокругъ человѣка и отравляютъ ему существованіе.

Несмотря на всѣ лишенія, чины глядѣли бодро, работы быстро двигались впередъ, и хотя подрядчики запоздали съ рубкою просѣки, но было видно, что и на этомъ труднѣйшемъ участкѣ работы закончатъ своевременно. Этому немало способствовало мягкое обращеніе съ якутами рабочими и стремленіе послѣднихъ пока-

зать, что они работаютъ не хуже русскихъ: за ними только нуженъ усиленный надзоръ; необходимо, чтобы они знали, что ихъ лѣнь или стараніе замѣчаются.

Проведя почти цѣлый день на работахъ, мы тронулись въ путь и заночевали 24 іюня на Нѣмчихѣ, гдѣ чрезъ встрѣчныхъ якутовъ получили отправленную намъ съ оказіею почту.

Вечеръ былъ ясный, ночь холодная. Утромъ оказалось, что вода какъ въ посудахъ, такъ и въ ямахъ и лужицахъ, покрылась льдомъ въ $^1/_2$ сантиметра толщины. И странно: ни травяныя, ни кустовыя растенія, ни хвоя лиственицы отъ этого мороза нисколько не потерпѣли; зелень была совершенно яркая, чистая. Повидимому, мѣстная флора вполнѣ приспособилась къ такимъ явленіямъ, какъ морозы въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Долина Нѣмчихи имѣетъ меридіональное направленіе. Благодаря сравнительно хорошему пути мы быстро достигаемъ Чагдалинскаго перевала, а затѣмъ долины Чагдалы. Послѣ перевала чрезъ хребты ночи настали, сравнительно, теплыя. Слѣдуя по Чагдалѣ и Бѣлой на ССЗ, изрѣдка на СЗ. Мы 26 іюля вновь въ Чернолѣсской.

Прибывъ туда вечеромъ, мы пытались вызвать Алданское по телефону, но за отсутствіемъ чиновника, намъ тамъ никто не отвѣчалъ. Только на слѣдующее утро удалось переговорить съ Алданскимъ отдѣленіемъ и получить свѣдѣнія о томъ, что творится въ оставленныхъ мною позади двухъ строительныхъ колоннахъ. Оказалось, что на Анчиканѣ рабочіе якуты отказались продолжать работу за трудностью ея. Часть ихъ уда-

лось убѣдить продолжать работу, частью пришлось дополнить колонну возвращавшимися съ просѣки рабочими, что и удалось вполнѣ.

Въ Чернолѣсской же мы встрѣтили почту принесшую намъ массу корреспонденціи и газетъ; привезли намъ вмѣстѣ съ тѣмъ байховый чай, сахаръ, печенья, чего мы давно не имѣли. Мясо также давно у насъ вышло: здѣсь по крайней мѣрѣ достали молока и сливокъ.

За полной изнуренностью нашихъ лошадей ихъ здѣсь пришлось смѣнять на почтовыхъ. Благодаря продолжительнымъ переговорамъ по телефону и разбору почты, мы сильно задержались выѣздомъ, и ночь насъ захватила въ пути. Обозъ нашъ сильно отсталъ, и намъ пришлось бы переночевать безъ палатки на холодѣ и сырости, въ лѣсу, еслибы не чудное знаніе мѣстности моего коня. Онъ увѣренно направлялся въ бродъ, переходилъ чрезъ огромныя поля гальки, взбирался по крутымъ косогорамъ; въ лѣсу, гдѣ тропа была завалена деревьями, онъ смышленно выбиралъ обходы; мнѣ приходилось только не мѣшать ему да беречь руками лицо и глаза отъ хлеставшихъ по нимъ вѣтвей, а спутникамъ моимъ слѣдовать за мною. Мы не переставали восхищаться нашимъ четвероногимъ путеводителемъ вплоть до Атырджака, который мы достигли только къ часу ночи.

28 іюня мы были на Алданѣ, убѣдились справкою по телефону до Чехоноя и до Лены, что вновь построенная телеграфная линіи исправно функціонируетъ въ обѣ стороны, несмотря на то, что между Якутскомъ и Амгой въ нѣсколькихъ мѣстахъ гро-

зою повредило цѣлый рядъ столбовъ, а паденіе горѣлаго лѣса кое-гдѣ порастянуло проводъ.

3-го августа мы вновь были въ Якутскѣ.

Изъ своихъ дорожныхъ впечатлѣній я вывелъ слѣдующія заключенія:

Для оживленія Якутско-Охотскаго края необходимы, прежде всего, пути сообщенія и возможно большее количество школъ, значеніе которыхъ начали уже цѣнить и якуты. Необходимо широкое распространеніе хотя бы самыхъ элементарныхъ сельско-хозяйственныхъ познаній.

Однимъ изъ лучшихъ средствъ для распространенія въ народѣ знаній и культурныхъ потребностей было бы распространеніе на якутовъ всеобщей воинской повинности и передвиженіе, такимъ образомъ, ежегодно значительнаго контингента молодыхъ людей въ мѣстности, культурныя и сельскохозяйственныя условія которыхъ стоятъ несравненно выше, нежели въ Якутской области, а потому могутъ быть прекрасной школой для обитателей послѣдней.

По способности, ловкости и выносливости якуты представляли бы въ арміи несомнѣнно хорошій боевой матеріалъ и, б. м., со временемъ они могли бы войти сильнымъ элементомъ въ слабый нынѣ, и количественно и качественно, составъ казачьихъ войскъ далекой сѣверной окраины, чѣмъ создался бы оплотъ для беззащитнаго нынѣ Охотскаго побережья.

Земледѣліе, на мой взглядъ, возможно не только отъ Лены до Алдана, но и въ долинѣ р. Бѣлой, по ни-

жнему ея теченію. Скотоводческое хозяйство возможно по Аллахъюну, по Анчѣ, въ Крестахъ около Юдомы, по нижнему теченію Урака. Возможность земледѣлія въ этихъ мѣстахъ, за исключеніемъ нижняго теченія Урака, еще сомнительна, но огородничество, при надлежащемъ уходѣ, могло бы имѣть успѣхъ. Въ остальныхъ мѣстахъ, гдѣ мохъ не выжженъ, возможно хозяйство оленное.

Параллельно съ развитіемъ сельскаго хозяйства разовьется, несомнѣнно и промышленность, не только добывающая, но и обрабатывающая.

Въ Якутской области встрѣчаются руды желѣзная серебро-свинцовая, мѣдная; въ послѣднее время найдена и платина. Золото встрѣчается во всѣхъ рѣчкахъ Алданскаго горнаго узла и по восточнымъ склонамъ Станового хребта. Въ сѣверномъ краю добывается огромное количество мамонтовой кости, а въ Вилюйскомъ округѣ значительна добыча соли. Каменный уголь встрѣчается около устьевъ Вилюя и на Ленско-Алданскомъ плоскогоріи. Лучшіе выходы обнаружены пока на лѣвомъ берегу р. Алданъ, противъ устья р. Тыра; на это мѣсторожденіе каменнаго угля обращено вниманіе, кажется, впервые мною.

Изъ другихъ ископаемыхъ укажу на болѣе важныя— каолинъ, мраморъ, гипсъ, слюда. Встрѣчаются сѣрнистые источники.

Рыбныя богатства сѣверныхъ рѣкъ хорошо извѣстны, но они имѣютъ мало сбыта за трудностью вывоза. Ни икры, ни консервовъ приготовлять не умѣютъ, и рыба привозится въ Якутскъ съ низовьевъ Лены ис-

ключительно въ соленомъ видѣ. Даже прекрасная Алданская стерлядь попадаетъ въ Якутскъ въ незначительномъ количествѣ.

Пушной промыселъ падаетъ, съ одной стороны, благодаря неразумному хищническому истребленію лѣснаго звѣря во всякое время года, и съ другой—благодаря опустошеніямъ, причиняемымъ лѣсными пожарами.

Иркутскъ. 1909 г.

Р. Зонненбургъ.

ЦѢНА 1 РУБ.

30 коп.

20руб